

Владимир Кочетков

Урок географии

рассказы

Москва
Вест-Консалтинг
2010

В. Кочетков. Урок географии. Рассказы.
М.: Вест-Консалтинг, 2010. – 264 с. с илл.

«Урок географии» — это добрые, смешные и познавательные рассказы о школе и школьниках, об увлекательном мире открытий за школьной партой, а также о путешествиях, человеческой судьбе, дружбе, любви.

Автор выражает благодарность за участие в издании книги Морозову Сергею Ивановичу и Доронину Николаю Петровичу

Книга издана при поддержке Губернатора С. И. Морозова
и Правительства Ульяновской области

ISBN 978-5-91865-009-7

© В. Н. Кочетков, текст, 2010
© С. И. Морозов, вступительное слово, 2010
© О. О. Тюльпа, обложка, 2010
© Л. Нецветаев, иллюстрации, 2010
© Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2010

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках удивительную книгу, прочитав которую, на время снова попадаете в волшебный мир Детства, в царство Школы, в необыкновенную географию.

Владимир Кочетков — не профессиональный писатель. Он — представитель замечательной педагогической династии, учитель из глубинки, который имеет собственную методику преподавания географии в школе, методику, органично совмещающую теорию с практикой. К тому же Кочетков — активный пропагандист физической культуры, здорового образа жизни, объехавший со своими учениками на велосипедах полмира. И ко всем этим его качествам добавляется незаурядный литературный талант, желание выразить на бумаге увиденное, услышанное. О мальчишеской дружбе и особой юношеской безалаберности и, порой, немыслимом безрассудстве. О волнительной поре студенческой юности. О походах и путешествиях по миру от Америки до Китая. О роли физической культуры в жизни человека. О людях, которые являются примером беззаветного служения Отчизне.

Все эти впечатления, размышления нашли отражение в настоящей книге Владимира Кочеткова «Урок географии».

Читать эту книгу будет интересно не только мальчишкам и девчонкам, но и их родителям, всем, кто интересуется воспитанием детей и подростков.

**Губернатор –
Председатель
Правительства
Ульяновской области**

С. И. Морозов

от автора

Нелегко дать книге правильное название. Но как я ни старался, ничего более ёмкого не подыскал. Действительно – работа в школе, путешествия по миру, даже далёкие детские игры – всё представляется одним нескончаемым уроком. Тому есть веское основание – моя бабушка и родители учителя, сам я по специальности – учитель географии.

Я люблю школу. Это удивительное место! Здесь можно мечтать и не бояться, что мечты никогда не сбудутся. Можно во всех тонкостях увидеть жизнь такой, какой её хочется видеть, совершать удивительные экскурсии в прошлое или будущее, а если вдруг попадётся хороший учитель, то можно научиться запросто беседовать с учёными, писателями и поэтами так же, как с соседом по парте.

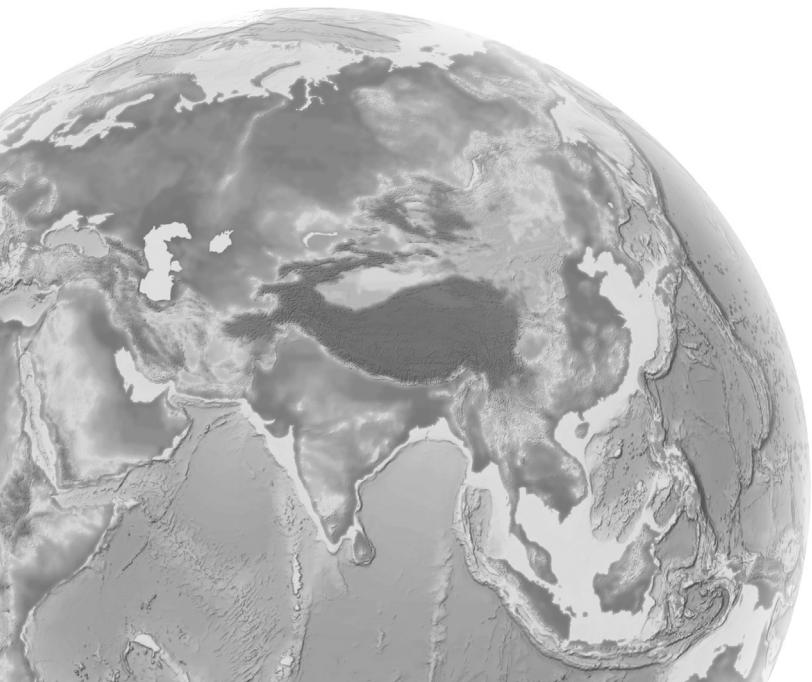
Эта книга состоит из коротких историй. Я всегда ловил себя на мысли, что работа над рассказами напоминает мне неторопливую беседу у костра. Будто я вижу глаза своих учеников – шестиклассников, стараюсь отвечать на их вопросы или пытаюсь понять логику их поступков. Неожиданно в воображаемую беседу вклинивались старшеклассники, студенты, их родители. В конце концов, я понял,

что читателями этой книги могут быть не только мальчишки и девчонки, но и родители, и просто люди, которые хотят поговорить о школьной жизни и студенчестве, о детстве и юности, о путешествиях, общении и особенностях поведения мальчишек.

Мальчишки – народ особый. Иногда их «знакомство» с жизнью может шокировать взрослых людей, которые успели позабыть свои юные годы. А честь и дружбу юному человеку нередко приходится отстаивать в очень непростых ситуациях. Эта книга о мальчишеской дружбе, об особой юношеской безалаберности и порой немыслимом, непонятном безрассудстве. О первой любви и тяге к путешествиям и приключениям, о праве выбора. Иногда детский выбор предопределяет всю дальнейшую судьбу человека, а, может быть, определяет его дальнейшие поступки, делит их на собственные «хорошо» и «плохо». Эта книга о любви к жизни, такой короткой на самом деле. Мне кажется, что я почти физически чувствую быстрый, упрямый и безжалостный бег времени. Мне хочется восхищаться каждым данным мне движением, хочется раскинуть в стороны руки, чтобы обнять ветер, вновь и вновь чувствовать вкус воздуха и постоянно радоваться красоте Земли.

За перо человек берётся тогда, когда считает себя способным сказать читателю что-то новое, интересное и нужное. По крайней мере, я попытался посмотреть на некоторые известные вещи с другой, может быть, не совсем привычной стороны, и что получилось, судить Вам.

*Посвящаю своему отцу — Николаю Васильевичу
и своим детям Роману и Евгению*

Вышка

Э то случилось давно, я тогда учился в классе пятом или шестом. Как и все дети ходил на занятия, когда родители усиливали надзор, пытался учить уроки, до вечера пропадал с друзьями на улице. Мы все жили в одном пятиэтажном доме далёкого военного городка. В играх всегда набиралось человек пятнадцать мальчишек примерно одного возраста. Мы гоняли в футбол, лазали по подвалам, играли в рыцарей и индейцев.

Я крепко дружил с Сергеем Азеевым, моим одноклассником, и мы постоянно, сами того не подозревая, соревновались за лидерство над ватагой. Я помню, как в конце марта мы прыгали с вязкого берега на зыбкую, скользкую льдину, затем, отталкиваясь шестами, выплывали на середину пруда. Сергей бросал шест и выбирался на берег, перебегая с одного осколка льда на другой. Повторить этот трюк никто кроме него не мог. Зато во время игры в индейцев я сделал самый дальнотбойный лук. Мы все по очереди стреляли из него, все вместе мастерили стрелы, а однажды ходили в лес ис-

кать можжевельник, чтобы обеспечить подобным оружием всех желающих нашей компании.

Однажды, используя случайно найденную во время сбора макулатуры карту, я подбил друзей отправиться в так называемую «экспедицию» в дальний лес, к истоку реки. Карта была старая, и это, скорее всего, сломало их недоверие и нерешительность. Как владельца такой реликвии, мальчишки выбрали меня вожаком, и мы, долго думая, отправились в путь.

Первый привал устроили через час. Присели отдохнуть у старой лесной полусгнившей вышки. Видимо, когда-то лесники высматривали с неё лесные пожары. Потом в округе появилась военная часть. Вертолеты совершали облёты почти ежедневно, и надобность в вышке исчезла. Её перестали ремонтировать, и вот теперь она кособоко стояла на небольшом бугорке, посреди темных островерхих елей. Для того чтобы не нашлось охотников проверить её на прочность, все ступеньки двух нижних пролётов были начисто сбиты.

— Ну, что? Кто полезет со мной? — Сергей посмотрел на нас вызывающе. — Дорогу глянем. С высоты виднее.

Я посмотрел наверх. Когда-то там, на самой вершине, была сколочена из досок небольшая клетушка — гнездо наблюдателя. Сейчас остались лишь две неширокие доски. Они не перекрывали и половины верхней площадки. Дело было опасным, а, главное, глупым.

— Ну, сдрейфили? А ты, командир? — меня резанула интонация, с которой Сергей произнёс это — «командир». В драке он был сильнее любого из нас, да и в смелости, пожалуй, превосходство его было безоговорочным.

— Так не за этим идём, — я попытался осадить его пыл. — Цель другая. Да и карта есть. Чего смотреть?

— Значит испугались! Тоже мне, путешественники!

Он сбросил рюкзак и начал карабкаться вверх. Я постоял с минуту и полез за ним. До второго пролёта долез быстро — было невысоко. Ноги легко отыскивали углубления от ступенек, руки обхватывали толстое шершавое бревно, пальцы цеплялись за длинные, глубокие трещины. Здесь нужно было перейти по горизонтальной балке на противоположную сторону. Опоры для рук не было никакой, но какая-то случайность помогла и Сергею, и мне преодолеть преграду и не упасть. Опять началось восхождение. Лезть становилось труднее — уже сказывалась высота. Лоб и спина покрылись потом. Я тогда первый раз в жизни почувствовал, каким холодным может быть пот. Когда в жару начинает бить озноб, а тело теряет силу, становится мягким и бескостным.

Вообще, я с детства боюсь высоты. Всегда было страшно подойти к краю балкона на верхнем этаже пятиэтаж-

ного дома, а уж если и подходил, то сначала проверял — хорошо ли зацепились пальцы за прутья решётки, а уж затем осторожно высовывался и смотрел вниз. Сейчас я старался не смотреть вниз, лишь вверх. Мне казалось, что Сергей лезет бодро, без страха. На голову и в глаза сыпались труха и мелкая древесная пыль.

— Ура! — услышал я сверху, — теперь легче пойдёт. — Мне стало ясно, что Сергей добрался до сохранившейся лесенки.

Наконец и я ухватился за нижнюю из оставшихся ступенек. Пошло действительно легче, только деревянные перекладки были трухлявые, а гвозди, которыми они были прибиты, — ржавыми. Их шляпки торчали наружу, цеплялись за штаны и царапали кожу. Одна из ступенек обломилась под Сергеем, обломок полетел вниз и ударил меня по руке. Лишь чудом я не разжал пальцы, а, обняв стойку, замер в испуге, ожидая, что Сергей рухнет вниз, и мы все попадаем как прошлогодние яблоки. Мне повезло — он удержался.

— Верхушка недалеко! — услышал я его хрип и понял, что он тоже боится. Это открытие придало мне сил, но я всё равно дёргал каждую ступеньку, проверяя её прочность, перед тем, как использовать в качестве опоры.

Прошел, кажется, целый час, прежде чем я увидел верхнюю площадку. Сергей уже вскарабкался на неё и уселся на одной из досок, как на лавочке, свесив ноги вниз. Спустя пару минут я выполз к нему. Он смотрел мне в глаза и насмешливо улыбался.

— Вот теперь и по сторонам посмотреть можно. Так, командир?

Я ничего не сказал в ответ, лишь кивнул и указал на мальчишек, которые ползли за нами.

— Как уместимся? Места-то нет совсем.

— Уместимся. Сядем поплотнее, — Серёга ухмыльнулся. — В тесноте да не в обиде.

Один за другим ребята из нашей ватаги выбирались наверх и рассаживались, прижимаясь друг к другу, словно воробьи на проводах. Я сидел на самом краю, удерживаясь лишь одной рукой. Земля была далеко внизу и казалось такой же недостижимой, как и облака, парящие в вышине. Я старался не крутить головой по сторонам, боясь потерять равновесие. Мы посидели несколько минут. Говорить никому не хотелось. Вышка едва возвышалась над деревьями, и дорогу отсюда рассмотреть было невозможно. Верхушки ельника уходили дальше и дальше сплошным покровом — вот и всё, что удалось увидеть.

— Ну что, будем слезать? — Сергей подмигнул нам, затем развернулся и повис на руках, отыскивая ногами первую ступеньку. Я зажмурился и почувствовал, как мои руки самопроизвольно хватаются за доску на освободившемся месте. Вдох замер на половине. Мне казалось, что нужно приложить усилие, чтобы проглотить воздух, вставший в горле комом.

Друг за другом мальчишки опускались вслед за Сергеем. Настала моя очередь. Я лёг на доску животом и свесил вниз ноги, стараясь нащупать опору. Подниматься всегда легче. Во время подъёма не обязательно смотреть вниз. Другое дело — спуск. Хотелось ускорить движение, и я еле сдерживал себя, понимая, что стоит лишь проявиться суете, как я не удержусь и полечу вниз.

Мне ещё раз повезло. Спуск прошёл успешно. Когда ноги коснулись земли, и я вновь почувствовал под собой твёрдую и надёжную опору, меня пробила слабость. Я

старался не подавать виду, но всё-таки сел и стал перешнуровывать кеды, хотя в этом не было никакой необходимости. Мальчишки выдёргивали занозы из ладоней и перевязывали тесёмки рюкзаков.

— Ну ладно, пошли дальше. Веди, командир! — Сергей накинул на плечи рюкзак и взял в руки палку, которая заменяла ему копьё.

Мы вновь выстроились друг за другом и, обходя заполненные водой лужи и густые куртины крапивы, пошли дальше. Я шёл впереди.

Лодка

— Нужна лодка, — Вовка шумно шмыгнул носом, — и не «рыбачка» какая-нибудь, а хорошая, настоящая дощатая лодка.

— А чем тебя не устраивает «рыбачка»? — я продолжал что-то возражать, несмотря на то, что спор был абсолютно бессмысленным — у нас не было никакой лодки вовсе. Но мне хотелось доказать какую-то свою правоту, хотя в чём она заключалась, эта самая правота, я и сам толком не знал.

— Во-первых, — Вовка начал загибать пальцы, по секундно сплёвывая по сторонам какой-то сухой воздушной слюной, — на рыбачку парус не поставишь, во-вторых — кувыркнёшься с неё, она же неустойчивая. Ну, а в-третьих, — он встал «руки в боки» и выпятил грудь, — что мы, дикари на долблёнке грести?! Вот интерес!

Я понимал, что он прав — грести действительно никто из нас, кроме двенадцатилетнего Женьки, не умел. Согласиться с этим, значит отдать инициативу в его

руки. Он примкнул к нашей компании только нынешним летом и пока считался чужаком. Женька, мой ровесник, каждый год приезжал из Саратова на летние каникулы к бабушке. Они жили на соседней улице, но огороды наши соприкасались, и мы как-то незаметно друг для друга сдружились. Сначала дружба была робкой — мы делились яблоками и огурцами, но неожиданно оказалось, что и тот, и другой не прочь ползать по лесу и окрестным холмам, изображая индейцев.

Сейчас я понимал, что Вовка говорит дело, парус — штука интересная. Можно будет крикнуть «Отдать швартовы!» или «Поднять грот!», встать у руля и запеть песню весёлого ветра. Воображение рисовало заманчивую картину быстро идущего против течения судна с косым парусом, разрезающим воду красивым изогнутым килем, стремительно уходящие назад берега реки и закручивающиеся буруны за кормой. Только, пожалуй, тельняшек не достать нигде. В продаже их нет, и вопрос этот вскоре станет наиважнейшим.

— Володька прав, — подал голос Женья, будто прочитав мои мысли, — конечно, нужна плоскодонка.

— А я что говорю! — с жаром ухватился за его слова Володя. — Дядя Петя сказал, что она большая — четверых выдержит!

Далеко, на одной из излучин реки, гнила дощатая лодка. Нам рассказал об этом сосед дядя Петя — насквозь пропахший махоркой крепкий старик с деревяшкой вместо ноги. Лодка брошенная, требующая серьёзной починки, но всё-таки с бортами и дном. Починить её казалось делом нехитрым — недалеко шло строительство нового дома культуры, и мы надеялись легко раздобыть там гудрон и доски. Но как пригнать её?

— Самое простое, — Женя обвёл нас взглядом, — спуститься на долблёнке вниз по реке и притащить её на буксире к пляжу.

— А что, — согласились мы почти сразу, — мысль хорошая, самим не тащить.

— Где «долблёнку» взять? — высказал я вслух мысль, которая беспокоила, пожалуй, всех.

— У дяди Пети втихаря возьмем на вечер, он не заметит, — Вовка внимательно посмотрел на нас. — Мы же вернём, никуда она не денется. Он бы и сам нам её дал, да ведь родителям скажет, а нам зачем лишние разговоры?

Мы согласились, Володя умел убеждать.

— Верёвка нужна крепкая, — наморщил нос Олег — двоюродный брат Володьки. Он был младшим из нас, и его голос, в общем-то, не имел достаточного веса в нашей компании. — Обычной бельевой не обойтись.

— Верёвку мы найдём, я у отца возьму моток, он не заметит, — уверил я своих друзей, — есть дело поважнее — нужно придумать название будущего судна и выбрать капитана.

Мальчишки согласились со мной, и мы до хрипоты спорили до самого вечера. Не слушая друг друга, каждый из нас предлагал свою версию и упорно пытался провозгласить её главной. В конце концов, спор наш завершился. Капитаном выбрали Володьку — он больше всех читал книжки про пиратов и знал о парусах почти всё.

— Знаете вы, что такое бушприт? А стаксель? — воскликнул он в разгар спора, стараясь перекричать остальных. — То-то! А капитан должен знать такие вещи.

Мы этих вещей не знали, и командование перешло к нему. Не сказать, чтобы я был рад такому раскладу, но меня успокаивало то, что название взяли всё-таки моё.

Будущий корабль решили назвать «Итака» — я тогда зачитывался греческими мифами, и выбор названия для меня сомнений не вызывал. Женёк назначили кормчим долблёнки, я был провозглашён матросом, а Олега поставили младшим матросом:

— И по возрасту, и по званию ты подходишь на эту должность, — важно сказал ему капитан.

Олег не очень понял разницы между младшим матросом и просто матросом и даже робко попытался выяснить истину, но Володька закончил обсуждение. — Есть дела посерьёзнее, — отрезал он, и вопрос с распределением должностей был закрыт.

Мы условились отправиться в путь завтра. Выйдем после обеда, никто, мол, не хватится нас до самого ужина. А тут уж мы, будьте спокойны, вернёмся победителями. Ещё успеем и лодку спрятать.

На следующий день мы хитростью выпросили весло у дяди Пети. Может быть, он и догадывался о наших тайных планах, но мы уверили его в том, что хотим просто выстругать такое же весло для игры в индейцев. Он покрикал, покрихтел, выражая таким образом своё нежелание давать в руки шалопаев нужную вещь, но весло дал, строго настрого наказав принести его вечером.

— Дядя Петя, всё будет, как сказали, вечером принесём! — мы взяли весло и побежали к реке. Верёвка уже была у нас с собой, время затеи пошло.

Долбленку дяди Пети мы нашли быстро. Она была, что называется, «для порядка» прикручена к стволу ивы длинной цепью, но мы знали, что никакого замка нет и в помине. Лодки никто не воровал, и навешивать замки было не принято. Быстро сняли с дерева цепь и столкнули «рыбачку» на воду. Она забилась на поверхности, как бабочка у закрытого окна, — довольно сильный ве-

тер поднял приличную волну. Женя, придерживая наше судно за нос, бросил короткую команду:

— Занять места!

Мы сорвались с места, запрыгивая через борта. Лодка чуть не перевернулась, и лишь сила Женькиных рук удержала её на воде. — Тише! Лодку перевернёте!

Едва ступив, я понял, что рыбацкая лодка — это очень шаткая конструкция. Она качалась подо мной так, словно я ступил на канат или на сильно накачанный мячик, который лежит на воде, чуть касаясь её боками. Вцепившись в борта руками, я сел на самый лодочный нос. За мной очень осторожно пролез на четвереньках Володька и последним взобрался Олег.

— Держись за борта, — строго сказал ему капитан. — Плавать не можешь, так держись крепче, а лучше ляг на дно, так надёжнее будет.

Олег послушался и уткнулся лицом в мою спину.

— Отчаливаем! — Женя, чуть развернув судно, вскарабкался на корму и затем, оттолкнувшись от дна веслом, выплыл на быстрину. Лодку сразу развернуло и понесло боком вниз по течению. Наш кормчий после недолгой борьбы выправил судно, зачерпнув немного воды через борт, и мы помчались вперёд.

У Суры течение быстрое, особенно на излучинах. Женя почти не работал веслом, лишь иногда он макал его в воду, выравнивая ход лодки. Она явно была перегружена — борта её приподнимались над поверхностью воды лишь на несколько сантиметров, хотя устойчивость её от этого нисколько не улучшилась.

В одном месте мы не разглядели полузатопленное бревно и здорово шарахнулись о его конец. Лодка накренилась, хватанув воды, развернулась кормой вперёд и закрутилась на месте. Олег закричал от страха и встал

на ноги, рискуя вывалиться за борт, но я успел схватить его за штаны и усадил на место.

Кусок пляжа, от которого мы отчалили, всё удалялся. Вот он скрылся за поворотом реки, и перед глазами побежал назад неизвестный берег — сюда мы в своих играх посуху не добирались. Я почувствовал, что какой-то холодок забрался под одежду, под кожу и занял где-то внизу живота. Хотелось скорее добраться до брошенной лодки и отправиться назад.

А день неумолимо приближался к закату. До вечера, собственно, было ещё довольно далеко, но сомнения о скором возвращении почему-то усилились. Тени от облаков стремительно бежали по воде, словно корабли с чёрными парусами. Мы миновали ещё один поворот и теперь-то, наконец, добрались до указанного места.

Высокий песчаный берег уходил вверх почти вертикально. Прямо на краю обрыва стояли липы и дубы, их голые корни свисали вниз, как канаты. Вскарбаться наверх было легко. Здесь господствовала тишина, только птицы перелетали с ветки на ветку и тревожно кричали, будто предупреждая друг друга о внезапно возникшей опасности.

Лодка, о которой говорил дядя Петя, действительно была на берегу. Вернее наружу торчал только её нос. Вся центральная часть и корма были покрыты толстым слоем песка и ила. Володька с видом знатока поковырял ногтем доски, из которых она была сделана, легко превращая древесину в вялую, мокрую труху. Починить лодку, судя по всему, не было никакой возможности. Наша мечта провалилась.

Между тем холодало. Солнце неестественно быстро опускалось к горизонту. Наступало время ужина. Нужно было торопиться.

— Ну, ладно, чего здесь стоять, — Женя звал нас занять места в лодке.

— Подожди, — крикнул я ему сверху, — травы нарву на дно постелить. — Я быстро набрал целую охапку каких-то цветов и бросил их вниз. Затем спрыгнул к воде сам.

Мы с трудом вытащили «рыбачку» на берег, перевернули её вверх дном и вылили всю воду. Затем вновь поставили её на воду, я застелил дно сорванной травой и опять устроился на носу.

Спустя пару минут Женя заработал веслом. Здесь, у высокого берега, было глубоко, и всюду крутили водовороты. Гребец пытался удержать судно против течения ровно. Ему это удалось, только лодка продвигалась вперёд невероятно медленно, и стоило ему пропустить гребок, как течение подхватывало лёгкий челн и отбрасывало его назад. Бесполезная борьба продолжалась несколько минут. Женька взмок, а мы ничем не могли ему помочь.

— Нет, — наконец сказал капитан. — Так не пойдёт. Надо причалить к берегу и найти шесты.

— Ага, — тут же поддержал его Олег, — к-а-ак навалимся, мигом домчим!

Его восторг был встречен дружным молчанием и сопением.

Мы пристали к берегу. Найти шест в лесу, не имея при этом топора, дело непростое, почти безнадёжное. Лишь затратив на поиски нужного стволика осины и на попытку его сломать минут двадцать, мы оказались обладателями длинной изуродованной палки, с кое-как обломанными ветвями и мочальным концом. Но теперь появилась возможность помочь гребцу.

Мы вновь все четверо забрались в лодку и по команде капитана отчалили от берега. Сразу стало ясно, что на

глубине шест едва ли поможет. Правда, я попытался грести им как байдарочным двухлопастным веслом, но руки очень быстро устали держать неудобный толстый шест.

— Опять неудача! — капитан начал заметно нервничать.

— Нужно переправиться на другой берег, там мелко, — робко выдвинул я свою версию.

— Ура! В этом наше спасение, — поддержали меня Женя и младший матрос Олег.

Мы осторожно переправились на противоположный берег. Вдоль длинного неширокого плёса тянулись заросли тальника. Заходящее солнце давало длинную тень, перекрывающую не только пологий берег, но и реку до самой середины. Вода превратилась из зелёной в тёмно-бурую, песок стал холодным и каким-то безжизненным, не сыпучим. Было тихо. Наши голоса разносились далеко и терялись в кронах больших ветвистых деревьев на другой стороне Суры. Птиц слышно не было — они как-то незаметно и неожиданно смолкли. Становилось прохладно. Я не взял с собой куртку или свитер — днём это показалось лишним, мы не думали, что наше путешествие затянется надолго, и теперь нас грызла досада за свою непредусмотрительность.

— Так! — опять воскликнул Володька. Он встал во весь рост в центре долблёнки и чуть размахивая руками принялся объяснять. — Теперь нужно с кормы толкаться шестом и грести веслом одновременно, тогда выйдет толк. А ну давай, по команде. Р-раз! Раз! Шустрей!

Лодка медленно двинулась вперёд, виляя из стороны в сторону. Мы с Олегом наваливались на шест, Женя, не переставая, загребал веслом. Судно шаг за шагом продвигалось к дому. Правда, очень маленькими шагами.

— Давай, давай, поднажми! — надрывался капитан, поглядывая на запад. Солнце уже скрылось за деревьями, и лишь верхушки самых высоких лип пока ещё горели золотисто-зелёным цветом. — Нет, — выдохнул он, вытирая пот со лба, — так дело не пойдёт. Вся работа псу под хвост. Такими темпами мы и до утра не доберёмся.

— Что ты предлагаешь в таком случае? — Женька выпрыгнул из лодки на берег, бросил весло и с недовольной grimасой на лице расправил плечи.

— Что-что, ясно что, за подмогой бежать надо, — он свёл брови к переносице. — Лодку мы сами не допрём, это факт! Бежать мне. Всё-таки я лучший бегун среди нас и короткий путь знаю.

— Это какой — короткий? — лицо Олега чуть вытянулось. — Через лес?

— Через лес, и вообще. Давайте быстро переправимся на ту сторону, и я побегу. Чем скорее переправимся, тем быстрее придёт помощь.

Мы загрузились в лодку. Держать равновесие стало чуть проще, но всё равно нас сносило течением назад. Причалить удалось не сразу — долго выбирали место — у берега на излучине скопилось много плавника. Едва лодка коснулась берега, Вовка выпрыгнул из неё и вскарабкался на вершину речного обрыва.

— Я скоро, ждите! — махнул он рукой напоследок и скрылся за деревьями. Ещё некоторое время были слышны его торопливые шаги, но спустя несколько мгновений они растворились в лесной тишине.

— Давайте на ту сторону, там плёс, мелко, всё-таки легче, — предложил я, и мы опять начали переправу через реку. Лодка шла чуть быстрее — сказывалось отсутствие одного члена команды.

— А что мы пытаемся грести?! — закричал вдруг Женька. — Может, проще будет толкать её или на буксире тянуть? Давай верёвку!

Я мигом достал моток крепкого капронового шнура. Мы прикрепили один его конец за нос лодки и как бурлаки потянули судно вперёд. Лодка тут же уткнулась носом в берег.

— Так не пойдёт, — Женька остановился. — Тут что-то не так. За борт нужно цеплять, за борт.

— Давай!

Мы быстро перевязали буксир. Дело сразу пошло быстрее. Лодка норовила уйти от берега, но мы крепко держали свой трос. Оставалось только поддерживать шестом её равновесие.

— Ого! Вот так-то! — закричал младший матрос Олег.

Двухкилометровый плёс прошли быстро. Солнце давно зашло. На реку, на берег опустились густые сумерки. Мы уже почти не различали лиц друг друга, а тальник казался сплошной тёмной бесформенной стеной. Ноги

стали запутываться в листьях мать-и-мачехи — плёс заканчивался, переходя в высокий берег.

— Так, — Женька повернул ко мне лицо. Глаза его блеснули в темноте. — Нам снова на противоположную сторону.

Я понял, что он боится. В темноте переправляться на лодке через реку было действительно опасно.

— Я поплыву рядом на всякий пожарный, — мне казалось, что я достаточно взрослый, чтобы поймать Олега в случае, если лодка перевернётся.

Я снял одежду, связал её в узел и бросил тук в лодку. Затем решительно вошёл в воду и толкнул «рыбачку» в корму. Некоторое время было неглубоко, и я легко справлялся с ролью буксира-толкача. Когда вода дошла до груди, толкать стало почти невозможно — песчаное дно уходило из-под ног, я зависал на лодочном борту, рискуя перевернуть шаткое судно. Тогда я, стараясь не отставать, поплыл рядом. Лодка скользила вперёд легко, я еле поспевал за ней.

Место было незнакомое. В любой момент можно было напороться на корягу. Я даже как-то втянул живот в ожидании удара. Берег казался далёким в темноте, а назад смотреть уже не хотелось. Слышались шумные гребки и удары весла о борт долблёнки — Женька старался изо всех сил. Я с разгону уткнулся плечом в борт — мы достигли берега. Переправа благополучно завершилась. Увязая по колено в полужидком иле, я выбрался на берег и торопливо оделся. Было холодно, майка и спортивные штаны почти не согревали после ночного плавания. Они прилипли к влажному телу и сейчас казались изготовленными из папиросной бумаги.

Некоторое время нам пришлось туго. На излучине скопились груды топляка, лодка застревала в завалах

среди веток и стволов, перемешанных течением, верёвка цеплялась за сучки и коряги.

В конце концов мы вытянули долблёнку на берег и потащили волоком по песку. Сперва эта работа давалась нам без особых усилий — после мучений, которые мы испытали, выпутывая поминутно трос из коряг, волок казался делом простым. Но вскоре силы иссякли. Последние метры до очередного пляжа мы перекатывали лодку, как бревно, — через борта.

Едва она встала на свободную от коряг воду, я упёрся в корму и толкнул её вперёд. Я перестал обращать внимание на мокрые кеды, на пот, струями стекающий по лицу, и на то, что бреду по колено в воде. Хотелось скорее добраться до пристани, бросить эту злосчастную лодку, помчаться домой и лечь спать.

Как прошёл этот последний километр — не помню. Я шлёпал по воде, словно гусь, то принимаясь считать шаги, то почти засыпая на ходу. Женька тянул лодку спереди за трос, привязанный за длинную рукоятку весла. Он не останавливался, не оглядывался и ничего не говорил. Время от времени то он, то я окликали Олега и, убедившись, что тот рядом, вновь отключались от окружающего мира. Тишина навалилась на нас огромным безжизненным комом. Она давила на голову, закладывала уши и выжимала непонятный едкий страх, зависающий в воздухе словно туман.

— Всё, пристань, — Женькины слова чуть не вышибли из глаз слёзы.

Мы отыскивали в темноте толстый ствол ивы и привязали лодку. Затем, нащупывая ногами тропинку, через огороды нижней улицы пошли домой. Цеплялись за штаны репы. Сил отдирать их уже не было, как не было на них и злости. Впереди слышались тревожные голоса.

— Надо идти на лодочную станцию к спасателям! У них фонари и лодки!

Я узнал голос своей мамы. Кто-то согласился с ней, кто-то громко запричитал.

— Не надо, здесь мы! — буркнул я в темноту.

— Здесь? Живые! Ах вы, паразиты...

С Вовкой мы встретились через три дня. Мне удалось вырваться из-под маминого надзора и прошмыгнуть на улицу.

— Что же ты, помощник?! — налетел я на него. — Я, я помощь приведу. Спасибо — привёл. А главное, вовремя.

— А чего — я? — оправдывался бывший капитан. — Я действительно бежал всю дорогу. Обошёл всех. У одних — праздник какой-то, музыка, других дома нет. Я бегал, бегал... Ну, ладно, — вмиг изменившимся голосом скомандовал он, — хватит об этом. Я брезент нашёл на парус. Давай лучше плот построим с парусом, а капитанами будем по очереди, день ты, день я.

«А что, плот, это мысль, — подумалось мне. — Может быть, действительно из этой затеи что-то получится?»

— Давай, веди. Там посмотрим.

И мы, выглядывая Женьку и украдкой обходя дом дяди Пети, побежали к Вовке в сарай.

Патроны

— Вовка, выходи!

Я выглянул в окно. Мальчишки уже стояли внизу. Серёга загадочно улыбался и придерживал рукой карман своих широких брюк. Я прошмыгнул мимо мамы, быстренько обул кеды и высунулся из прихожей:

— Мам, я не надолго, на часок! — и исчез за дверью. Выскочил из подъезда — друзья уже толпились у входа.

— Вчера солдаты палили на стрельбище, — Серёгино лицо сияло, как тщательно начищенная сковорода. — Мы с утра пролезли туда и нашли целую обойму пистолетных патронов. Пошли с нами — повзрываем!

— Страшно, они же боевые.

— Ясное дело — не холостые, — Сергей продолжал меня настойчиво убеждать. Мне хотелось услышать грохот настоящих выстрелов, но было боязно — вдруг узнают взрослые, тогда точно не поздоровится.

— Пошли, — не отставал мой дружок, — костёрчик разожжём. Так долбанёт, что ой-ёй-ёй!

Ухарство пересилило:

— Давай!

Мы побежали вокруг каких-то складов к пруду. Сразу за забором был пустырь и небольшой лесной массив, через который проходила натопанная тропа. По другую сторону её темнел водой наполовину заросший рогозом пруд. Нам казалось, что место здесь тихое, спокойное и безлюдное. Выбранная нами для костра лужайка была сплошь покрыта кочками, словно давным-давно кто-то постарался напахать борозд, а потом забросил работу. Со временем канавки заросли травой и чуть сгладились от ветра и талого снега.

Костёр разожгли быстро — сучья стаскивали всей ватагой. Пламя заалело бездымно — валежник был совсем сухой, а мы всё тащили и тащили обломки сухостоя — опушка была недалеко. Сели у костра и замерли.

— Патроны надо в консервную банку положить, тогда не сразу взорвутся, успеем нырнуть в укрытие, — маленький Лёшка Коптюк напряжённо сдвинул брови у переносицы, стараясь спрятать страх под нарочито жёстким взглядом.

— Всё удовольствие — свист пуль услышать, нервы пощекотать, — слегка щёлкнув его по носу, парировал Сергей. — Как в кино. «Только пули свистят по степи», — он огляделся ещё раз по сторонам. — Андрюхи Сурикова нет. Обещал подойти, и что-то нет. Ну ладно, начнём, тянуть не будем.

Он осторожно вытащил из кармана туго набитую нераспечатанную пачку и слегка подрагивающими пальцами оторвал заправленный внутрь бумажный клапан. Задники патронов заблестели тусклым медным отсветом.

— Вот они, целёхонькие! — Серёга указал на капсули, не пробитые бойками пистолетов.

— Дай подержать, — Женёк Поршневу подставил ладонь. Сергей выдавил из пачки несколько штук. Они с глухим тяжёлым стуком ссыпались вниз. Женёк подбросил их на ладони. — Тяжёленькие. Полные.

— Боевые, — Сергей деловито сгрёб патроны и аккуратно положил их в консервную банку. Затем так же осторожно достал из пачки остатки и зажал в руке. — Ну, кто положит их в костёр? — Сергей оглядел притихших мальчишек. — Давай, Вовик, а?

Я посмотрел на пылающий костёр. Опасное дело. Вдруг патроны начнут рваться сразу? Страшно. Я оглянулся назад. Все сидели и смотрели на меня, не отрываясь и не говоря больше ни слова. Я взял консервную банку, посмотрел на патроны ещё раз и зачем-то прикрыл её наполовину оторванной крышкой. Так, на всякий случай, словно это могло спасти, если что.

— Успеешь драпануть, — сирым голосом пробормотал Коптюк. — Говорят, они сначала крутятся начинают быстро-быстро, а потом уже взрываются.

— А вот эти просто в костёр брось, — Сергей разжал потные пальцы, и патроны оказались у меня в руке, — ладно?

Мальчишки отбежали от костра и улеглись за бороздой. Виднелись только их глаза.

Я зачем-то пригнулся и только потом шагнул к огню. Положил на угли банку и быстро задвинул её в огонь подвернувшейся под руку палкой. Затем бросил в пламя костра зажатые в руке патроны и, не выпрямляясь, побежал к спасительному «окопу», перемахнул через борозду и плюхнулся рядом с Сергеем.

— Молодец! Во щас шарахнет!

Мы замерли. Прошла минута, другая. Напряжение тянуло время, как расплавленную резину.

— Ты хорошо засунул банку-то? — почему-то прошептал мне в ухо Женька.

— Хорошо, хорошо, я даже в костёр палкой её задвинул, — отмахнулся я от него.

— Может огня не хватает? Жара? — Женькины глаза азартно сверкнули. — Я подползу — поворошу, а, Сергей?

— Лучше отсюда палкой кинуть. Давайте, дуйте в лесок, тащите палки!

Мы отползли от своего укрытия, затем рывком добежали до опушки. Быстро наломали сухих веток и так же скоро вернулись назад.

— Наломаем их помельче и будем закидывать костёр, как гранатами, — предложил Сергей.

Затея понравилась — мы, не высываясь, ломали принесённый сушняк на метательные снаряды.

— Хватит, — спустя несколько минут удовлетворённо крикнул Сергей, оценивая нашу работу. — Теперь кидаем, — он первым замахнулся и, не вставая, бросил в костёр ветку. Мы последовали его примеру, торопливо швыряя наготовленные обломки.

— Андрей бежит! — вдруг крикнул Лёшка, и мы увидели ещё одного нашего друга, который уже показался из-за угла и бежал к костру.

— Андрюха, ложись! — чуть привстав и высунувшись из укрытия, закричал Сергей. Но Андрей ничего не услышал и продолжал бежать к костру. — Ложись, там патроны! Сейчас взрываться начнут!

И опять Андрей ничего не понял, но шагах в десяти от костра остановился и недоумённо пожал плечами. И тут шарахнул выстрел. Мне показалось, что он хлопнул близко-близко. Уши мгновенно заложило воздушной непроницаемой пробкой, словно комьями мягкого пластилина. Андрей упал и вжался в землю. Затем стал приподниматься с блуждающей и какой-то глупой улыбкой на лице.

— Не вставай, — опять крикнул Сергей, — там ещё есть!

Но Андрей будто и не слышал. Он тёр уши и оглядывал себя со всех сторон. Ударил второй выстрел, за ним третий, четвёртый. Андрей вновь упал и, смешно приподнимая зад, стал отползать от костра. Это было последнее, что мне удалось увидеть. Пули вгрызались в деревья, жуками проносились над нашими головами, со свистом исчезали в голубом небе. Я лежал, не в силах оторвать от земли голову, уткнувшись лицом в мягкую почву.

— ...двенадцать, тринадцать, четырнадцать, — считал Лёшка, вцепившись дрожащими руками в пучки травы, а я мысленно повторял за ним счёт выстрелам. — Девятнадцать, двадцать, — сказал он и, повернув ко мне лицо, улыбнулся бледными губами. — Всё, патроны кончились.

Всё ещё боясь высываться, я украдкой посмотрел на Сергея — глаза его блестели, но пальцы дрожали, как

у махрового курильщика. Он осторожно выглянул из-за борозды.

— Суриков перепугался! Во в штаны наложил от страха! Я смотрю — он ползёт задом, как варёный рак! Вот умора-то! — Сергей стёр грязь со щеки, обводя нас взглядом. Мальчишки сидели и вяло посмеивались вместе с ним. — Айда к костру!

Мы, не желая прослыть трúсами, а просто стремясь поскорее оставить опасное место, повиновались. Костёр догорал. Наполовину потухшие головёшки были разбросаны в беспорядке. Искорёженные останки банки валялись тут же. Сергей плюнул в костёр:

— Во мы герои! А Андрюха-то до сих пор глазами хлопает, ничего не поймёт. Вот его проняло! — он обернулся к неуспевшему добежать до укрытия товарищу. Тот стоял прямо, как столб, и молча переводил взгляд то на остатки костра, то на Сергея, то на нас, стоящих вокруг.

— Я же тебе кричал, — опять засмеялся Сергей, — а ты прёшь как танк и ничего не слышишь. Это же боевые патроны были. Чуешь, как порохом несёт? — он сморщил нос и прищёлкнул языком. — Пошли вкругаля, а то сбегутся сейчас, ругаться начнут, — Сергей крутанул головой по сторонам.

Мы ещё раз оглядели место «стрельб» и быстро пошли в обход пруда, надеясь войти в военный городок с другой стороны.

Экзамен на смелость

Сашка Чикашкин открыл «школу будущих парашютистов». Собрал нас после уроков и говорит, мол, давайте, ребята, вступайте, парашютисты всегда в почёте.

Мы и вступили. И я, и Серёжка, и Генка Шапошников. Правда не сразу вступили, сначала подумали, поразмышляли над Сашкиным предложением.

— Сашка сильный, — хлопая глазами, промямлил, наконец, Генка, — у него одни мускулы килограмма три весят.

А потом добавил:

— И значок у него десантский есть, от брата достался, и берет голубой.

— Это точно, — согласились мы и вступили в парашютисты.

Сашка похвалил за решительность, пожал каждому из нас руку и тут же устроил настоящий «экзамен». Он привёл нашу компанию на пруд к большому раскидистому дубу.

— Смелость будем проверять, — сказал он и отдал

приказ лезть вверх по стволу до толстой ветки, а вниз в землю воткнул длинный кол. — Это, — он указал на его острую макушку, — для реальной опасности.

Азарт сразу же пропал — не очень-то хочется на такой кол упасть. А Сашка от важности весь раздулся и глаза прищурил:

— Жребий бросать будем — кому первому лезть. Я не полезу. Школа — моя, главный здесь тоже я, а смелость испытывать мне вовсе не нужно, — он оглядел нас всех поочерёдно, — я и так самый смелый. Если кто сомневается, выходи один на один — стукнемся.

Драться никому не хотелось. Не знаю насчёт смелости, но драться с Сашкой дело дохлое — накостыляет в два счёта.

Кинули жребий. Генке выпало первому лезть.

— Я бы полез, — тут же затянул он гнусавым голосом, — да в прошлом году палец на ноге сломал, когда в деревне у бабушки отдыхал.

Он мигом разулся, выставил на всеобщее обозрение ногу и растопырил пальцы:

— Вот! — Генка указал на мизинец, — совсем не двигается! До сих пор хромаю.

Я, честно сказать, ничего такого не увидел — нога как нога, палец как палец, а хромающим я видел Генку только один раз — ещё осенью. Он тогда учительский стол пытался перепрыгнуть с разбегу: «Я, — говорит, — Брумель», — споткнулся и свалился под стол. На лбу у него сразу шишка выросла, а на ноге синяк образовался. Вот тогда он целую перемену хромал.

Но сейчас Генка глаза округлил и с жаром пустился доказывать:

— Срок не прошёл. Год нужно выдержать, а то гангрена будет.

— Какая ещё гангрена, — с недоверием поморщился Серёжка.

— Такая, — передразнил его Генка. — Нога чернеет, чернеет, а потом раз — и отваливается.

— Как так отвалится? Врёшь ты всё, Генка, — я попытался остановить его наглую враньё. — Не может нога так просто взять и отвалиться.

— У кого и не может, а здесь особый случай, — зло посмотрел на меня хозяин сломанного пальца. — А ты не знаешь ничего, и не говори!

— Ладно, — снисходительно пробормотал Сашка, — гангрена так гангрена, причина уважительная. Тогда ты, Сергей.

Серёжка тут же рот открыл, губу рукой оттянул и зуб показал:

— Вчера вырвали. Врач сказал, что три дня по деревьям лазать нельзя — застудишь, говорит, всю челюсть разнесёт.

Серёжка толстый, ему нипочём на это дерево не лезть, вот и придумывает про зуб. Сашка хмыкнул и пожал плечами, а жребий перешёл ко мне — у меня палец не сломан и зуб на месте. Я хотел тоже что-нибудь придумать, но не успел. Сашка сунул мне за пояс моток верёвки и как гаркнет в ухо:

— Первый — пошёл!

Я аж подпрыгнул, как будто на пчелу наступил. Или на горящий уголь.

Полез. До середины кое-как добрался. Пот глаза залил, словно меня водой окатили, а тело задрожало от напряжения так сильно, что мне показалось, и дуб, и даже листья на дубе трясутся вместе со мной мелкой, противной дрожью. Ещё солнце с ума сошло — будто огненными гвоздями к стволу прибило.

На середине пути я остановился. Обнял руками и коленями ствол и замер. Думаю, пережду, сил накоплю. Какое там!

— Смелее, не будь трусом, — услышал я приказной окрик Сашки Чикашкина, — экзамен не зачту!

Сейчас я уже почти жалел, что решил вступить в его «школу». Я боялся, что сила кончится, руки отцепятся, и я полечу вниз. Без парашюта.

— Ну, ты что там, заснул?

Я разозлился. «Дурак, — думаю, — сидит себе там внизу и командует. И вообще. Ему хорошо. Мышцы накачал и хвастается».

От злости я вцепился в толстую кору что есть мочи и подтянулся вверх. Потом ещё. Выжимая остатки сил, вытянулся и ухватился за сук. Словно жук, долго копошился, прежде чем, согнувшись пополам, удалось перебросить тело на эту крепкую дубовую ветку. Было страшно. Земля казалась лежащей в огромном глубоком

пустом колодце с торчащим из самой середины колом, нацеленным прямо на меня. Мальчишки отсюда показались маленькими и какими-то неуклюжими, как гномы. Словно у них только голова, руки и ботинки, а тела нет. Едва я представил их гномами, меня разобрал смех — стоят такие головы — уши в стороны, смотрят на меня, руками машут. Сажу на сучке и смеюсь, того и гляди вниз шмякнусь.

— Эй, — говорит Сашкина голова, — верёвку давай к сучку привязывай!

Я привязал — спускаться-то надо. Руки не слушаются — дрожат, насилу узел затянул. Спускался как в школе на уроке физкультуры. Медленно и осторожно, и всё равно чуть на кол не сел.

— Эгей, — говорю, — кол-то убери!

Сашка с места не стронулся, лишь усмехнулся:

— Смелость города берёт! — а потом добавил: — Трусы. Жался, как воробей-поползень.

Генка поддакнул:

— Вцепился в дуб как клещ, вот мы с Саньком показывались!

Серёжка ничего не сказал, сглотнул слюну и промолчал.

— Ладно, — мотнул головой Сашка, — будем считать, что допуск к прыжкам вы получили. Я доволен. Теперь парашютировать. За мной! — он развернулся и степенно пошёл от пруда в глубь леса. Мы — за ним.

Шли недолго. Сашка иногда останавливался, придирчиво рассматривая молоденькие берёзки. Оглядит снизу доверху, как лесник, крикнет и дальше идёт. Наконец застыл перед тонким высоким деревцем, сбросил куртку и быстро, по-обезьяньи вскарабкался вверх, почти к самой вершине. Берёзка раскачивалась под ним, словно

спелый одинокий колосок от ветра. Сашка ухватился за вершину и оттолкнулся от ствола ногами. Стволик согнулся, и он мягко приземлился, действительно напоминая парашютиста.

— Здорово! — закричали мы хором и, толкая друг друга, бросились к берёзке.

— Стой! — крикнул Сашка. — Всё же я здесь главный инструктор. Без команды не влезать.

Он медленно подошёл к деревцу, ещё раз быстро влез к самой вершине и ещё раз «спарашютировал». У него действительно получалось ловко.

Толстый Серёжка никак не мог вскарабкаться так же высоко, как это получалось у каждого из нас. Он сопел, кряхтел и виновато тёр руки после каждой не очень удачной попытки.

Генка говорил ему что-то незлое, но обидное, посматривая при этом на Сашку, словно спрашивая разрешения. Тот усмехался и бормотал себе под нос:

— Вот Михрютка. Ничего, школа парашютистов делает из тебя человека. Дай срок.

Наша игра продолжалась около часа. Стало темнеть, и мы побежали домой. Лес скоро остался позади. Нам оставалось обойти пруд, перебежать мостик и пересечь заболоченный пустырь. Над прудом уже поднимался туман. Стало прохладно и чуть жутковато.

Вдруг мы услышали пронзительный детский крик, а затем увидели мальчишку лет восьми или девяти. Он стоял на кочке посреди болота, прижимая к груди маленького белого котёнка, и в отчаянии отбивался от большой вислоухой собаки, которая, оскалившись, прыгала перед ним. Шерсть на боках у псины была свалявшаяся, словно старая овчина, хвост короткий, зубы длинные, а на шее болтался обрывок верёвки.

— Я знаю, чей это мальчишка, — воскликнул Генка. — Они в соседнем подъезде живут на четвёртом этаже!

— Побежали за его родителями, — в тон ему закричал Сашка. — Помочь им надо — сообщить, вдруг собака бешеная! Пострадает мальчишка!

— Точно бешеная, — Генка махнул на собаку рукой, — вон у неё глаза какие безумные, и верёвку отгрызла — как пить дать с привязи сорвалась.

Генка и Сашка перебежали деревянный настил моста и изредка оглядываясь назад помчались в сторону дома. Мы с Серёжкой остались — было жалко мальчишку.

— Что делать будем? — Серёжка повернул ко мне испуганное лицо.

Действительно — одно дело решиться помочь. Но как? Собака-то большая и злая. Покусать может. А Сашкиной смелости нам ой как не хватает!

— Давай заорём во всё горло, может быть, испугается? — предложил я.

— Давай, — согласился Сергей, и мы завопили что есть мочи в два голоса.

Не помогло — собака не хотела обращать на нас внимания, лишь время от времени зло огрызалась.

— Давай камнями её отгоним, — предложил Сергей.

Мы набрали камней и стали кидать в собаку. Это подействовало — она, сверкая зубами, оставила мальчишку и бросилась за нами. Тут уж и мы испугались — выскочили на тропу и со всех ног помчались прочь. Наверное, не убежали бы, не будь рядом забора. Трусость сил придала — на забор взлетели одним махом и я, и Серёжка. Собака твякнула ещё раз, видимо, для собственного успокоения, а потом вспомнила о каких-то своих собачьих делах и исчезла, будто испарилась в воздухе.

Мы осторожно слезли с забора и вернулись к мальчику. Он всё ещё стоял посреди болота и вытирал слёзы. Я перенёс его на закорках с кочки на тропу, и мы вместе пошли домой.

— Котёнок убежал, — оправдывался мальчишка, — он маленький ещё, его кто-то напугал, он и убежал. Я его искал-искал и попал на пустырь. А тут собака. — Он погладил котёнка и посмотрел на нас с благодарностью.

До дома было недалеко. Мы проводили мальчика до самого подъезда, а затем пошли к Серёжке делать уроки.

Настроение было неожиданно хорошее. Пели птицы. Едва шелестели листьями высокие тополя во дворе нашей «высотки». Далеко за лесом медленно догорала вечерняя заря.

«Школа парашютистов» развалилась сама собой спустя неделю. Под Сашкой обломилась берёзка, и он упал, сильно поранив ногу о случайный сучок. Две недели ходил хромя, с забинтованной ногой.

— Парашют не раскрылся, — заговорщически подмигивая нам, посмеялся Генка. — Бывает, и инструкторы ошибаются.

— Да, — сказал я. Мне не хотелось разговаривать с Генкой.

— Да, — повторил Серёжка, — бывает, и инструкторы ошибаются.

Из подъезда вышел мальчик с маленьким белым котёнком на руках. Он оглядел двор, увидел нас и улыбнулся.

Подходил к концу ещё один учебный год.

С одной спички

Серёжка любил вечер. Особенно перед сном. В первых, разбирая кровать, можно было поиграть в солдатиков. Он делал для них из складок одеяла горы, укрытия, речные долины и разыгрывал небольшие сражения.

Во-вторых, сразу после этой игры мама читала вслух «Мурзилку» — она была уверена, что чтение вслух перед сном приобщает ребёнка к литературе. Журнал был интересный, а читала она хорошо, с выражением и интонацией. Время от времени мама поручала это дело старшему сыну Вове. Тот читал быстро и монотонно, пропуская целые абзацы. «Вредина, — думал Серёжка». Он знал, что брат делает это нарочно, стараясь поскорее избавиться от свалившейся ему на голову заботы. Иногда тот мог просто показать Серёжке кулак, заставляя отвернуться к стене и «сопеть в две дырки». Конечно, можно было пожаловаться маме на такой произвол, но Вовка с друзьями по воскресеньям ходил в дальний лес, и за хорошее поведение обещал

как-нибудь взять Сергея с собой. Тёмные верхушки елей можно было увидеть с балкона пятого этажа, и очень хотелось сходить туда, в такой далёкий поход. Потому приходилось молчать.

«Вообще — жаль, — думал Серёжка. — Жаль, что нельзя пожаловаться маме, жаль, что Володька так нехотя читает вслух журнал». В последних номерах «Мурзилки» был напечатан интересный рассказ об отважном лесном жителе — следопыте Соколином Глазе. Он ловко грёб на лодке, метко стрелял из длинноствольного ружья и быстро разводил костёр с одной спички. Серёжка с нетерпением ждал каждого вечера, чтобы снова и снова услышать о приключениях любимившегося героя.

В тот день Вова забрал Серёжку из садика домой пораньше, разбросал перед ним на столе бумагу и цветные карандаши, а сам убежал на улицу:

— Я к Сашке задачку решать, — сдвинув брови, строго сказал он брату. — Сиди, рисуй, не балуйся, я скоро приду.

«Знаю я, какую задачку он пошёл решать, — подумал про себя Сергей. — Тоже мне, глупенького нашёл! В футбол гонять побежал!»

Но вслух ничего не сказал. Да и как тут скажешь, если за это затрещину получить можно! Правда — она никому не нравится.

Сергей походил по комнате, внимательно заглядывая в каждый угол, а потом долго следил за минутной стрелкой больших настенных часов. Она медленно двигалась вперёд. Серёжка усмехнулся:

— Кто сказал, что время движется вперёд незаметно? Может, для кого и незаметно, но только не для меня!

Подошёл к зеркалу. Постоял перед ним, изо всех сил стараясь достать нижней губой до носа. Не получи-

лось. Он прихватил нос двумя пальцами и потянул его вниз к губе, но попытка опять закончилась неудачей. Тогда он, удерживая нос пальцами, дотронулся до него кончиком языка. Удовлетворённо улыбнулся. Затем, будто о чём-то вспомнив, встал боком, прищурил глаза и приподнял подбородок. Вот! У него точно профиль следопыта!

Нет, так дело не пойдёт! Серёжка решительно кивнул и уверенными шагами пошёл в кладовку, громко рассуждая сам с собой:

— С чего начинается отважный лесной житель? — он на миг остановился и задумчиво посмотрел в потолок. — Конечно, с одежды! Одежда должна быть кожаная и обязательно с бахромой. Тогда уж точно и костёр разведёшь легко, с одной спички, и выстрелишь метко.

Сергей открыл дверь в маленькую кладовую комнату и включил свет. Кладовка была забита старыми журналами, газетами и одеждой. Между газет был зажат большой ком ваты. Серёжка пощупал его руками и даже попробовал на зуб — в прошлом году в цирке он упрямил маму купить ему клочок сладкой ваты. Она выглядела словно всамделишная. Он тогда долго её рассматривал с удивлением, даже выступление фокусника пропустил. Вата прилипла к рукам, и Серёжка никак не мог от неё избавиться, как ни старался. Пальцы слиплись, и он долго тёр их о брюки и сиденье, но все его усилия были напрасны — вата превратилась в жидкий сахар, и словно клеем слепила пальцы. Но эта кладовочная вата была настоящая — мягкая и тёплая.

Серёжка долго шарил среди одежды и наконец достал и вытащил в комнату отцовскую лётную кожаную куртку. Отец служил военным вертолётчиком, и обмундирование им время от времени меняли. Конечно, надо было

спросить у отца разрешения, но он сегодня как назло находился на боевом дежурстве и должен был прийти домой только на следующий день.

— У него наверняка есть новая, — вслух пробормотал Сергей, — зачем ему две куртки? Пожалуй, одну из них он отдаст мне с удовольствием.

Он покрутил куртку в руках. Вот это то, что надо! Взял ножницы, сел на пол и терпеливо стал нарезать полы куртки на тонкие полоски. Ножницы с трудом резали крепкую кожу. Сергей просидел за работой довольно долго. У него даже спина заныла от напряжения.

— Да, — сопел он себе под нос, — нелегка лесная наука.

Наконец последняя полоска была готова. Он повесил куртку на спинку стула и отошёл на пару шагов. Посмотрел внимательно сначала левым глазом, зажмурив правый, затем правым. Обошёл кругом. Бахроме ему понравилась. Сергей с удовольствием провёл рукой по нарезанным полоскам, а потом подул на них. Бахрома замечательно затрепетала. Сергей улыбнулся, надел куртку и пошёл смотреться в зеркало.

— Так, — сказал он, сморщив нос, — низ готов.

Снял куртку и опять вооружившись ножницами начал резать бахрому на рукавах и воротнике. Через некоторое время куртка приобрела вполне сносный вид — теперь не стыдно было идти в лес. Он надел её и, выдернув из Вовкиных брюк ремешок, подпоясался. Наконец-то всё было в полном порядке! Правда куртка висела на плечах мешком, но бахроме была просто великолепна! Сергей выпрямился и для начала с разбегу запрыгнул на кровать, а затем с визгом перелетел с кровати на диван.

— Ого! — крикнул он, — я такой же ловкий и проворный, как Соколиный Глаз!

Серёжка начал ходить по комнате, расправив плечи и важно вертя головой по сторонам. Его взгляд случайно наткнулся на спичку. Она одиноко белела под шкафом.

— Ага! — крикнул он с восторгом в голосе. — Превращаюсь в следопыта! Стоило только лесную куртку надеть — и на тебе результат! — он поднял спичку и положил находку в карман. Коробок у него в запасе был давно, а вот теперь появилась и спичка.

Тут, как назло, галопом влетел с улицы брат. Сергей поспешно сбросил куртку и сунул её под свою кровать. Ему не хотелось раньше времени хвастаться своим новым нарядом. Затем он с независимым видом вышел на встречу брату. Вова, не обращая внимания на младшего, с разбегу плюхнулся на стул и разбросал по столу учебники. Он раскрыл тетрадку, взял в руку ручку и устремил взгляд в окно. Сергей не удержался:

— Я скажу, что ты на улице прошлялся, а уроки не учил.

— Цыц у меня, — Володька погрозил брату кулаком. — Я у Сашки был, мы с ним алгебру делали вместе.

— То-то я смотрю, вспотел весь. Видать задачка трудная попалась? Сашка до сих пор в футбол играет, голы считает.

В прихожей щёлкнул замок, и вошла мама. Разулась, прошла на кухню и поставила сумки на пол, затем зашла в комнату, села на диван, устало вытянув ноги.

— Ну, как вы тут? — улыбнувшись, спросила она у детей.

— Да нормально, как видишь, — оторвавшись от тетради, пробормотал Вова. — С братом вот, — он многозначительно посмотрел на Серёжку, — и уроки.

— Да, да, — кивнул головой младший и хитро улыбнулся.

— Мам, — сказал, потянувшись, Вова, — я отдохну немного. Передача интересная начинается — «Клуб кинопутешествий», посмотрю пока.

— Хорошо, — согласилась мама. — Я приму ванну и буду готовить ужин. А потом твои уроки проверим.

Вова включил телевизор и уже через пять минут брёл по вечным снегам к Северному Полюсу.

Сергей ушёл в детскую комнату и вытащил из-под кровати куртку. Надел. Достал спичку, внимательно осмотрел её, пощупал пальцами. Головка спички была крупной. «Полыхнёт хорошо», — удовлетворённо подумал он.

Серёжка вспомнил, как однажды с родителями и соседями они отдыхали где-то на берегу реки. Сергей потихоньку, чтобы никто не видел, поджигал сухую траву. Она вспыхивала, но он тут же накрывал её коробком, гася пламя. Отец тогда случайно заметил Серёжкину игру и строго отругал его, отобрав спички.

«Но это было осенью, — подумал Серёжка, — я тогда ещё был совсем маленький, а теперь весна. Не малыш уже — скоро в школу, — Сергей кивнул сам себе головой. — А что? Пойдём с родителями на лыжах в лес, а они раз, и провалятся под лёд на реке. Я их раз, и вытащу, а потом разожгу костёр последней спичкой, как Соколиный Глаз, и спасу от верной смерти. Они удивятся и заплачут от радости, а я сложу руки на груди, буду гордо щуриться, глядя на солнце, и ветер будет трепать бахрому на моей куртке».

— Так, — вымолвил он вслух, почесал кончик носа и ещё раз, уже твёрдо произнёс:

— Так, смелей! Следопыт приходит на помощь!

Серёжка свёл брови и шагнул в кладовку. Уверенно достал коробок и чиркнул спичкой. Она загорелась ровным ярким огнём. Он секунду подержал её в руке и сунул в торчащий ком ваты. Огонь сначала словно провалился куда-то, затем вата вспыхнула, огонь ожил.

Сергей испугался, замахал руками, стараясь сбить его воздухом, затем выдернул из стопки старую газету и прикрыл ею пламя. Обжёгся, одёрнул руку. Коробок выпал и тут же загорелся.

— У-у-у! — закричал Серёжка, засовывая в рот обожженный палец. Пламя с весёлой злостью побежало вперёд, подбираясь к стопке старых журналов. Кладовка наполнилась едким дымом. Сергей сорвал с вешалки кофту и из последних сил начал молотить ею то сверху, то сбоку, стараясь утихомирить пламя. Слезы моментально залили глаза и потекли по щекам, он выскочил из кладовки, тщательно прикрыв за собой дверь и защёлкнув её на щеколду.

Сергей опять снял куртку и сунул её под кровать. «Что же теперь делать? — подумал он. — Может быть,

огонь потухнет сам собой? Стены каменные, бумага сгорит, и всё».

Он на цыпочках подошёл к двери кладовой. Сердце бешено колотилось. Оно прыгало внутри грудной клетки, словно теннисный шарик. Серёжка дернул ручку на себя. Огонь, глотнув свежего воздуха, вспыхнул с новой силой. Горе-следопыт тотчас же захлопнул дверь и побежал к Володьке.

Брат сидел перед телевизором и продолжал внимательно смотреть телепередачу. Сергей подошёл к нему и жалобно, едва открывая рот, проямлил:

— Вова, посмотри, что в кладовке.

Видимо, вид у Серёжки был действительно очень уж жалким, потому что Вова сразу сорвался с места и подскочил к кладовой. Оттуда уже валил дым. Вовка открыл дверь и отшатнулся — ему навстречу брызнуло сизое пламя. Он со всех ног бросился в ванную комнату и одним махом сорвал с крючка дверь. Мама опешила и не смогла произнести ни слова, лишь удивлённо смотрела на старшего сына округлившимися глазами. Пена переваливалась через край и тихо шлёпалась на пол. Вовка, схватил ведро и зачерпнул воды из ванны, проговорив при этом возможно более спокойным и ровным голосом:

— Ведёрко зачерпну?

Мама молча продолжала смотреть на него.

Володька словно ветер пролетел через комнату, плеснул воду в самое пекло и тут же побежал назад. Дым из каморки повалил уже густыми клубами, заполнил комнату и весело прорвался на улицу через открытую форточку.

— Вова, что случилось?! — мама уже стояла в ванне во весь рост и пыталась укутаться полотенцем.

— Ничего-ничего, не беспокойся, — опять проговорил Володька и зачерпнул воды.

Народ на улице уже собрался в довольно большую галдящую толпу. Вовка, пробегая в очередной раз с полным ведром, мельком взглянул на волнующихся людей.

— Встань к окну и маши им рукой. Только доброжелательно! — крикнул он Серёжке. — Сделай вид, что ничего не происходит!

Тот прижался носом к стеклу, вяло взмахнул рукой и кисло улыбнулся.

Серёжка уже не считал, сколько раз его брат и мама пробежали из ванной к кладовке. «Наверное, уже всю воду вычерпали, — почему-то с грустью подумал он. — Интересно, долго ещё будет гореть?»

Володька с мамой медленно вышли из кладовой. Им вслед растекалась ручьём огромная лужа. Куски обгорелой ваты и пепел от сгоревшей бумаги лежали на поверхности и медленно двигались вперёд вместе с водой. «Словно весенние кораблики», — шмыгнув носом, подумал Серёжка, но вслух ничего не сказал.

Вова подошёл к окну и чёрными от сажи руками открыл его настежь. Остатки дыма вырвались наружу. Люди что-то кричали ему снизу.

— Не волнуйтесь, — громко на всю улицу ответил он. — Это я блины пеку! — и добавил, посмотрев на Сергея: — Брата учу блины печь, — затем указал куда-то за спину пальцем, — масло подгорело!

Люди внизу возмущённо покачали головами и нехотя разошлись, то и дело оглядываясь на открытое окно.

Весь вечер мама чистила и прибирала в кладовке. Вова учил уроки, а Серёжка стоял в углу и грыз ногти. «Пропал вечер, — думал он с сожалением, — пропал. Сегодня точно «Мурзилку» не почитают». От этой мыс-

ли его глаза наполнялись слезами, и он стоял и тихонько всхлипывал.

Все оставшиеся до конца недели дни Серёжку забирали из садика последним. Мама теперь сажала его с собой на кухне, и он рассказывал ей выученные в саду стихи и сказки. А изрезанную куртку и обгоревшие журналы она тщательно завернула в прожженную кофту и тайком вынесла на помойку. Отец, вернувшись с дежурства, подивился порядку в кладовке и словно въевшись в стены запаху дыма. Но он ни о чём не догадался и лишь однажды посетовал на то, что никак не может найти свою кожаную куртку — запропастилась, мол, она куда-то. Помня о своих следопытских возможностях, хотел Серёжка высказать вслух свою версию, да удержался — лучше по вечерам устраивать бои солдатиков и слушать истории о Соколином Глазе, чем стоять в углу и грызть ногти.

Праздничный торт

— Подходит мамин день рождения, — у моего брата засияла физиономия. — Давай испечём торт! — Он прищурил глаз и хитро улыбнулся. — Родители придут с работы, а тут на тебе — «Наполеон» на столе!

Я согласился:

—Идея здоровская!

А что, действительно здорово! Торт — это вкусно! Три недели назад на ноябрьские праздники мама делала торт. Всем понравилось. А работы — тьфу: крем сварить, да блинов напечь. «Наполеон» — что может быть проще?

Вообще, я считал себя уже достаточно взрослым и самостоятельным — как-никак семиклассник. Не то, что Серёжка — тот только начал ходить в школу. Мне хотелось научить его готовить, а заодно поддержать перед ним свой авторитет.

Мы пошарили по книжной полке.

— Вот она! — я достал толстую книгу с кулинарными рецептами и начал её листать. — Всё просто — яиц столько-то, молока столько-то.

— Клади, меси-замешивай! — поддакнул Сергей. — Сахару не забудь!

— Не бойсь, чего-чего, а сахару не пожалею.

Мы открыли книгу и для начала просмотрели все картинки. Книга была очень хорошо оформлена. Пирожные на цветных вклейках выглядели аппетитно и соблазнительно.

— Чаю что ли попить... — задумчиво пробормотал Сергей. — С булочками, да с маслом.

— погоди, не торопись, — похлопав его по плечу и стараясь сохранить важность в голосе, наставительно сказал я. — Вот торт испечём, тогда и попьём. Аппетит береги.

— Да я берегу, — кашлянул брат. — С чего начнём?

— С крема, конечно, — я поучительно поднял палец вверх. Мне самому понравился тот покровительственный тон, который я взял с самого начала нашей «операции». Меня распирали гордость и важность.

Сергей потёр ладошки одну о другую:

— Заварной? — он сглотнул слюну. — А получится?

— Конечно, — я раскинул руки в стороны, словно иллюзионист в цирке в момент удачного исполнения очередного фокуса. — Алле гоп, и всё.

— Давай приступать скорее! — Сергей запрыгал вокруг меня на одной ноге. — Скорее! Скорее! Скорее!

Я внимательно прочитал рецепт приготовления крема.

— Так, всё понятно. Три яйца, — я почесал затылок. — Думаю, трёх будет мало. Давай шесть.

Брат с готовностью разбил шесть яиц в приготовленную посуду. Замер в ожидании:

— Может, кастрюльку побольше взять? Вдруг пойдёт через край?

— Ну, не каша же, — успокоил я его. — Не должно. Удержим!

Я читал дальше:

— Стакан песка. Что там стакан, да? — я подмигнул своему помощнику. — Давай полтора. Сыпы!

Сергей с готовностью, не жалея, сыпанул в кастрюлю сахару.

— Стакан молока и сгущёнка. Лей!

Сергей вылил и то, и другое.

— Так, — читал я. — Теперь поставить на медленный огонь и помешивать непрерывно.

Мы поставили посудину на медленный огонь. Я начал крутить ложкой то по часовой стрелке, то против. Сначала осторожно и неспеша, потом всё быстрее и быстрее. Прошла минута, другая, третья. Наша смесь не собиралась превращаться в крем.

— Может быть, что-то не так? — Сергей с нетерпением заглянул в кастрюлю. — Может, огня не достаёт?

— Точно! — Я демонстративно хлопнул себя по лбу. — Балбесы мы с тобой. Крем-то — за-вар-ной! Его же ва-рить надо.

Мы прибавили газ. Я продолжал усиленно вертеть ложкой в кастрюле.

— Ну что? — встав на табурет и заглядывая через плечо, деловито поинтересовался брат.

— Густеет, — удерживая горячую ложку рукавицей-прихваткой и прикрывая слезящиеся глаза, ответил я.

Прошла минута.

— Что-то жареным пахнет, — растерянно поглядывая по сторонам и прищуриваясь, словно пытаюсь проследить полёт комара, пробормотал Сергей. — И ещё яичницей. Дыму много. Или крышкой закрыть?

— Давай попробуем, — я накрыл крышкой наше варево. Пёс, до этого спокойно лежавший у ножки стола, встал и несколько раз отрывисто чихнул. Внимательно посмотрел на меня, затем перевёл взгляд на плиту. Он понял, что ему-то точно перепадёт сегодня что-то вкусное. И много.

Я убавил газ и открыл крышку. То ли пар то ли дым густо повалил из-под неё. Сергей попытался руками разогнать дымовые облака, но скоро бросил эту затею и сел на пол.

— Надо остудить, — я старался не терять бодрости в голосе. Подул на «крем», взял газету и словно веером помахал ею над кастрюлей, а затем опустил её между Сергеем и псом на пол. Мы посидели в ожидании несколько минут все трое. Дым рассеялся. Я заглянул в кастрюлю, понюхал, поковырял ложкой:

— Готово, наверное.

— Ну и как? — упавшим голосом спросил Сергей.

— Да вроде ничего... Есть можно.

— А что это такое?

— А пёс его знает, — я пожал плечами. — Вообще-то должен быть заварной крем.

— Как-то не очень похоже на крем, — Сергей с безразличной миной на лице ковырнул ложкой и положил на язык кусочек нашего праздничного произведения. Пожевал. — Похоже на яичницу. Только на сладкую. А вдруг рецепт неверный?

— Точно, рецепт! — стараясь сохранить остатки авторитета, уверенно ответил я. — Может быть, съешь хоть сколько-нибудь? А то столько добра извели понапрасну.

— Ну, его, — Сергей отвёл в сторону глаза. — Я не люблю крем живьём есть, а на хлеб он не намазывается.

Пёс топтался около нас, в надежде помахивая хвостом и слглатывая слюну.

— Давай собаке, что ли, отдадим? — спросил я.

— Точно. Вот ему праздник будет!

Я тщательно выскреб «пирог» в миску и отдал псу. Тот степенно походил около миски, потянулся и с удовольствием зачавкал, время от времени поднимая голову и поглядывая с благодарностью то на меня, то на Сергея. А мы сели за стол и уже через две минуты спокойно пили сладкий чай с булочками и маслом.

— Вкусно, — улыбаясь, сказал Сергей.

— Ещё бы, — ответил я. — Но когда-нибудь мы обязательно сделаем праздничный торт с заварным кремом. Вот достанем настоящий рецепт и сделаем!

Воробей

Воробья поймал Колька. Он ловко накрыл птицу большой серой кепкой, когда пернатые, позабыв про опасность, торопливо клевали рассыпавшееся на дороге зерно. Пойманный воробей был очень расторопный. Он бесцеремонно расталкивал своих неуклюжих собратьев, спеша ухватить побольше, не раздумывая глотал добычу, и вот — поплатился за свою жадность. Теперь он крутил головой во все стороны, тараща горящие безумным страхом глаза, и тщетно пытался вырваться из цепких рук нашего атамана.

Колька был старшим из нас. Он закончил шестой класс и был главным заводилой на нашей улице. Мы старались походить на него — уверенного и ловкого — старались так же как он прищуривать глаза во время разговора, говорить, растягивая слова, и сплёвывать, не меняя выражения лица.

Их семья жила в большом старинном доме напротив. Когда-то очень давно здесь был постоянный двор, затем конный двор колхоза и вот теперь обычный жилой

дом. Конюшен уже не было, вместо них стояли длинные дровяники, и лишь под домом иногда коптила чудом уцелевшая кузня. Попасть сюда было очень заманчиво и интересно. Мы всей ватагой подходили со стороны огородов, ползли через крапиву и репейник, а затем с величайшей осторожностью по одному перемахивали через ветхий забор и, пригнувшись и давя переспелые огурцы, бежали за Колькой к кузне. Гораздо проще было пройти с улицы, но почему-то каждый раз повторялось одно и то же — мы проникали сюда тайно, словно воры. Облепленная сажей дверь открывалась бесшумно — петли были густо смазаны солидолом.

Колька чувствовал себя здесь полноправным хозяином. Он важно надувался и даже будто становился выше ростом. Ещё он покрикивал на нас, не вынимая рук из карманов, но мы терпеливо сносили его выходки — Колька разрешал раздуть огонь, покачать мехи и раскалить докрасна кусок металлической проволоки. Долго потом мне мерещилось пламя, то затухающее, то вспыхивающее вновь, как далёкий отблеск давно ушедших времён.

Каждый раз то один, то другой из нас ставил на наковальню прихваченный с собой из дома чугунный горшок — это была своеобразная плата за вход в кузницу.

— Эта кузня — наш арсенал, понимать надо, а лучших снарядов для рогаток не придумать, — говорил атаман, и мы кололи на мелкие кусочки принесённые чугуны, набивали зубастыми осколками карманы и, устроившись на подлавке сарая, стреляли то по репьям и помидорам, то по трубам чужих домов. Чугунный снаряд летел с каким-то шмелиным гудением, впивался металлическим гвоздём в цель и отлетал рикошетом в

сторону. Иногда Колька, а за ним и все мы вместе начинали палить по металлической крыше или по завитому резным узором коньку, радуясь удачному попаданию и вызывая своей стрельбой грохот, похожий на гром среди ясного неба. Вслед за Колькой мы притихали, когда хозяин дома в недоумении выскакивал наружу, пытаясь выяснить причину непонятного шума. Глядя на атамана, мы смеялись, когда хозяин выскакивал на улицу ещё и ещё, ставил лестницу и лез на крышу. Он в раздумье чесал затылок и с каким-то жалким видом оглядывался по сторонам.

— Какой тупой, — повторяли мы вслед за Колькой и наблюдали за соседом, прищуривая глаза и сплёвывая на солому подлавки, а наш атаман с любовью поглаживал жёлтую резину своей рогатки. Она у него была особая — тягучая и упругая. Где он её достал — неизвестно, по крайней мере, нам он об этом не говорил. Раз только он хвастался оставшимися запасными полосками, и мы немного завидовали боевым качествам его оружия — он всегда бил наверняка.

И вот теперь у него в руках был так ловко пойманный воробей.

— Колёк, зачем он тебе?!

— Здорово ты его, дурака, накрыл!

— У моих знакомых в городе канарейка живёт в клетке, а у Кольки теперь воробей будет жить, да, Колёк? — белобрысый Володька, восторженно глядя на удачливого птицелова, широко улыбался щербатым ртом. Веснушки на его носу весело прыгали, будто смеялись и радовались вместе с ним.

Мне было жаль птицу, но было неловко в этом признаваться, и я вместе со всеми улыбался и хвалил нашего командира.

Колька снисходительно оглядел всю нашу ораву, слегка прищурил глаза и, не говоря ни слова и намеренно растягивая паузу, подмигнул нам. Затем достал из кармана кусок тонкой бельевой верёвки и привязал её к ноге несчастного воробья. Мы не знали, что он задумал, и молча наблюдали за его действиями.

— Пошли, — Коля мотнул головой, перешёл улицу и направился к воротам Володькиного дома. Он пошарил взглядом по разошедшимся доскам, удовлетворённо хмыкнул, привязал свободный конец верёвки к шляпке торчащего крепёжного болта и, проверив прочность узлов, отошёл назад. Воробей бился о дубовые доски ворот, тщетно пытаясь вырваться из плена. Он кричал от ужаса, беспорядочно молотил крыльями, в отчаянии бросаясь, то в одну, то в другую сторону.

— А теперь постреляем по движущейся мишени, — ещё раз оглядев всех нас, уверенно сказал Колька. — Бить будем с десяти шагов, — он прищурился и лихо сплюнул сквозь зубы. — Тому, кто первым попадёт, отдам новую резину для рогатки, ту, жёлтую.

Его слова будто растаяли в моём сознании огненной липкой смолой. «Это ведь плохо! Этого нельзя делать! — мысли пробивали мозг как вспышки яркого света в крошечной темноте. — Я не могу! Я не буду!»

Бах! Бах! Бах! — застучали чугунные снаряды металлическим горохом. Я старался не смотреть на обречённого воробья. Слезы заливали глаза от жалости, но вдруг, ещё раз взглянув на пытающуюся вырваться из плена птицу, я с ужасом и ненавистью к себе отчётливо почувствовал, как и меня охватывает холодный животный азарт убийства! Захотелось оттянуть резину рогатки, что есть силы и посмотреть, что будет дальше после моего удачного выстрела.

Мне стало страшно и жутко от этой дикой мысли. Холодный пот прошиб лоб и моментально высушил слёзы.

— Ага! — торжествующий крик Кольки прорвался сквозь пелену, заложившую мои уши. — Резина остаётся у меня!

Я опустил рогатку и старался больше не смотреть в сторону переставшего биться воробья.

— Ты что? — услышал я над ухом.

— Ему воробышка жалко! Бедный воробышек!

— Ничего не жалко, — стараясь сохранять невозмутимый вид и не встречаться взглядом с Колькой, ответил я, — у меня снаряды кончились. И вообще от воробья уже ничего не осталось.

— Это точно! Колёк его вон как пригвоздил, одним выстрелом, — Володька опять улыбнулся и с завистью посмотрел на жёлтую резину Колиной рогатки. — Ш-ших, одни перья остались!

— Ничего, — Колька отвязал верёвку, бросил растёрзанную птицу в траву и повернул к нам довольное

лицо. — От них один вред — они зерно на полях клюют. Считайте, мы колхозу помогли план выполнить.

Мы медленно пошли к Колькиному дому. Я никак не мог отвязаться от какого-то брезгливого чувства к себе, словно не только руки, но и все мои внутренности вывозились в чём-то гадком и вонючем. Мне хотелось остаться одному, но никак не удавалось найти повод для того, что бы незаметно улизнуть домой. Хотелось спрятаться куда-нибудь подальше от собственных глаз, забиться в щель тараканом и сидеть, не глядя на белый свет. И тут меня позвала мама. Я быстро попрощался с мальчишками и убежал.

Несколько дней я не показывался на улице. На то была веская причина — началась грибная пора, и мы с родителями ездили каждый день за грибами. Каникулы подошли к концу, и сразу после грибного сезона поезд увёз нас на место службы отца — в Ивановскую область.

Ещё несколько раз я приезжал к бабушке на летние каникулы. Но сдружился с другими мальчишками. Мы до ночи гоняли мяч, ходили на рыбалку и в лес. Окончательно же переехал на родину с родителями, когда мне шёл уже четырнадцатый год. Колька к тому времени окончил школу и поступил в военное училище. Лишь один раз я видел его потом, спустя много лет — когда в офицерских погонах он приехал навестить своего отца. Мы кивнули друг другу едва заметно, скорее по старой деревенской привычке, чем по внутренней необходимости, и разошлись.

Мимолетная встреча

Закончилась служба отца, и наша семья, оставив военный городок, переехала на родину в небольшой посёлок в Поволжье. Я как-то легко, почти сразу привык к сельскому дому, дровам и даже соседским петухам, которые ни свет ни заря взлетали на наш палисадник и начинали пронзительно орать, движимые, казалось, одним желанием побыстрее разбудить всю округу, вымотать всем нервы и не давать покоя до самого захода солнца.

Я очень легко и быстро сдружился с несколькими мальчишками, жившими неподалёку. Они чуть презрительно приняли моё городское «происхождение». Чуть подсмеивались, когда я не очень умело и не очень уверенно всаживал в сучклявое полено с плеча топор, упрямо пытаюсь его расколоть, или наблюдая за тем, как я носил воду. Вёдра были большими, цилиндрическими, стоило наполнить их до краёв, как они становились тяжёлыми и неудобными, и вода из них обязательно расплёскивалась, когда я тащил их домой. Как я ни старал-

ся, мой путь от колонки был отмечен большими водяными кляксами. Но, как бы то ни было, к концу июня вихор на макушке моей головы выгорел до соломенного цвета, а загаром и цыпками на руках я не отличался от своих друзей.

Больше всех я сдружился с Сергеем Кулагиным. Мы как-то сразу сошлись. Сказалось, по всей видимости, общность интересов. Сергей любил погонять в футбол, почитать книгу, побродить по лесу, и был ко всему прочему заядлым рыбаком. Он-то и заразил меня рыбалкой. Я подхватил его увлечение словно инфекцию. Мы ходили с ним в магазин и набирали поплавков, грузил и крючков, складывали их вместе с леской в специальную коробочку, а потом шли в лес за удилищами. Долго лазили по зарослям орешника, выбирая толстые длинные прутья и осторожно срезая их под корень. Сергей счищал с них ножом кожуру, а затем, с сосредоточенным видом и полным знанием дела проводил им отбор. Он брал заготовку за тонкий конец и плавно поднимал её вверх. Удилище выгибалось дугой и гибко играло в его руке, когда он двигал кистью вверх-вниз. По признакам, понятным только ему, он оставлял понравившиеся заготовки, затем сушил удилища несколько дней, крепил лесу, крючки и поплавки. Меня увлекла и заворожала такая тщательная подготовка, понравилось Серёжкино отношение к делу.

С Сергеем мы облазили все излучины Суры — нашей реки. Ловили пескарей, язей, сомят. Я однажды выудил даже небольшого, может быть, на килограмм, щурёнка. Но больше всего мы любили ходить за карасями. Поклёвка у карася удивительная. Поплавок вздрогнет, будто с перепугу, и резко в сторону поведёт. А то дёрнется, а затем ляжет и замрёт, не шелохнувшись. Надо

тянуть! А голубчик карась, оказывается, уже на крючке сидит, молчит, время выжидает и на чудо надеется.

Хотя, если признаться, рыбалку я любил больше всего за туман, лёгкий, как дыхание в морозный день, стелющийся над тёмной, глубокой водой, за отражение крон склонившихся к самой воде деревьев и спокойную, неторопливую тишину. Ради этого, признаюсь, я и вставал по самой темноте, садился на велосипед и крутил за Сергеем к дальним озёрам — карась клевал только там.

К середине лета лов на некоторых озёрах был запрещён. Сейчас я уже не помню, почему так случилось. Скорее всего, именно тогда решался вопрос по организации заказника в Засурье. Но, как известно, мальчишкам трудно втолковать, что теперь нельзя делать то, что вчера ещё было делать можно.

В то утро мы, презрев все запреты, выехали по знакомой дороге. Была абсолютная темнота — лишь звёзды горели, как драгоценные камни, холодным, неподвижным огнём. Мы торопились. Хотелось оказаться у цели до восхода солнца. Свернули с дороги на мокрую от росы тропу и, стараясь не потерять в темноте направление, осторожно покатали через лес. Мне казалось, что с каждой затраченной секундой теряется улов. Нетерпение подгоняло вперёд. Верилось, что вот, сто́ит лишь сейчас закинуть удочку, и рыба тут же валом повалит на крючок. Движения стали суетливыми и судорожными, как при лихорадке.

Наконец тропинка вывела нас к берегу лесного озера, поросшему густой влажной травой. Я тут же спрыгнул с велосипеда, поспешно отвязал удилища, схватил банку с червями, на ходу проверяя её целостность, и немедленно закинул удочку. Сергей, в отличие от меня,

всё делал неспеша, без излишней суеты. Он внимательно осмотрел крючки, наживку, выбрал место. В общем, когда он присел рядом, я уже зорко вглядывался в поплавок.

Нам везло сегодня — карась клевал. В бидончике набралось порядком — ровненьких, с ладошку, красных и белых рыбёшек. Светало. На неподвижной воде лежал белый пух. Сейчас, с восходом солнца, было видно, как он облепил поплавок и плавно покачивался вместе с ним. Далеко, у полузатопленной коряги, плеснула рыба, и вновь наступила тишина. Луч солнечного света полоснул по вершинам огромных пушистых ив, и сразу чуть-чуть потянуло ветерком. Забились листочки на молоденьких осинках, возвещая о том, что пришёл новый день. Вдруг тревожно затрещала сорока, и где-то глухо хлопнула автомобильная дверца.

— Ну вот, — недовольно блеснув глазами, буркнул Сергей, — несёт кого-то.

«Да, — сказал я себе, — только что мы считали себя полноправными владельцами озера на сегодняшнее утро и вот на тебе, кто-то вздумал нарушить наше господство!»

Я старался не смотреть на «пришельцев». Может быть, они увидят, что место занято, и не будут нам мешать?..

Шаги раздалились совсем близко.

— Здравствуйте, ребята, — голос был мягкий и чуть грудной.

Я обернулся. Совсем близко от нас стояли двое взрослых мужчин. В своей одежде — длинных зелёных куртках и высоких сапогах — они были похожи на рыбаков, только удочек у них в руках не было. Передний, чуть выше среднего роста человек, с какими-то добрыми и словно извиняющимися глазами, перевёл взгляд

с Сергея на меня. Он показался необычайно знакомым, словно я видел его уже не раз и не два.

— Как рыбалка? — продолжил он, — клюёт?

Меня снова поразил его голос — приятный и ровный. Такой голос бывает у хорошего лектора, способного держать внимание аудитории. Вот кого он мне напоминает! Он похож на учителя из детской книжки.

— Да так, — неопределённо, словно опасаясь какого-то подвоха, пробормотал Сергей. — Так, карасик.

— Взглянуть разрешите? — улыбнувшись и чуть склонив голову набок, спросил мужчина.

Он перевёл взгляд на своего спутника. Тот стоял, чуть насупившись, со сведёнными бровями и нетерпением в глазах. Хотел что-то произнести, но первый остановил его жестом — мол, не ругайся, не надо.

— Пожалуйста, — и Сергей снял лопух, которым вместо крышки было прикрыто горлышко бидона.

Мужчина посмотрел, что-то пробормотал себе под нос и глубоко и, как мне показалось, озабочено вздохнул.

— Извините, ребята, нельзя здесь рыбачить, — произнёс он, — не положено.

— Мы же не сеткой, — нахмурился Сергей, — мы же на удочку.

— Нельзя, говорят, — вмешался второй мужчина. До этого момента он стоял молча, равнодушно переводя взгляд с бидона на нас, а с нас на того, кто вёл разговор. Мне показалось, что тот, что разговаривал с нами, главнее. Я попытался было начать «качать права», но он остановил, обезоружил меня своей открытой улыбкой.

— Нельзя. Вам придётся выпустить рыбу и смотать удочки. Таков порядок.

Сергей молча перевернул бидон и выпустил рыбу в озеро. Затем начал сматывать лесу. Я последовал его примеру.

— Давно бы так, — чуть усмехнувшись, сказал второй. — А то упираться начнут.

Спустя пять минут мы все вместе шли по тропе, оставив озеро позади. Обида жгла, хотелось наглубить идущим с нами людям.

— Понимаешь, дело задумали хорошее, — неожиданно произнёс «учитель», словно продолжая прерванный разговор. — Заказник здесь организован, — он посмотрел на меня и, вероятно, чтобы я быстрее понял, добавил, — заповедник, как под Воронежем. А вы помогать должны. Не сердись.

Мы вышли на небольшую полянку. Там стоял «уазик» с забрызганными грязью дверцами.

— Давайте, ребята, будьте здоровы, — опять произнёс наш «лектор», садясь за руль. Мы кивнули ему, вскочили на велосипеды и, не ответив, припустили по тропе в сторону асфальтовой дороги.

Солнце взошло. Оно поднялось над верхушками деревьев, освещая кольца паутины на ветках, выбивая пар из больших луж, перекрывающих время от времени нашу дорогу.

— Что ты так быстро согласился с этим мужиком? — спросил я крутившего впереди Сергея, не в силах справиться с захлестнувшим меня раздражением. — Ты ведь обычно любому рот заткнёшь. Начнёшь выступать — не остановишь!

— Ты знаешь, кто это был? — Сергей остановился, спрыгнул на землю, обернулся и пронзительно посмотрел мне в глаза. — Знаешь?

— Ну и кто?

— Жигарин это. Тот, который герой. Он сейчас охотой ведом работает.

— Герой, герой, а рыбу-то зачем в озеро?

— Дурак ты, не в рыбе дело, — Сергей не спешил садиться на велосипед. — Представляешь, он воевал. Лётчик. Смерть, кровь, а мы будем права качать?

— А глаза у него добрые.

— У него и сердце, видать, доброе. Он за природу.

Мы пошли пешком, ведя велосипеды в поводу. Ещё некоторое время разговаривали о чём-то, но я уже не слышал Сергея. Я старался представить себе рёв иссечённого пулями самолёта, а в нём человека, бесстрашно направляющего свою боевую машину на истребитель врага. Тут же вспомнился известный эпизод о том, как Жигарин однажды спас своего друга. У того подбили самолёт, и, хотя он успел выброситься с парашютом из горящей машины, счастья это не прибавило — бой произошёл над территорией, занятой немцами. Жигарин на глазах гитлеровцев посадил самолёт на лесную поляну, подобрал своего Ваню и поднялся в воздух, когда немцы уже подбегали к ним. Мне всегда казалось, что смелым может быть человек суровый, с гранитными чертами лица и металлическим голосом. А героем оказался самый обыкновенный человек. Слишком обыкновенный.

Я видел Жигарина ещё раз мельком во время празднования Дня Победы, а потом я окончил школу и уехал из посёлка в Оренбургскую область — продолжать учёбу. Сразу после получения диплома меня призвали в армию, а, вернувшись домой, я узнал, что он умер.

Это была моя единственная встреча с Федором Александровичем Жигариным, героем Советского Союза. Почему-то всегда получается так, несправдливо

во как-то. Живёт человек, и мы, зная о нём всё, не хотим знать ничего. А спохватываемся, когда время безнадежно упущено.

Рыбалку же я вскоре забросил. Не знаю почему. Просто угас интерес — и всё. Я ходил ещё несколько раз на Суру, но азарта уже не было. А вот лес и природу люблю до сих пор той же юношеской любовью. Но, мне кажется, что именно после той встречи я понял, что обязательно попытаюсь связать свою жизнь с природой. Или со школой.

Спутник

Спутника — маленькую рыжую собачонку — я помню ещё щенком. Я тогда был дома на зимних каникулах. Школа осталась позади, и я учился в Оренбургской области. Кутёнка принесли к нам, едва он открыл глаза, на пятый или шестой день жизни.

— Берите, или утоплю! — равнодушно заявила хозяйка, угрюмая немолодая женщина.

Щенок был похож на крохотного медвежонка — такие у него были широкие круглые уши. Сходство усиливал большой чёрный подвижный нос и толстые мохнатые щёки. Они придавали малышу важный вид. Его нещадно грызли блохи, и от него остро пахло псиной.

— Что же с тобой делать? — осторожно взяла его в руки мама. — Как тебя кормить-то прикажешь?

Кутёк нахмурил брови, вместо ответа посмотрел на новую хозяйку исподлобья и засопел.

Щенка поставили посреди комнаты, он стоял, раскачиваясь из стороны в сторону, озираясь по сторонам и удивлённо тычась в блюдечко с молоком. Молоко попа-

ло ему в нос, и он тут же смешно и чуть обиженно зачихал и зафыркал, а потом оглядел нас всех в недоумении и с плохо скрываемой детской обидой. Мама макнула палец в молоко и дала облизать щенку. Тот сначала упирался, отворачивался и даже хмурился, а затем понял, что его хотят накормить, судорожно вцепился в палец и стал жадно обсасывать его со всех сторон.

— Ну вот и хорошо, — улыбнулась мама, и мы поняли, что наш дом пополнился ещё одним обитателем.

Имя ему нашлось быстро — Спутник.

— Мухтаром не назовёшь, — в раздумье почёсывая лоб, сказал мой младший брат Сергей, — больно уж строгое имя. Не на границе всё-таки. И Барбосом как-то стыдно. Слишком по-уличному. Вот Спутник, то, что надо!

Родители пожали плечами — Спутник так Спутник, имя хорошее. Мне показалось, что имя понравилось и псу. Через неделю он отзывался на него, радостно виляя хвостом, и торопился подойти на зов. Свои толстые лапы он ставил носками внутрь, бег его был неуклюжим, сбивчивым, и, помогая себе передвигаться вперёд, он усиленно мотал головой.

Воспитанием нового жильца занялся брат. Едва Спутник чуть-чуть подрос, Сергей завёл ему распорядок дня, стараясь придерживаться его неукоснительно. Пёс редко отлынивал, хотя ему приходилось делать много вещей абсолютно ненужных дворовой собаке. Например, ходить по буму — горизонтальному бревну, укреплённому на высоте метра от земли. Или останавливаться во время игры, если вдруг раздавалась команда «сидеть», хотя даже хвост у него продолжал крутиться и вертеться сам по себе в этот момент.

Учеба не прошла даром. Спутник скоро приобрел манеры благородного пса: научился гордо проходить мимо

кур, не обращая на них внимания, научился хитрить и демонстративно закусывать губу, если был с чем-то не согласен, и вообще вскоре почувствовал себя полноценным членом нашей семьи.

На ночь его запирали в будке на вертушок, иначе он всю ночь напролёт мог пролаять спросонок, убеждая нас, что не спит и охраняет наш драгоценный покой.

Он доказал это однажды, когда в тёплую летнюю ночь его оставили незапертым. Спутник вышел во двор, осмотрелся, облаял для начала заходящее солнце, рыкнул на кур, заставив их нырнуть в курятник, и выгнал за забор воробьёв. Затем улёгся у тарелки с остатками куриного ужина, насупил брови и терпеливо дождался восхода луны. Повыл немного на её появление, а потом долго объяснял соловьям, что настала ночь и пора прекратить пение. Он лаял не зло, но настойчиво до середины ночи. Отец, не выдержав такого испытания, встал и проводил Спутника в будку. С тех пор пёс в обязательном порядке сладко спал в закрытой будке каждую ночь и выходил на службу только утром. Перед сном он получал что-то вроде снотворной таблетки — косточку, пирожок или кусок пряника, и даже обижался, если его отправляли спать без «вечернего угощения».

Когда я, отслужив в армии, вернулся домой, Спутник был уже взрослым псом. Меня он не любил. Скорее всего, он ревновал, а, может быть, просто удивлялся — вот, мол, появился нежданно-негаданно ещё один член семьи, которого все домашние любят и уважают. А за что, мол, такой ему почёт — и непонятно вовсе. Поначалу он даже старался меня просто не замечать. Скажем, не отзывался на мой зов. Или начинал внезапно чесаться при моём появлении, а иногда просто с презрением зевал, показывая длинный язык, похожий на влажную розовую

тряпку. Даже конфеты из моих рук он брал так, словно делал мне великое одолжение.

Мы подружились неожиданно. Однажды во время похода за водой к роднику я спас его от огромной злой собаки. Мы тогда отправились втроём — я, Сергей и наш пёс. Спутник, хвастаясь, что идёт не один, то таял во все стороны, то шёл, не глядя по сторонам от распивавшей его гордости и важности. Собаки отвечали ему недружелюбным лаем, но, опасаясь нас, в драку не ввязывались. Не стерпела одна — большая, черная, словно цыганская борода, старая псина. Она презрительно посмотрела на нашего провожатого из-под седых бровей, а затем прыгнула навстречу, одним ударом сшибла Спутника на спину и, если бы я не подоспел, пожалуй, изувечила бы его. С тех пор он снисходительно повиливал хвостом и окончательно примирился с моим появлением в доме, хотя до настоящей бескорыстной дружбы у нас дело так и не дошло.

В той истории, которую я хочу рассказать дальше, Спутник сыграл не последнюю роль.

Два дня

Как-то незаметно наступил июль. Кажется, совсем недавно цвели ландыши и яблони, и вот уже соловьиные трели теряются в птичьем разноголосье. Небо кажется бездонным, а облака лёгкими и невесомыми, как скомканная паутина. Солнце так долго висит на небосводе, что день кажется бесконечным. Лишь к полуночи наступает полная темнота, а уже через три часа небо на востоке начинает снова сереть. Лето в самом разгаре.

Мы вяжем плот. Мы — это я и мой младший брат Сергей. В нынешнем году он закончил семь классов. Это первое лето, которое мы проводим вместе. После окончания школы я учился в техникуме, затем служил в армии, а брат за это время повзрослел, давно уже перешагнув начальный школьный возраст, и незаметно подобрался к разряду старшеклассников. К походу готовились давно, с самого начала лета, да всё как-то тянули, откладывали, а сегодня, наконец, решились.

И вот мы на берегу реки. Укорачиваем обломанные ветром стволы осин, срубаем лишние сучья, стараясь

облегчить брёвна и повесить тем самым плавучесть нашего будущего судна. Волоком стаскиваем заготовки к высокому берегу реки, объединив усилия, сбрасываем с обрыва. Брёвна плюхаются вниз почти к самой кромке воды, вгрызаются во влажный песок, замирают в беспорядке. С каждым разом брат придирчиво пересчитывает брёвна, стараясь определить возможную грузоподъёмность будущего плота, и мысленно подсчитав что-то, бормочет себе под нос: «Нет, пока маловато!» Я понимаю, что плот нужно делать двухслойным, чтобы он держал нас на перекатах и на излучинах, знаю, сколько ещё нужно брёвен для его постройки, но даю возможность Сергею самому вести подсчёт заготовок.

Он впервые в самом настоящем походе. Первый раз собирал необходимые для путешествия вещи, закупал провизию, укладывал рюкзак. Очень тщательно готовил рыболовные снасти и даже пришил к рюкзаку самодельный карман — специально для крючков, грузил и лески. Брат — хороший рыбак. Каким-то особым внутренним чутьём он может выбирать правильное место на берегу. Может сидеть, замерев над поплавком, часами, не шелохнувшись, — в этот момент мне кажется, что он смотрит на воду, не моргая. Подсекает мастерски, красиво, я бы даже сказал профессионально. Он терпеливо даёт рыбе заглотить наживку, словно видит её сквозь толщу воды, а затем плавным и длинным движением насаживает рыбу на крючок и выхватывает из воды.

Сергей, наверное, знает о повадках рыбы всё. Пока я был в армии, он с удочкой исколесил на велосипеде всю округу. Составил подробную «карту рыбных мест», прочитал несколько книг о рыбалке, и сейчас в его рюкзаке добрую половину багажа занимают различные рыбные подкормки. Всё сегодняшнее утро он перекладывал их с

места на место, надеясь на хороший клёв и обещая стать главным охотником-рыбарём, мне же просто очень хочется верить, что нам не придётся самим есть эти подкормки в случае его неудачи.

Сам-то я рыбак неважный. Во-первых, мне рыбу жалко. Это враньё, что она немая. Когда её, ещё живую снимают с крючка, она ещё как орёт. Утробным, молчаливым криком. И глаза у неё в этот момент наполнены диким ужасом. Ещё бы — хотела позавтракать, а тут на тебе — непонятные существа с горящими глазами, огромными зубами и безжалостными сильными руками. Рвут жестоким крючком внутренности и горло без всякого на то милосердия. Правда, и меня охватывает азарт охотника. Но это только в том случае, если есть клёв. Причём клёв хороший, настоящий. Такое бывало в моей практике. Но жалость всё равно пересиливает. А подсекать я так и не научился, хотя брал уроки у одного из лучших своих рыбаков-друзей Сергея Кулагина. Как только мой поплавок начинал волноваться, дёргаться и нырять в воду, я, вцепившись мёртвой хваткой обеими руками в рукоятку удочки, что есть силы дёргал удилице вверх, через голову, абсолютно презрев все советы и наставления своего учителя. Кулагин в этот момент или хохотал, держась за живот, или сплёвывал с досадой и недовольной миной на лице. Я его понимаю. Однажды мне пришлось отыскивать выловленного пескаря метрах в ста позади себя. Я выхватил его за губу, он оторвался и улетел в заросли мать-и-мачехи. Минут пять пришлось ползать там, заглядывая под каждый лист, прежде чем он отыскался. А потом мне стало жаль пойманную рыбу, и я выпустил её обратно в реку вопреки всем доводам моего друга. Кулагин обозвал меня «балбесом», грозил больше никогда не брать с собой на рыбалку, но я упря-

мо продолжал считать, что поступаю правильно, отпуская пескаря в реку.

Но сейчас от удачной рыбалки будет зависеть боевое состояние нашего небольшого отряда, и я очень надеюсь на Сергея.

Солнце поднимается всё выше. Походные мешки стоят под деревом, и мы посматриваем на них с некоторым нетерпением — приближается время обеда, уже часа три, как мы машем топорами. Строительного материала вокруг достаточно. Ураган, который прошёлся над посёлком два дня назад, устроил такой ветролом, что в некоторых местах даже подойти к берегу стало просто невозможно — упавшие вершины и стволы перекрыли подходы, изуродовали кустарник, завалили обломанными сучьями всё вокруг. Ещё комары осмелели. Вчера их было не очень много, словно и они вместе с людьми испугались разбушевавшейся стихии, забились по щелям и вот сейчас берут своё — пытаются собрать двойной урожай крови. Третий член нашей небольшой команды — маленький рыжий пёс Спутник, неизменный наш компаньон в утренних тренировках, настойчиво отбивается от нападающих на него со всех сторон лесных вампиров, награждая их далеко не лестными собачьими эпитетами, которые сейчас понимает только он один. Пёс злится, крутится вокруг своего хвоста, царапает свою морду передними лапами, подпрыгивает, пытаясь во что бы то ни стало перекусить пополам самого назойливого бандита, сопровождая своё «па» нервным подрыкиванием и страшной злобой гримасой. Я надеюсь, что ему как-то удастся договориться с кровопийцами — всё-таки он «сын природы» в большей степени, чем мы, и это поможет ему превратиться к концу похода в сносного путешествен-

ника. Но пока, похоже, первую схватку он безнадежно проигрывает.

Мы переглядываемся с братом.

— Пожалуй, хватит, а? Как ты думаешь, Вов? — Сергей немного притомился, я это вижу. Вон как вспотел — майка прилипла к спине, лёгкая его кепочка смотрит козырьком набок, а он, судя по всему, совсем этого не замечает. И дышит прерывисто.

— Хватит. Давай вниз, — мы спрыгиваем с высокого обрыва на берег и начинаем поочередно скатывать брёвна в грязную, мутную воду. Река ещё не вошла в свои берега после урагана, неожиданно налетевшего на наш посёлок позавчера.

В тот вечер, два дня назад, природа взбесилась. Сначала солнце, светившее и пригревавшее с утра, как обычно в полдень попыталось скрыться в дымке. Но ветер, налетевший злым, хлестким вихрем, разогнал завесу и оголил солнечный диск, заставив его до последнего смотреть на приближающуюся с северо-запада черноту. Это была не туча. Просто небо в той стороне сначала приобрело тёмно-фиолетовый оттенок, затем почернело, словно кто-то залил его жирной чёрной тушью, и чернота эта потекла навстречу солнцу, просачиваясь в воздух, изрыгая кроваво-красные молнии и содрогающие землю раскаты грома, стремительно перекрывая весь небосвод. Солнце ещё некоторое время испуганно висело в небе, скрывая свой ужас всё более блёкнущим светом и пытаясь оградиться от приближающейся черноты облаками, а потом исчезло, будто смирилось перед неизбежной силой, словно провалилось в тартарары навеки. Чернота, злорадно усмехаясь беснующимся, хохочущим ветром, наинула свой полог до горизонта, сожрав остатки облаков, а затем наступила тишина. Пустая, глухая, абсо-

лютная тишина! Застыли листья на деревьях, перестали раскачиваться антенны домов, исчез шум машин. Кожа на лице натянулась, словно в один миг высохла, как на мумии. Мне показалось, что ход времени остановился. Я автоматически поднёс руку к глазам и с удивлением увидел, что длинная стрелка на моих часах бежит вперёд, продолжая считать секунды. Я смотрел на неё так, будто время отсчитывает последние секунды жизни на планете!

И вдруг всё рухнуло! Чернота обрушилась на Землю десятками молний с рёвом и плачем. Ветер срывал крыши, с тягучим, протяжным треском ломал яблони в садах и деревья в лесу, бил на мелкие осколки тяжёлыми дождевыми каплями стекла в домах, и казалось, что это только начало, и вот-вот небо разорвётся надвое, и всё просто провалится в страшную бездну. Хотелось молиться и любоваться одновременно! Я не знаю, сколько времени прошло — полчаса, час? Сначала пропала чернота, уступив место низкой серой мгле, затем ушёл дождь, оставив широкие бурлящие потоки на улицах. Расступились и ушли на восток плотные облака, оставив солнце в одиночестве завершать такой трудный день.

На следующий день берег стал неузнаваем. Каждое утро мы прибегаем сюда на зарядку. Делаем гимнастику, устраиваем импровизированные соревнования. Но в тот день мы выскочили на песчаный откос и замерли в удивлении. Река вздулась, как во время половодья, превратилась в грязно-бурый поток, выплёскивающий на берег густую вонючую жижу. Песок сбился в невысокие бесформенные барханы, местами присыпавшие прибрежный тальник. На противоположном берегу ветер вывернул с корнем деревья, ещё вчера стоящие у самой кромки, сбросил их вершинами в воду.

— Ну вот, ветер нам помог, — я подмигнул Сергею. — Весь сухостой сейчас на земле, и рубить не надо. Мигом плот свяжем. И тянуть больше нет смысла — через полторы недели мне на работу выходить. Послезавтра и отправимся.

— А если такой ураган застанет нас в пути, что тогда?

Я видел, что Сергей волнуется, и признаться, сам олимпийским спокойствием никогда не отличался. Скорее наоборот.

— Что-нибудь придумаем, — сказал я, а про себя подумал: «Действительно, что мы будем делать? Выкрутимся ли? Настоящая опасность непредсказуема. Да ладно. В сторону сомнения!» — Дорогу, Сергей, осилит идущий. Палатка у нас есть, продуктами запасёмся, рыбы ты наловишь. Всё будет хорошо!

— А без трудностей — и поход не поход! — уже более уверенным голосом поддержал меня брат.

Я посмотрел на него, и моя неуверенность исчезла. Или нет? Да что ж такое? Что я, в походы не ходил?! Правда, то были невеликие путешествия, максимум на два дня. Но зато их было немало! Да и армия позади, как никак. Я всё пытался откопать точившего меня червяка сомнения. Что же меня гложет? Что не так-то?

— Вов, а если дикие звери? — я перевёл взгляд на брата. «Вот в чём причина! Я же не один в поход иду, я и брата тащу! Но он мне доверяет, и это главное».

— Брось, ты. Какие там звери. Они только в сказках остались, — я прижал его к себе. — Да и Спутник с нами, собака всё-таки.

И вот спустя два дня мы готовим судно к отплытию. Плот получился громоздкий и неповоротливый. Пришлось вязать его, стоя по пояс в воде, иначе он бы

так и остался на берегу, скорее всего, нам не удалось бы его сдвинуть с места.

— Жалко приливной волны на реках не бывает, — Серёжка любит «щегольнуть» школьными познаниями.

— Бывает. На Амазонке, например, — я затягиваю очередной узел, а Серёга придерживает бревно и отматывает верёвку. — «Поророка» называется, но мы не на Амазонке.

— А жаль, — брат мечтательно застывает с мотком верёвки в руках. — Но я имею в виду реки средней полосы. Хотя на Амазонке нас давно бы уже съели пираньи. Я бы себе этого не простил.

Всё. Плот готов. Можно сесть и перекусить.

— Есть охота, — Сергей тщательно трёт песком руки в грязной воде реки, вытирает их насухо платком, который он ещё дома повязал вокруг шеи, подобно пионерам Дальнего Запада. — Практичная вещь, — встряхнув платок и аккуратно постелив его на брёвна плота, улыбается он. — Ну, что там у нас на завтрак? — сглатывая слюну, брат внимательно следит за моими действиями.

Я достаю уже нарезанный и помазанный маслом хлеб, варёные куриные яйца, кружочки колбасы и термос с чаем. Одно яйцо оказалось всмятку. Оно залило желтком горбушку, пропитало хлеб насквозь. Откладываю этот кусок в сторону, надеясь скормить его Спутнику.

— Вот, всё как у Джека Лондона, — я улыбаюсь Сергею, — яичница с беконом. Прошу к столу.

Мы приступаем к завтраку. Торопливо «лупим» яйца, делим поровну колбасу, жадно прихлёбываем налитый в пластмассовую кружку чай.

— Спутника-то как кормить будем? — спрашиваю я Серёжку. — Он ведь пёс интеллигентный, привык из тарелочки, да по часам.

— Это точно, у него режим. Его мама приучила к трёхразовому питанию, да, вдобавок, на ночь запирает в будке на вертушок, чтобы «его высочество» посторонний шум не беспокоил. — Сергей, доедая последний бутерброд, задумчиво посмотрел на собаку, которая пристроилась рядом с нами и поворотом головы провожала каждый исчезающий за нашими зубами кусок. — Что-нибудь придумаем.

«Да, думать теперь придётся», — мысль назойливо засела в голове и не спешила улетучиваться. Накануне мама предлагала взять с собой и крупы, и макарон, и тушёнки с запасом, побольше. Я отказался:

— Не волнуйся, не пропадём, — заверил я её. — Будем использовать подножный корм! У рогоза знаешь какой корень вкусный! А стрелолист, а корень кувшинки! Сергей — рыбак, в конце концов, рыба нас выручит.

— А если клёва не будет? — попытался вмешаться в нашу подготовку отец.

— Будет, — снисходительно глянул на него Сергей, — не бойсь! Всегда был, а сейчас что, состав воды сменился?

Вот сейчас сижу, мысленно ругаю себя за избыток самоуверенности и всезнайства — продуктов в рюкзаке действительно немного, и хватит их не надолго.

Тем временем брат действительно придумал, как накормить нашего Спутника.

— Пёс он благородный, конечно, но пёсью натуру свою не переломит, — сказал мне почему-то шёпотом Сергей, когда Спутник отказался есть предложенный ему кусок хлеба с яйцом. Тот демонстративно отвернулся, подёргивая носом и отчётливо чуя запах колбасы в воздухе, но не замечая таковой на предлагаемом кусочке хлеба. Брат положил горбушку на дальний конец бревна, затем отошёл немного и, пригнувшись, стал подкрадываться к пё-

сьему «обеду». Собачья натура разыгралась в нашем третьем компаньоне, и он из жадности, давясь и кашляя, всё-таки съел свою порцию. Затем презрительно на нас посмотрел, отшвырнул задней лапой далеко назад пригоршню песка, свёл свои мохнатые брови и, брякнувшись у самой воды, стал потихоньку проклинать ту минуту, когда ему пришла в голову идея отправиться с нами.

Мы же с Сергеем, погрузив вещи на плот, присели на берегу по старинной русской традиции. Затем критически осмотрели судно и отчалили от берега, вооружившись: я — веслом, выструганным здесь же из захваченной из дома доски, а Сергей — тонким трехметровым шестом. Спутник нехотя поднялся, затем сполз в воду, легко преодолел неширокое пока водное пространство, вскарабкался на плот и занял своё законное место на носу. Стал «вперёдсмотрящим». На нас он совсем не обращал внимания. Казалось, его интересует только бульканье воды под брёвнами и лёгкий, прохладный ветерок, бьющий в нос. Пёс закусил нижнюю губу и с раздражением поглядывал на наглых, беззаботно галдящих речных чаек, словно осуждал их бессмысленную возню и слишком простое, с его точки зрения, существование. «Ух, я бы вам устроил «лёгкую» жизнь, была бы моя воля!» — говорил его красноречивый взгляд.

— Путешествие началось! — воскликнул Сергей. — Ура! — он поправил флажок — бесформенную бардовую тряпку на длинной гибкой палке, которую мы пристроили в передней части плота, и негромко, но радостно запел песенку про капитана, который, в зависимости от ситуации, то бледнел, то худел.

Наш плот, рассекая воду нижним слоем брёвен, тяжело скользит вперёд. Он громоздкий и неуклюжий, зато ему не страшны водовороты и перекаты. Плот про-

скакивает их, почти не шелохнувшись, словно машина, идущая на новых амортизаторах.

Время от времени мы садимся на мель. Сергей радуется — это лишняя возможность побарахтаться в воде. Мы прыгиваем с плота и, наваливаясь на него всем весом, стараемся вытолкнуть на глубину. Наши усилия даром не пропадают, да и река приходит нам на помощь. Течение подхватывает освободившееся от «балласта» судно и уносит вперёд. Мы догоняем его вплавь, шлёпая по воде руками и ногами.

Иногда попадаем в быстрину. Тогда нас начинает нести стремительно, нос плота зарывается в воду, точно в снежный сугроб. Я превращаю весло в руль и не даю плоту повернуться боком к течению.

Несколько раз река пытается прижать наше судно к высокому отвесному берегу, и тут Сергей смягчает столкновение шестом, а я усиленно работаю веслом, стараясь выровнять ход нашего неповоротливого судна и вернуть его на нужный курс.

Скорость плота невысока, пожалуй, её можно сравнить со скоростью бродящего по лесу грибника. Но за три часа мы проходим несколько километров, оставляя позади три или четыре излучины.

Свежий воздух и интенсивная работа дают знать — хочется есть уже по-настоящему. Солнце перевалило за половину своего пути, пора остановиться на обед.

— Давай правь вон туда, к началу плёса, — говорю я Сергею и показываю ему удобное для стоянки местечко. Это переход от крутояра к длинному плоскому пляжу. — Здесь есть дрова и даже маленький ручеёк, вон, видишь?

— Да, вижу, — Сергей наваливается на шест, проталкивая плот вперёд. — Попьём чайку. Ура!

Мы причаливаем к берегу. Спутник прыгивает первым, деловито обнюхивает место стоянки, в ожидании смотрит на нас.

Костёр развожу быстро. Солнце хорошо постаралось — просушило валежник, подготовило нам топливо. Собирай, не ленись! Сергей чистит картошку для супа, набирает воду в котелок. Пища на костре готовится быстро. Не проходит и получаса, как мы уже снимаем пробу. Котелок у нас небольшой, с крышкой, которую мы взяли специально для Спутника — будем в неё наливать собачью порцию. Крышка глубокая, как тарелка. Пёс вместе с нами сидит рядом с котелком, вдыхает пары и дрожит от нетерпения. Проголодался.

Снимаем нашу посудину с огня, устанавливаем её на песок и ждём, когда наш обед остынет.

— Как-то не хочется терять время на то, чтобы студить каждую ложку, — объясняет Спутнику Сергей, — сейчас остынет, и пообедаем.

Мы ждём ещё минут пятнадцать, прежде чем все сомнения относительно готовности нашего обеда рассеиваются.

— Всё, — я пробую на вкус наше варево, — мне кажется, можно приступать — остыло и вкусно вроде бы. Давай открывай банку тушёнки, — говорю я брату, а сам лезу на плот к рюкзаку за хлебом. Сергей ловко вскрывает банку, затем хватает нож и отворачивается в сторону — нужно сделать палку-мешалку. Тушёнку мало бросить в суп, надо как следует её размешать.

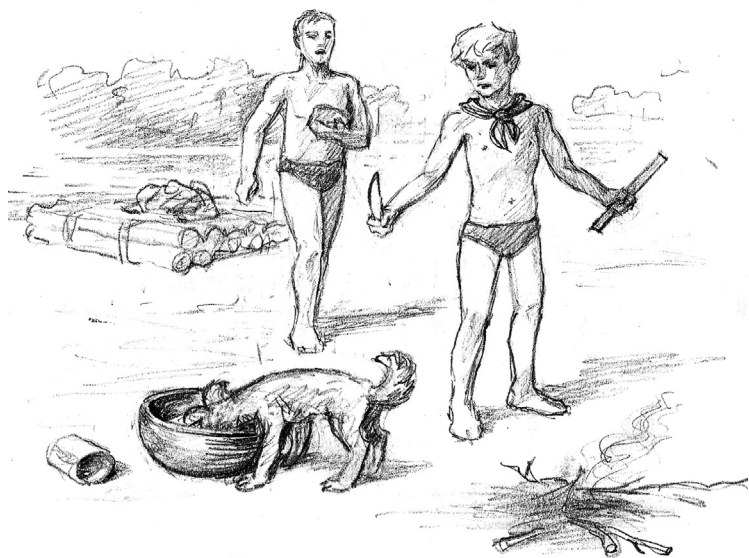
— А-ах ты, пёс! — слышу я за спиной. Оборачиваюсь. Первое, что бросается в глаза, — это унылая Серёжкина поза. Он стоит, разведя в стороны свои длинные руки, с печатью глубокой скорби на лице. В руках у него нож и срезанная им палочка.

— Что, что случилось? — я подскакиваю к нему, оглядывая его со всех сторон.

— Да вон, суп-то, — и он слегка поднимает руку, пытаясь этим жестом прояснить мне ситуацию. До меня внезапно доходит, что дело вовсе не в Серёжке, я оборачиваюсь — Спутник, торопливо чавкая, засунув морду в котёл по самые уши, уплетает наш обед. — Это он запивает. Вон тушёнка-то, — Сергей чуть приходит в себя и поднимает банку, с наполовину съеденным содержимым. — Видишь? Пообедал уже!

— Ах ты, паразит! — я пытаюсь оттащить пса от котла, но он рычит и огрызается, а я боюсь перевернуть нашу посудину — дно у котла полукруглое, он очень неустойчивый. Перевернётся — и прощай обед! После недолгой борьбы мне всё же удаётся справиться со Спутником.

— Пообедали, — говорит Сергей и садится около котла. — А я и ложку уже приготовил.

— А я — хлеб. Да-а. Ну ладно. Не всё же он съел — и нам оставил. Ладно. Как никак — член семьи. — Я вываливаю в котёл оставшуюся в банке тушёнку. Беру срезанную Сергеем палочку и тщательно всё перемешиваю.

— Давай хоть перекипятим, что ли? — бормочет нерешительно Сергей. — У, пёсья морда! — грозит он кулаком Спутнику, — обжора хитрая.

Мы ставим котёл на огонь, ждем, когда суп вновь закипит. Спутник сидит чуть в стороне, в тенёчке. Жмурится и чуть-чуть кемарит. Голова его опускается всё ниже, он касается носом вытянутых вперёд лап и тут же мгновенно вскидывает голову. Через несколько секунд всё повторяется сначала. На нас он уже внимания не обращает.

— Ну, ничего, — говорю я Сергею, — у нас ещё одна банка тушёнки есть. На вечер хватит, но надо бы попробовать рыбу половить. Ушицы, может быть, похлебать вечером, если повезёт.

Сергей мечтательно закатывает глаза и шмыгает носом.

Через полчаса мы вновь в пути. Я гребу веслом. Вернее даже не гребу, а просто подправляю движение плота, стараясь держать его на быстрине. Сергеем сидит на корме с удочкой в руках. Спутник опять на штурманском месте. В молчании проходит часа два.

— Ни одной поклёвки, — сплёвывая «за борт», говорит Сергей, — вода грязная. Вот хоть убей — ничего. Ещё ветер поднимается. Как бы дождь не врезал! — он как-то съёживается и поглядывает назад, на запад. Оттуда, со стороны высоких заречных бугров, опять накатывают клубы серых тяжёлых облаков. Они вырастают над лесом, словно сказочные, невесты откуда взявшиеся горы.

— Поворачивай к берегу! — я начинаю усиленно работать веслом. Плот тяжело поворачивается, но мы никак

не можем заставить его преодолеть быстрину. Его опять разворачивает боком к течению. Мы стараемся изо всех сил. — Давай кормой! Давай, как получится! — кричу я, уже ощущая на себе упругие порывистые удары сильного низового ветра.

— Вова, туча!

— Гребём, не бойсь!

Поднимаются волны. Они напоминают поверхность стиральной доски. Наше судно начинает трясти мелкой дрожью, и кажется, что оно вот-вот рассыплется по брёвнышку. Но нет, берег всё ближе. Плот тычется носом в берег. Ура! Мы на твёрдой земле. Тянем плот на берег — хоть чуть-чуть его надо затащить, чтобы не унесло течением. Так. Что дальше?

— Палатка! Бегом за мной, — кричу я брату. Он хватается свой рюкзак и, оглядываясь назад, бежит за мной. — Не оглядывайся. Это сейчас не важно! — глаз выхватывает укромное местечко посреди ивняка и подальше от крупных деревьев. — Здесь! — я бросаю рюкзак и раскатываю палатку. Её полотнище бьётся, как парус. — Хватай, — кричу я Сергею. Он судорожно берётся за её края, но порыв ветра сшибает его с ног. — Залезай внутрь! — стараясь перекрыть шум ветра, опять кричу я, и Сергей ползёт на четвереньках в открытую «дверь» ещё не поставленной палатки. Я закатываю туда рюкзаки, затаскиваю Спутника. Он таращится по сторонам ошалелыми глазами, прижимает уши и чуть повизгивает. — Сергей, — опять ору я между порывами ветра, — успокой пса, — а сам начинаю устанавливать палатку.

Мне везёт. Наш походный брезентовый дом встаёт сразу. Стойки мы устанавливаем внутри палатки, и здесь Сергей мне активно помогает — он держит их в вертикальном положении, пока я мечусь снаружи. Колышки

для растяжек у нас из толстой металлической проволоки — они легко вонзаются в землю и держат надёжно. Первые капли дождя лупят дробинами в крышу, с шипением вгрызаются в песок, густой рябью покрывают реку. Заползаю внутрь.

— Ф-ух! А ты боялся! Пусть теперь бушует, — Сергей мне несмело улыбается в ответ.

Ветер неожиданно стихает. Дождь внезапно заканчивается, едва успев начаться. Наступает тишина.

— Может, затишье перед бурей? Как тогда, два дня назад? — Сергей покашливает, пытаясь таким образом сбить следы тревоги в голосе.

— Посмотрим, — я выглядываю из палатки. Нет, тишина, словно не было ветра. — Вылезай, порядок!

Мы разводим костёр, готовим ужин. Каша получается вкусной. Делим её на троих. Обжора Спутник съедает свою порцию и настойчиво выпрашивает ещё. Получив добавку у Сергея, теряет к нему интерес — переходит ко мне. Он не попрошайничает, он просто требует — давай, мол, хватит есть, даже Бог велел делиться!

Долго сидим у костра. Вдоль берега гуляет усталый ветерок, он отгоняет комаров, и сидеть приятно. Журчит вода на перекатах, короткие волны накатывают на берег, трут песчинки друг о друга. Тополя дрожат листочками — черенок у листа длинный, чуткий, на малейшее дуновение отвечает лёгким нежным дрожанием. Рогатый месяц поднимается над лесом. Сначала он будто цепляется за корявые ветви дубов и лип, словно крадёт и боится выскочить на небесный простор. А может быть, он просто ждёт абсолютной темноты, чтобы появиться во всей красе.

Собаку оставляем снаружи любоваться звёздами, а сами ныряем в палатку, укутываемся одеялами.

— И-и-и! У-у-у! — высоким голосом рычит Спутник. Он борется с комарами, злится на них, на нас. Ночью, почти не просыпаясь, обнимаю Сергея, отмечая про себя, что он успел пропахнуть псиной. «Надо не забыть сказать утром, чтобы с мылом помылся...» — с этой мыслью я опять засыпаю. На рассвете с удивлением обнаруживаю пса лежащего между нами. Ночью он проник в палатку, втиснулся между нами и вот теперь сопит себе. Лежит на спине, вытянув задние лапы, передние сложил на груди, нос к носу с Сергеем. Попытки отправить его ближе к «двери» успеха не приносят. Он вновь и вновь пытается занять «свое» место, незлобно огрызается — ты, что, мол, дружище, обалдел? Я тут так удачно пристроился! И вообще, иди делом занимайся, чего пристал!

Сдаюсь и выглядываю наружу. Утро тихое и ясное.

— Плот надо переправить поближе.

Вчера, во время вечерней бури мы бросили наше судно метрах в двухстах выше по течению. Сергей готов это сделать сию минуту. Надо перегнать его сюда, чтобы не таскать рюкзаки понапрасну.

— Давай, — говорю ему, — я пока завтраком займусь.

Спутник остаётся со мной. Он словно разобрал наш разговор, понял, что у Сергея ему нечем будет поживиться. Развожу костёр, время от времени посматривая за действиями Сергея. Он пока копошится с плотом, никак не столкнёт его на воду — прилива в наших краях действительно нет.

У нас есть небольшой запас воды из ручья — вчера запаслись во время стоянки. Можно сварить суп — есть ещё банка тушёнки и три картофелины. Да! Есть ещё рыбья подкормка. Как же я забыл? Что там у него? Я раскрываю Серёжкин рюкзак. Так. Варёная перловка

и варёное пшено. Хорошо. Для густоты добавлю перловки, будет неплохо. Ещё бы картошки не помешало. Придётся действительно искать стрелолист. Иду вдоль берега, ищу. Что там о нём говорят? Растение любит влагу, имеет клубень, как картофельный, только белый. Что ещё? Ну, индейцы его любили, специально собирали. Так говорят, вернее, пишут.

Вот они, заросли, густые, сплошным ковром покрывающие всю прибрежную часть. Лазаю несколько минут, дёргаю стебли. Ни одного клубня, одна «ботва». Вот тебе и «белый картофель американских индейцев»! Возвращаюсь назад «несолоно хлебавши».

Так. Что мы имеем? Рыбы нет, картошки нет. Случайно взгляд падает на двустворчатого моллюска, лежащего у кромки воды. О! Ракушек что ли набрать, говорят, в войну ели. Поднимаю одну, подношу к носу. Нет. Запах отвратительный. Может, в войну и ели, но сейчас точно не хочется. Однако Сергей уже на плоту — машет шестом, борется с течением, скоро здесь будет, а у меня ещё ничего не готово.

Подхожу к костру, пробую готовность картошки — пора запускать перловку и тушёнку. Это что такое? Пакет с кашей разграблен, остатки её засыпали площадку вокруг рюкзака. Спутник отворачивает морду, прячет глаза — ну не враг? Что скажешь? Голод не тётка, комарами сыт не будешь. Терпения у него нет — режим. А пшено не тронул, взял, что посытнее! Открываю варёное пшено, забрасываю в котёл. Вскрываю банку тушёнки, размешиваю — и туда же. Так, где там братишка? Вот он, совсем рядом уже. Борется с течением, толкается шестом изо всех сил. Помогаю ему причалить. Он спрыгивает на берег довольный. Кидает шест рядом, поднимает голову чуть вверх и потягивает носом:

— Супец готов? — он с жаром потирает ладони друг о друга, — я проголодался, как дикарь!

— Можно завтракать, всё готово.

Спустя час наш плот опять покачивается на небольших волнах. Флажок бойко трепещет, хлопает рваными краями на ветру. Сергей пытается выловить хоть что-нибудь. Он прикладывает весь свой опыт, всё умение. Тщетно. Поплавок застыл на поверхности, словно и леска заканчивается сразу же за поплавком. Будто нет ни наживки, ни крючка, ни самой рыбы в реке даже в помине! После обеда в наших рюкзаках остаётся лавровый лист, соль, перец, укроп, чай, сахар и хлеб. На «большом совете» решаем повернуть домой — «за продуктами», хотя знаем, что путешествие продолжить, скорее всего, не удастся.

Отпускаем плот на волю волн, а сами остаёмся на берегу. Некоторое время молча наблюдаем как он, медленно вращаясь в небольших водоворотах и чуть покачиваясь на едва заметных волнах, удаляется за ближайшую излучину. Цепляем на плечи рюкзаки и поворачиваем назад, к дому. Переходим вброд протоки, прорубаемся сквозь ветровалы, пересекаем поляны с густой, высокой, сочной травой. Выбираемся на старую запущенную дорогу и идём по ней, аккуратно обходя лужи. Останавливаемся, если вдруг на пути встаёт что-то удивительное — большое дерево, гроздь ярких ягод или кустарник, плотно перевитый зарослями хмеля, похожий на островок тропического леса.

К вечеру показываются белые меловые склоны Никольской горы — значит, дом близко. Эта гора — примечательность посёлка. Говорят, что на её вершине молились ещё язычники — предки современных чувашей. Сейчас её жалуют верующие христиане и все, кто про-

сто хочет осмотреть окрестности вокруг посёлка — с её вершины действительно открывается замечательный вид, прямо-таки волшебный. Словно Создатель именно в этом месте не пожалел красок, щедро одарив природный уголок своим талантом. Для нас же она сейчас, словно маяк для мореплавателя, ведущего свой корабль в родной порт. Странно. Кажется, что мы не были дома уже много дней. Будто не вчера уходили в путь.

— Уходим, скажем так, на неопределённый срок, — слегка напыжившись сказал Сергей маме, когда она вышла нас проводить вчерашним утром. А потом добавил, улыбнувшись и отбросив важность, — впрочем, как получится.

И вот уже много лет позади. Мне посчастливилось быть в разных странах, увидеть и горы, и моря, и пустыни. Но те два дня особо дороги мне. Они сблизили нас с Сергеем, помогли нашей дальнейшей дружбе, научили ценить простые радости жизни и красоту той природы, которая рядом всегда — стоит лишь выйти за порог дома.

Десять из десяти

Шли последние дни мая. Лето основательно брало верх, о весне напоминали, пожалуй, только чуть прохладные ещё ночи и тучи озверелых после долгой зимней спячки комаров.

Заканчивался учебный год — мой первый учебный год в качестве учителя сельской школы. По диплому я считался учителем географии, но тогда мне пришлось совмещать преподавание своего предмета с уроками физкультуры, так часто случается в школе — на «молодого специалиста» наваливают грудю обязанностей, часто не связанных друг с другом. Меня такое положение вещей никогда не угнетало, тем более к физкультуре у меня отношение всегда было очень тёплое, я бы даже сказал трепетное. Дети, с которыми мне довелось работать, уроки физкультуры любили и занимались с удовольствием. В программу физической подготовки девятиклассников входил обязательный туристский поход. Ещё действовал комплекс ГТО, и каждый уважающий себя ученик мечтал во что бы то ни стало получить «зо-

лотой» значок. Поход был завершающей точкой в программе по физкультуре и последним испытанием на пути к этой награде.

Я не думал выводить на маршрут целый класс. Поход, даже всего лишь двухдневный, это дело серьёзное. Чтобы идти без дорог по компасу, нужны и сила, и выносливость. Нужно уметь ходить, причём ходьба с рюкзаком за плечами дело далеко не простое — лямки оттягивают плечи, от непривычной нагрузки ноет спина, через несколько километров пути ноги начинают заплетаться сами собой — они настойчиво требуют отдыха. Хорошо ещё, если путь пролегает по равнинной местности. С рюкзаком что в гору, что с горы — идти одинаково тяжело, нагрузка резко возрастает. А если встретится заболоченный участок? Сколько я уже пальцев загнул, пять или шесть? А ещё нужно и рюкзак суметь уложить, и правильно обувь надеть, чтобы ноги не натёрло, и мало ли чего ещё. В общем, поход — это отдых для тех, кто его понимает, кто с ним знаком хорошо. Но попробуйте найти среди девятиклассников здравомыслящего человека! Кто в пятнадцать лет признается в неумении ходить?

— Ходить? Да вы что, издеваетесь? Что за вопрос? Конечно, можем. Ещё как! — только и слышал я в ответ на робко заданный мною вопрос. Мальчишки замечательного 9-го «а» просто сразили меня оптимизмом, а девчонки ловко усыпили бдительность своими длинными ресницами.

— Путь идёт через лес, — попытался я пошатнуть их уверенность веским, на мой взгляд, доводом.

— Ха-ха! Напугали! Мы любим лес! Мы рождены в лесу! — слышал я один и тот же ответ со всех сторон.

— Там комары и слепни, — выдвигал я другой довод, чувствуя, что совсем не стараюсь во что бы то ни стало

убедить их в благоразумии, а говорю скорее по обязательной необходимости.

— Мы их не боимся! Мы объявим им бой! — бойко кричали девочки и при этом нежно глядели на ребят. — С нашими мальчиками нам никакие комары не страшны!

И мальчики действительно распрямляли плечи и громко смеялись, степенно оглядываясь по сторонам.

— Пойдём по компасу, без дороги, — я попытался остановить их пыл, — через речку придётся перебираться, а там тина и грязь!

— Ура! Наконец-то мы испытаем настоящие приключения! — видел я только улыбки и горящие глаза вокруг.

Лишь двое ребят сидели молча и совсем не принимали участие в обсуждении. Саша сидел, угрюмо насупившись, словно старый, всё на свете знающий ворон на сухой толстой ветке. Он недружелюбно поглядывал по сторонам, почти не скрывая своего раздражения и изредка, почти незаметно, усмехался, когда слышал чью-то слишком уверенную реплику. Второй — Андрей — после долгого молчания решил вклинуться в спор и расшатать непоколебимую уверенность своих одноклассниц.

— Рюкзаки сами понесёте, на своих нежных плечах! — язвительно бросил он.

— Да уж как-нибудь сами обойдёмся, без помощников, тебя не попросим! — тут же послышалось со всех сторон. — У нас Лёша есть, он нам поможет, правда, Лёшенька?

— Нет, нет, Андрей прав, — включилась в «инструктаж» классный руководитель Анна Ивановна, — рюкзак — это личное имущество, а личное имущество не гоже передавать в другие руки.

— Ничего, ничего, Анна Ивановна, уж справимся, будьте спокойны. Нам ещё предстоит и коня на ходу остановить, и в горящую избу войти. Справимся! — Лена, бойкая, пухленькая девушка чуть презрительно посмотрела на Андрея, — мы ещё вас понесём, голубчики.

— Посмотрю я на тебя, когда песочек молоть придётся, — пробормотал Саша, отвернувшись в сторону.

— Туфельки постарайтесь оставить дома, наденьте шерстяные носки и кроссовки, — говорю я, и класс утвердительно гудит, понимая, что сопротивление сломлено, — штормовки возьмите — комары серьёзный противник.

— Ладно, всё сделаем. Давайте решать вопрос по продуктам, котлам и палаткам, — меня со всех сторон обступают мальчишки и девчонки.

Признаюсь, я был рад такой жизнерадостной реакции учеников. Где-то в глубине промелькнуло сомнение в благополучном исходе предприятия, ведь не готова команда, что там говорить, нет специальной подготовки, но куда деть распирающую грудь уверенность в себе? Я ещё раз взглянул по сторонам, обвёл радостные лица учеников, встретился глазами с Анной Ивановной. Щёки как-то сами начали надуваться:

— Значит, идём в поход! — подвёл я черту.

Мой голос растворился в шуме многоголосого крика радости. Выбор был сделан.

Вообще, мы хотели идти втроём. Каким-то образом о наших планах прознал ещё кто-то из ребят, и вот результат — в поход мы собираемся уже такой большой группой.

После обсуждения деталей, распределения обязанностей, мы разошлись, кто — готовить снаряжение, кто — по магазинам за продуктами, договорившись встретиться

ся завтра на автовокзале в шесть утра. Начать наш поход мы решили из села Большой Кувай, а до него ещё предстояло добратся на автобусе. Вокруговую по асфальту предстояло проехать целый час — чуть больше шестидесяти километров.

Вечером дома, чуть стряхнув налёт самоуверенности, я признался себе, что первый минус уже заработал — команда выходит в путь не подготовленной. «Но, — пытался я себя убедить, — в конце концов, они сами должны понимать, что мы едем не на пикник. Идти придётся, топать ножками. И классный руководитель с ними. И вообще, это их инициатива. Всё». На этом мои сомнения рассеялись, хотя внутренний голос твердил мне о «первом мяче, забитом в мои ворота». «И это не последний мяч, пожалуй», — голос был настойчив.

Утром на автовокзале собрались не все.

— Прогноз погоды неважный, — пояснил Лёша, — он перебросил с плеча на плечо гитару и оглядел нашу команду.

— Иринка и Светлана дождя испугались, — Дима пожал плечами, — а Марину и Алёну родители не пустили. Бывает.

— У них наша тушёнка, — ахнули девочки, — и половина запаса хлеба.

— Так, — многозначительно сверкнув исподлобья хмурым взглядом, бросил Саша. — Вот связались. — Он зло сплюнул.

«Два ноль, — мелькнула злорадная мысль, — эх ты, руководитель!»

— Женщина на корабле — удачи не будет, — подзудыкнул Андрей. Ни Саше, ни Андрею никто не возразил.

— Хорошо хоть я у них вчера половину запаса забрал — словно чувствовал, — Саша слегка подпрыгнул, потрянул рюкзак — банки стукнули одна о другую.

— Сашенька, ты молодец, — девчонки запорхали вокруг него, — ух ты лапусенька!

Тот, не меняя угрюмого выражения лица, отодвинулся:

— Вот ещё. Сказано вам было кроссовки надеть, нет, они в туфельках, — Саша негодовал. — На пикничок собрались!

— Анна Ивановна, защитите нас от него. Что он пристал! Доброго слова не дождёшься.

— Саша прав, — классный руководитель, экипированная по всем правилам и требованиям, осадила девочек, — трудно вам придётся.

«А счёт всё увеличивается, — я оглядел команду. — Пока всухую. Третий гол в мои ворота». Я взял у Саши палатку и передал Лёше:

— Пока в твоих руках будет. Саша и так всю тушёнку взвалил на себя.

Тут последовало приглашение на посадку, раздумывать больше не было времени, мы спешно загрузились в автобус и поехали.

Девочки некоторое время пели песни, потом притихли и засопели под тарахтенье двигателя старого автобуса. Час пути пролетел незаметно.

— Подъём, приехали! Выходи строиться!

— Что, уже? Как быстро! — наша команда высыпала из автобуса.

— Смотрите, ещё не поздно всё исправить! — я показал им на мягкие сидения автобуса. Те, кто передумал, могут вернуться домой.

— Вы что, шутить изволите? Мы своих решений не меняем! — Лена, которой предстояло в будущем «вой-

ти в горящую избу» раскинула в стороны руки и с нескрываемым удовольствием потянулась. — А ну, где этот хваленый лес?! Я хочу насладиться общением с природой!

— Юлечка, а куртка-то у тебя есть? — Анна Ивановна провела рукой по голым плечам одной из участниц.

— Ну, Анна Ивановна, а купальник тогда кто увидит? — она едва заметно фыркнула, — есть, конечно, куртка. Вон, в рюкзаке.

— А в пакете что? Сказано же, в руках ничего не нести.

— Да, Анна Ивановна, продукты здесь, — она легко повернулась спиной, — рюкзачок маленький, едва одело и куртка уместились. Зато сейчас всё съедим, и легко будет.

— Так мы ведь не один раз есть-то будем, — классный руководитель качнула головой.

— А, ничего! У нас вон два генерала есть. Они нас прокормят, — она легкомысленно пожала плечами. — Вперёд, командиры!

— Вперёд, вперёд, на штурм! — закричали с разных сторон, и мы двинулись по колее, которая шла посередине центральной улицы села к чуть виднеющейся впереди кромке леса.

Старинное полузаброшенное село широко раскинулось по обе стороны речушки Кувайки остатками домов. С обидным и негодующим гоготом уступали нам дорогу стаи гусей, надрывались до хрипоты собаки, и лишь петухи, взгромоздившись на ганки палисадника и свесив головы набок, взирали на нас молча. Мы шли, вдыхая сдобренный запахом навоза и свежевспаханной земли воздух, радовались взошедшему над домами солнышку, передразнивали собак, громко здоровались с местными жителями.

Магазин, естественно, оказался закрытым в такое раннее время, поэтому запас хлеба у нас не увеличился. К тому же выяснилось, что половина походников дома не позавтракали, остальные — по утрам только пьют чай или просто «берегут фигуру» и стараются завтрака избегать. Обнаружилось, что идти в туфлях с рюкзаком действительно неудобно, рюкзак в самом деле оттягивает плечи и утомляет спину, а кочки на тропе встречаются так часто, что просто непонятно, как вообще можно здесь жить, изо дня в день передвигаясь по таким «козьим тропам».

Наконец улица закончилась, мы обошли заросшие крапивой и репьями остатки фермы и очутились на широком, заросшем жёлтыми одуванчиками лугу. Затем спустились в неглубокую ложину, с визгом и смехом перешли Кувайку по мостику, выложенному из шатких берёзовых брёвнышек, и подошли к опушке леса.

— Наконец-то пришли, — черноволосая Таня сбросила у огромной сосны рюкзак. — Ой, устала я, — она повалилась рядом. — Ф-ух.

— Когда Сурское-то, долго ещё? — бросила вопрос Юля, красивая стройная девочка, вытирая потный лоб лёгкой широкополой панамой. — Кочки эти надоели.

— Да, да, — подхватила Лена, уперев «руки в боки», — долго ещё нам пилить? — она почти с самого начала пути повесила свой рюкзак на Сергея — скромного безропотного мальчишку. «Это довесочек, — говорит, — устанешь, скажешь, я возьму». Сейчас он сбросил оба рюкзака и устало опустился рядом. Пока молчит, терпит.

— Дети мои! Поход только начинается. Именно отсюда, с этой точки, — Саша, с трудом скрывая торжествующее злорадство, указывал куда-то себе под ноги, энергично двигая рукой вверх-вниз, словно забивая невидимый гвоздь пальцем в землю.

— Я же вам рисовал карту на доске, — пытаюсь напомнить наш вчерашний разговор, вмешался я.

— Это точка отсчёта, — прибавила Анна Ивановна. — Отсюда мы пойдём вперёд, к дому.

— А когда привал? Есть-то когда будем? Надо всё скорее съесть, чтобы рюкзаки облегчить! — неслоь со всех сторон.

— Привал будет. Чуть впереди, — я попытался проверить укладку рюкзаков, шнуровку обуви своих подопечных. — Двигаться будем друг за другом, можно по двое, что б не скучно было. Впереди Саша с Андреем, мы с Анной Ивановной — посередине. Наш путь строго на запад, вон по той дороге, — и я указал на песчаную грунтовку, скрывающуюся за деревьями впереди.

Едва мы вошли в лес, и деревья сомкнулись позади, словно двери, вся наша команда остановилась в удивлении и восхищении. Теперь мы видели только короткий участок дороги, который словно обрывался и сзади, и спереди. Огромные ели, густо усыпанные тяжёлыми шишками, будто колонны храма охраняли её с обеих сторон. Широкие длинные ветви свешивались, как обросшие руки неведомых лесных существ. Бороды мха тянулись по этим ветвям, по стволам, плотно переплетаясь с подлеском и полусгнившими останками упавших когда-то деревьев. Солнечные лучи почти не пробивали лесной свод. Казалось, что здесь обязательно должно быть прохладно, но воздух, несмотря на тень, всё равно был горячим и сухим. Словно в сухие, истлевшие кости он превращал валяющиеся на земле обломанные ветром сучья. Запах еловой хвои смешивался с пылью и плыл над дорогой и подлеском.

— Вот это красота! — услышал я восхищённый шёпот где-то позади себя.

— Да, ребята, — чуть громче сказала Анна Ивановна, — вот это и есть та самая знаменитая на всю Ульяновскую область Кувайская тайга!

Я был рад тому, что этот участок леса оказался замеченным. Стоял и испытывал приступ гордости, словно моя заслуга была в том, что этот участок растёт здесь, на краю дальнего леса.

Несколько минут ребята с интересом озирались по сторонам. Кто-то из них попробовал обнять ближайшую к нам ель, кто-то с интересом гладил короткие иголки, а затем мы опять выстроились в нестройную шеренгу и вразнобой двинулась вперёд.

Скоро ельник закончился, и мы углубились в мелколесье. На нас обрушились полчища комаров и слепней. Комары назойливо жужжали и норовили во что бы то ни стало забраться под рукава и капюшон куртки, роем летали от одного путника к другому. Слепни впивались в тело с разгону. Они словно готовили заранее свои клыки. Моя куртка-штормовка была им не по зубам, и они после нескольких попыток переключились на голые плечи девочек. То и дело слышались звонкие шлепки по голому телу и нервный вой. Ноги вязли в песке почти по щиколотку. Толчка не получалось — песок был похож на мокрый рассыпчатый снег. Солнце вставало всё выше — день обещал стать жарким.

Завтрак получился беспокойным. То и дело приходилось отмахиваться от слепней и комаров. Кто-то бесцветным голосом считал потери комариного войска, а кто-то потихоньку проклинал ту минуту, когда решился на этот поход. Отдохнуть не удалось, а я отметил про себя, что позавтракать нужно было перед входом в лес, тогда и «волки были бы сыты, и овцы целы». Воды не набрали в запас, теперь её осталось совсем мало, и где

её взять в лесу — вопрос. Нет, воды-то набрали, только уходит она с невероятной быстротой, а это сигнал нехороший. Но, что сделано, то сделано.

Теперь после завтрака поднять команду было не так просто.

— Мы больше не пойдём!

— Хватит!

— Когда дом-то?

— Ой, плечи болят!

— Ноги натёрла, чёртовы кочки! — несло со всех сторон. — Когда закончится этот лес?

— Скоро закончится, ещё километров двадцать, и всё, — подлил «масла в огонь» Андрей. — Крепитесь, люди, скоро лето!

— Сгинь с глаз, изверг!

Желание загорать у ребят прошло. Каждый из них как мог боролся с комарами, делился опытом борьбы с идущим рядом.

— Рот откроешь, — услышал я обрывок разговора, — дышать легче, зато сразу пить хочется, и комар в рот залетает.

— И норовит подальше забраться, в самое горло!

— О, ты тоже испытала вражеский залёт?

— Да. Мне кажется, он там прижился. Будет теперь грызть меня изнутри.

Когда общими усилиями команду удалось вывести на дорогу и продолжить путь, она была похожа на отступающее войско французов войны 1812 года. Ребята брели, поднимая тучи песчаной пыли, едва передвигая ноги, не глядя по сторонам.

Оживил, причём неожиданно и сразу всех, заяц. Обычный серый длинноухий заяц. Он выпрыгнул откуда-то сбоку, перекатился через голову и выскочил

на тропу. Потом, испугавшись собственной смелости, прижал уши к спине и, отталкиваясь мощными задними ногами, припустил вперёд. Мальчишки засвистели, девочки пронзительно завизжали.

Теперь все как-то подобрались и оглядывались по сторонам, высматривая «диких зверей». Дорога бежала вперёд, скрываясь за бугорками и куртинами деревьев. Она казалось бесконечной, и спустя полчаса после встречи ученики опять поникли, уже основательно. Но, рано или поздно, любой дороге есть конец. Впереди замаячили домики затерянной в лесу деревеньки. Усталые путники ступили на заброшенную улицу, состоящую из двух или трёх уцелевших домов. Интерес пересилил усталость — не каждый день ступаешь на улицу деревни, словно сошедшей с картины Шишкина.

— Тишина-то, аж уши ломит, — Лёша тренькнул по гитарным струнам. Звук растёкся по сторонам, повис в воздухе.

— Уши ломит от голода и усталости, — ответил Дима, сгибаясь под тяжестью двух рюкзаков. — Скоро ли обедать будем?

— Переправа нас ожидает, — Саша похлопал Диму по рюкзаку. — Вот на той стороне и пообедаем.

Мы побрели по узкой тропинке к реке. Тропа перебежала мимо огородов, заросших картофельной ботвой, нырнула под прожилину старой изгороди и рассыпалась на скошенном лугу. Мы прошли по глади скошенной травы и уткнулись в заросший ивняком и тальником берег.

— Что за речка-то, Владимир Николаевич? Барыш, что ли? — Анна Ивановна подошла к краю полянки. — Ну и как переправляться будем?

— Что-нибудь придумаем, — я обернулся назад. Шедший впереди Лёша рухнул вниз как подкошенный. За ним повалились и остальные. Они лежали, не шелохнувшись несколько минут.

— Эй, народ! У кого хлеб? — едва ворочая губами, пробормотал Лёша.

— У меня, — простонал кто-то справа.

— У кого сахар? — Лёша бросил ещё один вопрос, как камешек в болото.

— У меня, — едва слышно донеслось слева.

— Давай.

Кто-то, кряхтя, стал поворачиваться и просить достать из рюкзака хлеб. Булка пошла по рукам. Каждый, к кому она попадала, отщипывал дрожащими пальцами поряточный кусок и передавал её дальше. Одновременно с другой стороны передавался по воздуху пакет с сахаром. Раздалось громкое чавканье. Спустя несколько минут забренчала гитара — это Лёша, не вставая, пытался петь какую-то песенку. Кто-то подхватил.

Поиски брода или лодки закончились неудачей. Вернее, можно было в одном месте перейти вброд реку, но в этом случае пришлось бы, проваливаясь почти по пояс в илистое дно, брести метров пятьдесят. Решено было искать мост, который был где-то ниже по течению.

Мы вернулись в деревню, нашли колодец и заполнили водой всю посуду, что была у нас предназначена для переноски жидкости. Я, набирая минусы, повёл команду дальше, уклоняясь от запланированного пути. Солнце висело прямо над головой, посылая вниз жгучие, огненные лучи. Лес давно расступился по сторонам, и мы плелись по огромной поляне вперёд, обходя болотца, оставшиеся после весеннего половодья, ориентируясь по старым столбам, которые когда-то несли свет и жизнь в оставленную позади деревеньку. Желających загорать уже не было. Ученики, обливаясь потом, набрасывали на плечи куртки, повязывали головы майками или платками, смоченными в мгновенно нагретой воде.

Наши проводники незаметно сбились с курса. Я пропустил нужный поворот, занятый интересной беседой, которую мы устроили прямо на ходу с Анной Ивановной, а они, взяв за ориентир старые столбы, вывели нас к длинному Соловьёвскому озеру. Здесь мы, наконец, приготовили обед, свалив в котёл всё, что у нас было с собой прихвачено. Суп получился отменный, и он в какой-то мере замазал мои промахи и придал нашему походу романтизма, который так хотели почувствовать ученики.

Вечером местные рыбаки, сражённые обилием внезапно появившихся на их территории русалок, словно под воздействием таинственных чар вывалили весь улов к нашему костру. Они пытались выставить на импровизированный «стол» пару бутылок самогона, надеясь, что

чары, вернее винные пары, охватят и русалок, но бутылки были тут же водворены на место в люльку мотоцикла, на котором подъехали бывшие владельцы богатого улова.

До самой полуночи играла гитара у костра, раздавались песни, а кто-то даже порывался устроить купание под луной. В палатки никто не шёл. Не потому, что не хотелось спать, — просто в наших походных «домах» устроили засаду комариные войска, спрятавшиеся там от дыма костров. Но едва кто-то пытался прикорнуть у костра, комары поднимали его, заставляли бегать вокруг головёшек, размахивать руками и чесаться что есть силы. Я понял, что полог из марли в палатке просто необходим, и записал на свой счёт десятый минус.

Следующим утром нам с Анной Ивановной с трудом удалось поднять на ноги наших ребят. Все, кроме Саши и Андрея, выглядели вконец уставшими и замороженными. Они еле двигались, и было просто трудно представить, что они способны надеть на плечи рюкзаки и идти куда-то вперёд.

— Я будто воду весь день и всю ночь возила на телеге, — пробормотала Лена, со злостью хлопая себя по лбу ладонью. — Триста пятьдесят третий.

— Чего считаешь, комаров, что ли? — Таня выглянула из-под куртки, которой было обмотано лицо.

— Их, проклятых! У-у, зла больше нет.

Нам удалось убедить их, что если поспешить, можно успеть дойти до Сары к часу — именно в это время туда приходит автобус местного сообщения, и он довезёт нас до дома ещё сегодня. Чего стоил этот переход тем девочкам и мальчикам, я, естественно не узнал, но до Сары мы дошли. Как раз успели подняться на длинный крутой склон, на котором грудились дома, пересечь централь-

ную площадь и перекрыть дорогу уже трогающемуся с места автобусу. Как назло, салон был буквально забит до отказа пассажирами, и мы целых полчаса висели между полом и потолком, зажатые со всех сторон стоящими людьми.

Прошло несколько лет. Я готовил первое серьёзное путешествие по области на велосипедах с учениками. Перечитал массу специальной литературы, составил выписку — памятку, основанную на собственном опыте и на прочитанных и опробованных советах о том, что нужно делать при подготовке и проведении походов с учениками. Памятка сработала великолепно — мы прошли на велосипедах по Ульяновской области больше восьмисот километров, и нигде и никто не поставил бы нам ни единого минуса. Надо готовить маршрут, готовить команду, в том числе физически, и никогда не надо быть надутым всезнающим павлином.

Но если бы не было того похода, в котором я допустил десять промахов из десяти возможных, я никогда бы, наверное, не научился той работе, которая помогла нам впоследствии пройти с ребятами больше двадцати пяти тысяч километров по Земле.

Средство от сутулости

То была моя вторая зима после службы в армии. Я заочно учился в педагогическом институте, работал в спортобществе «Урожай», а по вечерам занимался физкультурой с младшим братом Сергеем и его друзьями. Наша импровизированная команда состояла из нескольких человек. Мы бегали и прыгали на песчаном берегу реки Суры подобно грекам древней Эллады, ходили на озеро плавать и грести на лодке, «висели» на турнике, а то, разбившись на две команды, играли «до победы» в баскетбол и ручной мяч.

Мы с Сергеем поставили задачу во что бы то ни стало увеличить его рост. Это было заветное желание брата, что называется, предел мечтаний. К моменту окончания моей службы, он успешно закончил семь классов, слыл «тихим озорником», любившим устроить едкую каверзу кому-то из однокласников, как должное сносил щелбаны и оплеухи и стоял вторым с левого фланга во время всевозможных построений. Он хотел быть высоким и сильным. Мечтал так подпрыгнуть, чтобы суметь уви-

деть сетку баскетбольной корзины через кольцо сверху, а между тем в баскетбол играть не рисковал, считая, что, во-первых, из-за мяча его просто никто не увидит, и, во-вторых, он просто боялся не поймать однажды упругий баскетбольный снаряд и получить им по лбу.

— Рост мы с тобой увеличим, — уверил я его, едва мы с ним встретились, и он поведал мне о своей беде. Я в этот момент вешал свой армейский китель в шифоньер на «вечную стоянку». — Подумаешь, рост. Вставай к косяку и делай первый замер. Через пару лет прибавим к этому результату двадцать сантиметров, даю гарантию.

Целых полтора года мы с армейскими друзьями опробовали разные системы физического развития и тренировки, я был полон решимости применить опыт здесь, дома:

— Не бойсь! У меня знаешь какие друзья в армии были — любой позавидует! Один Юрий Лацыгин чего сто́ит — призёр республиканских соревнований по дзюдо, Вова Долинский — пояс по карате.

Глаза у брата загорелись — он мне поверил.

Спустя две недели мы выходили на утренние занятия уже втроём, ещё через месяц нас было уже восемь человек. Серёжкины друзья цеплялись к нам, а я никого не прогонял, считая, что вместе будет как-то веселее и полезнее заниматься.

И вот сейчас, к концу девятого класса, к той первой его отметке прибавилось двадцать сантиметров, он уже не уместился в дверной коробке и продолжал стремительно расти. Помогла моя уверенность и специальные упражнения — различные прыжки и висы. В строю брат был уже вторым правофланговым. Легко передвигался по залу, неплохо работал на турнике, прыгал, как заправский легкоатлет, но всё чаще он как-то подавал пле-

чи вперёд и опускал подбородок к груди, превращаясь в высокого, но сутулого человека. Не то чтобы он стал стесняться своего внезапно появившегося роста, просто теперь у него появилась другая забота. Резкое увеличение роста влечёт за собой уменьшение веса и временную худобу, с которой трудно бороться. Он всегда чувствовал голод, много и сытно ел, но всё уходило, как в ненасытную прорву, а мяса на его костях было не больше, чем на синем курёнке, выставленном в витрине центрального магазина. И сутулыми плечами, и втянутой в плечи головой он словно хотел отгородиться от окружающего мира. Процесс естественный, и сейчас-то мне всё ясно как дважды два. Но тогда я был молод и не сразу во всём разобрался, хотя продолжал стастно и свято верить в великие возможности физической тренировки.

Однажды, забежав по каким-то своим делам в школу, я решил дожидаться перемены, чтобы переброситься парой слов с братом. У них шёл урок биологии. Дверь в кабинет была чуть приоткрыта, в фойе не было ни одной живой души, и слова рассказа учителя, время от времени прерываемого репликами некоторых учеников, слышались ясно и чётко. Урок был посвящён строению костной системы человека, учитель пытался что-то объяснить, используя таблицу и извиняясь за отсутствие муляжа скелета:

— Сегодня крупное методобъединение в соседнем районе, — донеслось до моего слуха из-за двери. Судя по голосу, учитель действительно жалел об отсутствии такого «помощника» на уроке, — съехались учителя из всех школ, и мы отдали им муляж во временное пользование.

— Нам не нужен скелет, — я узнал по голосу одного из одноклассников Сергея — крупного, сильного парня, хо-

рошего спортсмена и «дамского угодника», — у нас свой экспонат есть, доморощенный! Послышался громкий хлопок по плечу и весёлый смех учеников. Мурашки побежали у меня по спине. Мне сразу всё стало ясно. Я вдруг понял причину грустных Серёжкиных глаз и его нежелание показываться лишним раз в спортзале перед девчонками.

Несколько дней я думал, как направить тренировочный и воспитательный процесс в нужное русло. И так поворачивал ситуацию, и эдак. То, что доводы не помогут, — это ясно, как день! Если человек не верит или теряет веру в свои силы и возможности — никакой оратор или проповедник не выправит ситуацию — это факт неоспоримый.

Решение пришло неожиданно. Окрылённый мыслью, я тут же помчался в школу, разыскал Серёжкин класс и, едва дождавшись перемены, отозвал в сторону брата и одного из его одноклассников — прозванного за свою силу, основательность и кряжистость Касьяном. Он гордился своим прозвищем, с удовольствием на него отзывался и старался ему соответствовать — ходил вразвалку, любил съесть вторую порцию мяса с гарниром в столовой во время большой перемены, никогда не отказывался «сражнуться» на руках в перемену. На только что прошедшем конкурсе «А ну-ка, парни!» ему не было равных в подъёме гири. При всём держался он всегда прямо, как кадровый военный, и абсолютно не был знаком с червяком зазнайства.

— Вот что, Касьян, — сказал я ему, — просьба у меня к тебе есть. Помощь твоя мне нужна.

— Чем смогу — помогу, — мне показалось, что и слова его тянутся как-то вразвалку, степенно и неторопливо. — Что нужно-то?

— Есть вот у меня любимый братишка, — я кивнул на стоящего рядом Сергея. — Всё бы хорошо, только сутулится, как коромысло, словно тяжесть какую в руках носит. И тяжесть эта, всё увеличивается и увеличивается!

— Уж это точно. Я и сам ему говорю об этом каждый день. Мозоль на языке набил, — глаза его озорно заблестели, — чем я-то могу помочь?

— Да вот чем. Ты парень сильный, — Касьян едва заметно улыбнулся в ответ, — и бегаешь неплохо. По крайней мере, школа — не очень большой «полигон», брат от тебя здесь не спрячется, — я выдержал паузу и взглянул на Сергея. Он стоял вытянувшись в струнку и в напряжении чуть покусывал заусенцы у ногтей своей руки. Я продолжал:

— Увидишь, что Серёжка сутулится — врежь ему, не жалея, между лопаток, я разрешаю.

— Э-э-э, я своего согласия не даю! — брат попытался возразить, но его одноклассник, радостно улыбнувшись, с удовольствием потёр руки ладонь о ладонь:

— О! Это можно! Это я всегда пожалуйста! — и он показал Сергею свой увесистый кулак. — Я как раз позади сижу — буду наблюдать за ним во время урока. Только он сгорбится — я его на перемене достану, будь спокоен!

— Давайте как-то решать по-мирному, без мордобоя, — попытался остановить нас Сергей, но мы уже его не слушали.

— Будем считать, что я провожу курс своеобразной терапии, — отмахиваясь от Сергея, словно от комара, и совсем не обращая внимания на его просьбы и доводы, отбросив степенность и широко улыбаясь, пробормотал Касьян.

— Скорее тебе предстоит провести курс массажа, — подхватил я, — правда, приём будет использован лишь один — постукивание. Идёт?

— Договорились.

— Всё, решено, — я понял, что назад, похоже, хода не предвидится. — Договор вступает в силу с завтрашнего дня.

— Думаю, — Касьян злорадно подмигнул Сергею, — даже голосование не решило бы сейчас вопрос в твою пользу.

— Иезуиты! Живодёры! Ишь, чего придумали! Прощай, спина.

— Ничего, держи её прямо — и будет полный порядок, — я понимал, что решаюсь на щекотливый шаг, но мне хотелось ударить, что называется, «в корень». — Ну ладно, пока! — мы с Касьяном пожали друг другу руки и я ушёл домой.

На следующий день за ужином Сергей сидел прямо, не пытаясь опустить плечи вперёд. «Так, — отметил я про себя, — соглашение вступило в силу. Будем ждать результата».

Скоро все в классе знали о заключённом между нами договоре. Кто-то из ребят пытался подключиться к «благородному делу», но Касьян останавливал добровольцев. Он не давал больше никому прикоснуться к Сергею:

— Эта миссия возложена на мои худые плечи, — говорил он и тем сразу пресекал попытки желающих вклиниться в «процесс». — Я сам уж какнибудь попытаюсь справиться.

«Работа» по выправлению сутулости продолжалась в течение двух или трёх месяцев. Касьян старался — он выколачивал сутулость с завидным упорством. Через месяц постройневшую фигуру брата заметили родите-

ли, затем, спустя какое-то время, ученики других классов и, наконец, он сам. Сергей уже со смехом и затаённой благодарностью вспоминал наш «совет» и пресловутый договор.

Последнее перед окончанием школы лето прошло в походах, тренировках и хозяйственных работах. Рост вверх у Сергея приостановился, и физические упражнения сделали своё дело — плечи и руки налились силой, спина обросла мощными мышцами, и брат превратился в стройного, атлетически сложенного молодого человека. А привычка держать плечи развёрнутыми сохранилась на всю жизнь.

— Я до сих пор оглядываюсь назад, если вдруг почувствую, что плечи повисли, — улыбается Сергей, когда мы с ним вспоминаем этот эпизод, — вдруг там, за спиной сидит Касьян и грозит мне кулаком с ехидной усмешкой — держись, мол, конец тебе.

Я думаю, сутулость отражает внутреннюю суть характера человека, который пытается замкнуться в себе и не хочет раскрыть и понять свои способности. И исправлять её — значит подправлять характер. Наверное, разные способы для этого существуют. Но то средство оказалось верным. По крайней мере, для меня.

Химические метаморфозы

Урок подходил к концу. Учитель химии — очень строгая и принципиальная женщина — внимательно оглядела класс.

— Приготовить словари для проверки!

Химию я не любил. Конечно, было интересно и неожиданно для самого себя вывести в цифрах и странных латинских буквах формулу какого-то вещества, хорошо всем известного и вполне осязаемого. Ещё более странным казалась возможность получения двух абсолютно разных и непохожих друг на друга составляющих из одного целого. Но чаще приходилось с великим трудом продираться через химические дебри, это требовало вдумчивого кропотливого труда, массу времени и усидчивости, то есть тех качеств, которых у меня не доставало, и интерес мой к предмету как-то сам собой угасал.

Ещё добавляли «масла в огонь» Сашка Таранов и Витька Яцкевич. После каждого удачного ответа они подлавливали меня за углом школы. Сашка был силь-

нее. Он, щурясь, будто от солнца, ехидно улыбался и, глядя прямо в глаза, больно пинал по ноге:

— Будешь ещё выпендриваться? Будешь? Тоже мне, химик-технолог нашёлся!

А Витька насмешливо подмигивал правым глазом и, сбивая пепел с сигареты, молча сплёвывал сквозь зубы жёлтую тягучую слюну.

Приходилось отвечать после уроков — зачётом. Это мне удавалось. Но учительница упорно продолжала вызывать меня к доске на каждом уроке и закрывала забором из жирных единиц мои «зачётные» пятёрки — я не входил в число её любимчиков.

И вот дело дошло до проверки словаря. Мы должны были вести его регулярно и аккуратно. Нужно было записывать туда все термины и показательные примеры. Я давно превратил его в черновик и очень был этим доволен. Это было удобно — не нужно искать дополнительные листочки, незачем поминутно заглядывать в тетрадь или словарь при решении задачи во время выполнения контрольных заданий, всё находилось под рукой.

Выгоду именно такого использования словаря понял мой друг Серёжка. Нас связывала крепкая дружба. Мы сидели за одной партой, подсказывали друг другу на уроках, вместе ходили в школу и на рыбалку, только во время драк его как назло не оказывалось рядом.

Сейчас он лихорадочно, не поднимая глаз, расчерчивал чистые листы один за другим, стараясь придать тетрадке вид словаря. Пальцы его дрожали, карандашное сердечко надломилось и оставляло след нечёткий, словно он царапал гвоздем, а не карандашом.

— Проверяет, — отвечая шёпотом на мой немой вопрос и кивнув головой в сторону Полины Васильевны, процедил он сквозь зубы. — Влетит теперь.

— Всё равно видно, что это черновик, зря стараешься, — прошептал ему я. — Словарь должен быть чистым и аккуратным, страницы у него расчерчены с первой по последнюю, а у тебя всё исписано, исчеркано. Догадается.

— Может, не заметит?

— Ну да, — я даже усмехнулся, — ты что, Полину Васильевну не знаешь? Не выслужишься.

Серёжка вздохнул — он знал характер нашей «химички».

— Матери доложит, — он вздохнул, — или отцу. Влетит теперь.

Я знал Серёжкиного отца — сурового не улыбчивого мужчину с вечно сдвинутыми к переносице бровями. Но, честно сказать, не видел ни за собой, ни за Серёжкой какой-то явной вины. Мой черновик — это словарь в действии. Мой-то отец наверняка похвалит меня за рациональное использование словаря. Да что там «наверняка», точно похвалит. Так что — чего бояться-то?

Наша очередь приближалась быстро. Сергей не успевал.

— Ну, голубчики, показывайте, — голос учительницы навис над нами тяжёлым грозным облаком.

Я протянул тетрадь вслед за Серёжкой.

— О-о, братцы, — едва открыв наши тетрадки, громко, на весь класс, сурово произнесла Полина Васильевна. — Это не словари! Что вы мне подсовываете?

— Я решил совместить словарь и черновик, — уверенно проговаривая каждое слово, отчеканил я. — Мне так удобно.

Химичка покачала головой.

— Полина Васильевна, — занял Серёга, — у меня есть словарь, — его голос звучал умоляюще, — но я его дома

оставил, принесу на следующий урок. — Он указал на меня рукой:

— Я на Вовку глядячи черновик завёл.

Учительница усмехнулась:

— У тебя что же, своей головы нет? Ну, он ладно, обормот, но ты-то у меня на хорошем счету числишься!

— Я принесу, — заглядывая учительнице в глаза, прохныкал Сергей.

— Ладно, — насупила брови Полина Васильевна, — разберёмся. Зайдёте ко мне в лаборантскую после уроков. Оба.

Она забрала наши тетрадки, и тут прозвенел звонок с урока.

Я обиделся на Серёжку — тоже мне друг!

— Ты что, — говорю, — «на Вовку глядячи, на Вовку глядячи». Кто тебя просил? Нашёл громоотвод. Я тебя не просил в словаре чиркать.

— Ты что, не понял? — с жаром налетел на меня Сергей. — Я же, наоборот, я о тебе хотел хорошее сказать. Я же с гордостью говорил — вот, мол, с друга пример беру. О тебе забочусь, о твоей репутации.

«Вот хитрый какой», — подумалось мне. И хотя обида почти сразу прошла, я на всякий случай буркнул:

— Ври, да не завирайся, умник. Обо мне он заботился. Репутация ему дорога. Болтун, — но его глаза смотрели на меня доверчиво и бесхитростно, и я успокоился. — Хорошо, посмотрим.

Уроки пролетели быстро. Хотелось уйти домой, но с Полиной Васильевной шутки были плохи — она любила, чтобы ученики её слушались. «Ладно, — сказал я сам себе, — какнибудь выкрутимся, не в первый раз».

Мы с Сергеем зашли в кабинет химии. Наши шаги гулко отдавались в пустом классе. Полина Васильевна,

видимо, задерживалась в учительской. Мы были одни. Сергей подошёл к лаборантской и толкнул дверь. Она оказалась незапертой и, едва скрипнув, отворилась. Мы молча переглянулись.

— Что же делать? — наконец пробормотал Серёжка.

Я пожал плечами:

— Чего делать? Подождём.

— Давай выкрадем, — вдруг прошептал Сергей. — Выкрадем — и дело с концом.

— Ты что? Зачем это? Ну, черновик и черновик, подумаешь, — я пожал плечами.

— Да мне от родителей попадет, знаешь как! Давай выкрадем, а? — продолжал настаивать мой друг.

— Давай иди, — шёпотом, едва слышно пробормотал я. — Только я свою брать не буду, не хочу.

— Вов, возьми мою тетрадь! — скороговоркой зашептал мне Сергей. — Я постою у двери, понаблюдаю. Понимаешь, у меня всё на лице будет написано, если я возьму, — он старался говорить и говорить, не умолкая ни на секунду. — А так, если ты возьмёшь — никто не узнает. Давай, а?

Мне не хотелось лезть за этой тетрадкой, но глаза друга так умоляюще смотрели на меня, и так хотелось его выручить, что я согласился.

Сердце учащённо забилося, когда я перешагнул порог лаборантской комнаты. Наши черновики лежали на столе. С висящего на стене портрета прямо на меня смотрел Александр Михайлович Бутлеров. Я, стараясь отвести от него взгляд и сглотнув слюну, на негнущихся ногах подошёл к столу, взял Серёжкину тетрадь, свернул её в трубочку и почти бегом выскочил из комнаты. Дверь лаборантской захлопнулась.

— На, возьми, — я протянул тетрадку Сергею. Она

прилипла к моим вспотевшим ладоням, и казалось, я с трудом оторвал её, словно руки мои нарочно кто-то смазал клеем.

— Вот здорово! — глаза у Сергея заблестели. — Химичка придёт — где, мол, тетрадь? А мы ей — мол, ничего не знаем, ищите сами. То-то она удивится! Молодец ты, — похвалил он меня, — смелый.

— Да ладно, ладно, для друга-то... А если всё-таки догадается? — с недоверием спросил я его.

— Ты что, как?

— Ну как? Кто её знает? Ещё Бутлеров этот, как шпион, — пробормотал я, вспомнив внимательные глаза учёного-химика.

— Какой ещё Бутлеров? Ты что? — Серёжка хлопнул по столу ладонью. — Вот! Придумал! — торжественным и твёрдым голосом произнёс он. — Давай её тебе за пояс сунем, под свитер?

— Это ещё зачем?

— Ну как ты не понимаешь? — у Сергея даже веснушки запрыгали на носу от возбуждения. — Полина придёт — чья, мол, тетрадь пропала? Моя. Где её искать? У меня. Хватит, а у меня-то её и нет. Не полезет же она к тебе!

— А если вдруг?

— Ну, скажешь, что ты хотел списать, для этого и взял. Логично?

Я пожал плечами. Мне это показалось не совсем логичным, но, пожалуй, точным, только противно как-то. За дверью раздались шаги. Раздумывать было некогда. Сергей поспешно задрал мне свитер на спине и сунул под ремень брюк сложенную вдвое тетрадь.

— А, друзья-товарищи! — дверь резко распахнулась, и улыбающаяся Полина Васильевна вошла в класс. Она

была в приподнятом расположении духа. — Значит, говорите удобнее словарь как черновик использовать? Ну-ну, посмотрим.

Она толкнула дверь лаборантской, затем достала из кармана ключ и открыла замок. У меня заныло где-то в середине живота, а испарина покрыла лоб. «Зря мы забрали тетрадь. Всё бы обошлось», — с каким-то безразличием пронеслось в голове. Захотелось сесть и втянуть голову в плечи. Я мельком взглянул на Сергея. Его глаза сузились, он стоял, в напряжении закусив губу.

Из лаборантской послышался какой-то громкий нечленораздельный возглас, а затем злые уверенные шаги.

— Та-ак! — глаза Полины Васильевны метали молнии.

Я вспомнил, как на восьмое марта мы всем классом подарили ей огромного плюшевого медведя. Девочки усадили его на учительский стул, а рядом положили букет цветов. «Самый лучший подарок — ваши хорошие отметки!» — сказала тогда Полина Васильевна с усмешкой, совсем не обращая внимания на медведя. Помню, какая тогда установилась тишина в классе, а медведь сидел за учительским столом и застенчиво всем улыбался. Он потом целую неделю кочевал из шкафа в стол и обратно, пока его не забрала домой Иринка Фёдорова — староста нашего класса, а лепестки облетевших цветов ещё долгое время сохли под батареей.

— Так, — повторила Полина Васильевна. — Пропала тетрадь. Кто взял?

— Я не брал, — тут же выпалил Сергей.

Полина Васильевна окинула меня взглядом с ног до головы. Похлопала ладонью по поясу. Усмехнулась и произнесла усталым голосом:

— Доставай.

Пришлось отдать ей Серёжкин черновик. Она строго посмотрела на Сергея.

— Я не брал, — повторил он.

— Извините, Полина Васильевна, — пробормотал я едва слышно, — из озорства я. Виноват. А словарь я всё равно как черновик использовать буду. Удобно это.

Полина Васильевна молча посмотрела на меня, потом перевела взгляд на Сергея:

— Внимательно нужно друзей выбирать, — было неясно, для кого из нас предназначались её слова. В голосе слышалась досада. — А словари все-таки надо по назначению использовать.

Она отдала наши тетрадки и отвернулась.

По домам мы с Сергеем расходились порознь. В воздухе стоял свежий запах весенней, пропитанной влагой земли. Всю дорогу за мной летел большой толстый дрозд и что-то кричал. Он перелетал с дерева на дерево, садился на нижнюю ветку и, смешно кивая головой, пытался втолковать мне какую-то свою мысль, а я думал об Александре Михайловиче Бутлере, о наступившей весне и о своей «тройке» по химии, из которой мне теперь уж наверняка никак не выбраться до конца учебного года.

Мне не удалось зацепиться в институте после окончания десятого класса — не хватило одного балла при поступлении — пришлось идти в техникум. Два года учёбы пролетели незаметно. Это была хорошая жизнь, и друзей из своей группы я вспоминаю только добрым словом. Потом я служил в армии, сначала в Литве, а затем в Туркмении и Афганистане — возил грузы из Кабула в Кандагар.

По специальности поработать не пришлось — вся служба, а затем и работа на «гражданке» были связаны с

моим водительским умением, я крутил «баранку» и как-то прикипел к этой специальности.

Сергей закончил один из факультетов педагогического института, затем прошёл месячные военные сборы и получил погоны лейтенанта. Он очень быстро нашёл себя в гражданской жизни, поступив на работу в милицию и, спустя всего лишь два года, возглавив отдел уголовного розыска. Его «Мерседес» часто мелькает на улицах посёлка. Репутация у Сергея безукоризненная, он славится своей принципиальностью и нетерпимостью к чужим ошибкам. Начальник милиции очень хорошо отзывался о работе отдела. Видимо, не зря — Сергея всегда считали человеком способным. Только почему-то в последнее время больно уж он в религию ударился — по воскресеньям в местной церкви усердно отстаивает шестичасовую службу, словно кается за какие-то грехи.

Каждой весной заводят свои трели соловьи. Мне снились эти чудесные песни в Афганистане и Туркмении. Всякий раз, слушая их и вдыхая запах весенней земли, я почему-то вспоминаю ребят, навечно оставшихся за Гиндукушем и Памиром.

Вот только дроздов в последнее время я что-то не вижу на улицах. Они словно затерялись где-то далеко в прошлом, и я не могу вернуть их обратно, как и своё собственное детство.

Плевое дело

Сура — самая обычная река. От берега до берега от силы полтора метра, а то и того меньше. Русло реки извилистое, с многочисленными песчаными кручами, ярами и плёсами. Пойма поросла лесами из сосны, липы и осины, а кое-где даже сохранились дубравы и заливные луга. Сура огибает широченной дугой большой меловой холм — Никольскую гору, возле которого примостился наш посёлок.

Я люблю эти места. Люблю смотреть с горы на далёкие перелески, на длинный, горбатый водораздел, перекрывающий горизонт на востоке, на реку, которая, словно оттолкнувшись от мелового отрога, спешит скрыться посреди лесов, но нет-нет, да и блеснёт издалика, будто рукой помашет.

Сколько себя помню, хотелось совершить сплав по Суре. Несколько раз я брался за осуществление этой затеи, но каждый раз сборы захлёбывались на середине. Всегда что-то мешало осуществлению этой идеи. И вот однажды всё каким-то образом сложилось.

Я тогда работал учителем в школе. Каникулы были в разгаре. Лето стояло жаркое, и хотелось как-то отметить его макушку. Ребят упрашивать было не нужно — команда набралась очень быстро. Плот решили сделать из автомобильных резиновых баллонов — просто перекрыть их жердями, сделать настил — и всё. Работа заняла считанные часы. Судно получилось громоздким, неманёвренным и довольно медлительным — скорость его, естественно, не превышала скорости течения реки. Но зато мы все уместились на нём без труда.

Сразу стало ясно, что грести будет невозможно, и на фарватер придётся вытаскивать его только при помощи буксира. Для этой цели я привязал к носу плота длинную крепкую верёвку, которую, в случае необходимости, цеплял себе к поясу, превращаясь на короткое время в бурлака. Необходимость возникала чаще, чем этого бы хотелось, — я плюхался в воду каждые полчаса и, барабанивая руками и ногами по воде, с усилием вытаскивал неповоротливую посудину на быстрину. Дети помогали, чем могли, — толкались шестами, гребли самодельными вёслами и подбадривали криками. Но тянуть плот, не имея под ногами опоры, было очень неудобно, и приходилось затрачивать много сил и времени, прежде чем попытку можно было признать удачной. К полудню, несмотря на калящее солнце, меня уже бил озноб, бурлящая вода вызывала тошноту, но посмотреть реку и порадоваться за детей хотелось, поэтому плавание продолжалось.

Приключений за три дня на наши головы выпало весьма немало. Мы выбирались из водоворотов, снимали «судно» с мели, неслись по быстринам, общались с жителями сёл и деревенек, раскинувшихся по берегам реки.

Так или иначе, а путешествие подошло к концу. Мы прошли до окраины Стемасс — села, стоящего кило-

метров на пятьдесят ниже нашего посёлка по течению Суры. Здесь у меня была намечена встреча с отцом. Ещё дома мы условились, что он приедет за моей командой на машине, их заберёт, а для меня привезёт велосипед — хотелось вернуться назад на привычном транспорте. Я планировал добраться до дому часа за два-два с половиной. Пятьдесят километров — плёвое дело.

Последний день нашего водного путешествия выдался беспокойным. Три раза мы, лихорадочно работая шестами, выбрасывались на берег и покидали судно — нас накрывали косматые, словно бесформенные комья вычесанной шерсти, тучи, и шёл дождь. На наше счастье он прекращался быстро, но к вечеру, едва мы добрались до места, где отец ожидал нас, дождь стеганул крепко. Было смешно — на западе светило спешащее к горизонту солнце, а над нашими головами висело тёмное густое облако, из которого сыпали и сыпали большие холодные капли. Минут двадцать мы сидели под развёрнутой палаткой и дрожали, ожидая окончания дождя.

Наконец облако испарилось, отдав всю свою влагу, и наступил тихий солнечный вечер. Мы, собрав пожитки, выскочили на дорогу. Отец уже ждал. Погрузка заняла всего несколько минут — спущенные баллоны, палатку и похудевшие рюкзаки бросили в багажник, а дети, плотно прижавшись друг к другу, набились в салон «Москвича». Мне отступать уже было нельзя — места в машине для меня просто не было.

— Возьми хоть банку тушёнки, да хлеба кусок, — отец протянул перевязанный тесёмкой пакет.

— Не, не надо — пути два часа всего — только аппетит нагулять. Нормально, — отказался я.

— Ну хотя бы воды возьми, у меня есть родниковая с

собой в машине, — отец всё суетился, словно извиняясь за то, что не может взять меня вместе со всеми.

— Да не надо. Не люблю в дорогу напиваться, люблю налегке, — чуть-чуть бравировал я, глядя, однако, на запад — солнце уже скрылось за крышами домов, освещая золотым светом пойменные луга. — Да не волнуйся ты, — я улыбнулся отцу, — вам вкругаля ехать, а мне здесь напрямик, я самую малость вам проиграю на финише. Будь спокоен.

— Хорошо, пока, — и мы пожали друг другу руки.

Дети крикнули мне хором «До завтра!», машина, чуть буксанув на влажной обочине, тронулась вперёд и вскоре скрылась за поворотом. Я остался на дороге один.

Быстро вставил колесо в вилку велосипеда и прикрутил его (мы с отцом загодя разобрали его для удобства перевозки). Проверил запчасти. «Так, — бормотал я себе под нос. — Спицы, насос, тросик, запасная камера — порядок. Тьфу, ты! Ремнабор дети увезли — я же брал его с собой баллоны клеить. Досадно. Ладно, авось не пригодится. Да и камера есть на случай».

Вообще, существует несколько правил, которыми лучше никогда не пренебрегать. Во-первых, в любую поездку на велосипеде нужно брать ремнабор — клей, латки, ключи и простейшие запчасти. Поломка может произойти в любой момент, велосипед — техника капризная. Во-вторых, просто необходимо иметь небольшой запас воды и еды. Так, на всякий случай — мало ли что может случиться. И, наконец, в-третьих, нельзя недооценивать расстояние, пусть даже самое минимальное — нельзя дать самоуверенности взять верх.

Я ещё раз посмотрел в сторону запада и сел в седло. «Бух-бух-бух» — застучало колесо почти голым ободом по асфальту — колесо было спущено.

— Что за чёрт! — я соскочил с седла и прислонил велосипед к дереву. — Так. Фокус первый!

Я быстро достал насос и накачал колесо, в тайне совсем не надеясь на какую-то досадную случайность, затем опять оседлал велосипед и рванул что есть силы вперёд. Мой запал очень скоро потух. Отработав несколько сот метров, колесо опять забило едва прикрытым покрывком ободом об асфальт.

— Вот напасть! — я остановился и, перевернув велосипед «кверху ногами», торопливо начал откручивать заднее колесо. Никак не удавалось сразу снять покрывку — мешали излишне суетливые движения. Наконец я извлёк камеру наружу и подкачал её.

— Так и есть, — опять вслух заговорил я сам с собой, — худая, — из маленькой дырочки на стыке со свистом выходил воздух. — Вот ведь! Сейчас бы клей, и всё было бы просто. Скорее запаску.

Я достал запасную камеру и мигом вправил её в колесо под покрывку. Чуть дольше, чем нужно, повозился с самой покрывкой — мокрый песок обочины попал внутрь её и заскрипел наждачной бумагой, когда я вставлял камеру.

— Как бы не «закусить» её, песок-то мокрый, — опять буркнул я сам себе, но тут покрывка встала на место, я приладил колесо в вилку и туго накачал. Только тут обратил внимание на скользкие от пота руки. Пот стекал и по лицу, и по спине.

— Жарко, — я смахнул пот рукой и опять посмотрел на запад. Солнце уже зашло. — Ничего, — пробормотал я вслух, — только бы до асфальта засветло добраться. — Я знал о том, что скоро асфальт оборвётся, и несколько километров до следующего заасфальтированного участка мне придётся пробираться грязными и неизвестными

грунтовыми дорогами. Если там меня накроет ночная темнота, это будет нелёгкой задачей.

— Ничего, — опять подбодрил я себя, — летом вечера длинные, сумерки долго продлятся, успею. — Я вновь сел в седло и что есть мочи помчался вперёд.

Мой пыл угас через пару минут — колесо спустило. Я в третий раз за вечер открутил его и достал камеру — воздух с шипением выходил сразу через два отверстия.

— Действительно «закусил», — я торопливо выдернул из кроссовок шнурок, перехватил узлом камеру возле прокола и вновь попытался её накачать. Тщетно. Шнурок был слишком толстый, нужна суровая нитка, тогда этот способ сработает. Нитки нет. Вставил шнурок обратно, затем со злостью размахнулся и зашвырнул худую камеру в кусты. Что делать?

— Тоже мне, Чернышевский нашёлся, — зачем-то пробормотал я сам себе. — Ладно.

Я заправил пустую покрывку и поехал на спущенном колесе дальше. Я старался перенести вес тела на руль и «висеть» на переднем колесе, но скорость всё равно была совсем невелика.

— Эй, друг, на спущенном едешь! — слышал я со всех сторон заботливые голоса. Огрызаться было некогда, темнело катастрофически быстро.

Асфальт закончился. Я ещё некоторое время «дрыгал» по накатанной грунтовке, но после давно уже брошенной фермы дорога исчезла. Вместо неё осталась колея многолетней давности, сплошь заросшая крапивой и лопухами. Я спрыгнул с велосипеда, упёрся обеими руками в руль, и что есть сил толкая, побежал вперёд, продираясь через возникшую преграду.

Внезапно где-то далеко блеснула молния. Грома я не услышал, но вспышка была довольно яркая. С юга захо-

дили чёрные тучи. Они быстро затягивали тускнеющее небо и несли какой-то неясный угрожающий шум. Я старался не сбивать дыхание и не тратить сил понапрасну, но дорога заросла репейником слишком густо. Его толстые стволы мешали продвигаться вперёд с равной скоростью. Приходилось то удваивать усилие, то чуть расслабляться и переходить на шаг на проплешинах. Два или три раза я падал — велосипед цеплялся за листья и резко останавливался, а я летел по инерции кувырком вперёд.

Ночь обрушилась, словно занавес. Колея пропала, может быть, я просто потерял её в темноте. Я выскочил к ручью. Прошедший накануне дождь превратил его берега в чавкающее болото. Перемычка, где, видимо, когда-то существовала переправа, превратилась в сплошное грязное месиво — совсем недавно здесь прогнали стадо коров. Неожиданно яркая вспышка осветила место переправы, расстилавшийся во все стороны луг и разрыв посадки далеко впереди на бугре.

— Ага, там дорога. Ура! — сквозь грохот грома заорал я, подхватил велосипед на плечо и, не разбирая дороги, рванул напрямик.

С первым же шагом я ухнул в грязь по колено. Ноги застряли в густой зловонной жиже, под тяжестью велосипеда я чуть не упал лицом вниз. Едва сохранив равновесие, я с усилием выдернул ногу и попытался сделать шаг. Он получился неуклюжим — ноги расползались в стороны, и мне вновь пришлось напрячься изо всех сил, чтобы не упасть. Я начал перебирать ногами перед собой, словно древний строитель, месящий глину. Неожиданно почувствовалась твёрдая опора — я вышел к противоположному берегу. Он оказался довольно крутым и скользким. Я попытался выбраться, но соскользнул вниз и упал на четвереньки. Тогда я, не вставая, пополз, цепляясь пальцами свободной руки за пучки крапивы и какой-то травы, затем, выбравшись наверх, нащупал колею и встал на ноги, сбросив, наконец, с плеча велосипед. Руки были вымазаны по самые локти, и мне пришлось долго тереть их о траву.

Я пошёл вверх по склону. В кроссовках хлюпала грязь, стельки выползли наружу, но поправить их не было ни желания, ни возможности — я пытался смотреть перед собой во все глаза, боясь пропустить следующую вспышку молнии. Она не заставила себя ждать — сверкнула вместе с ударом грома так, что я согнулся и присел в испуге. Мне показалось, что молния с шипением погасла в болоте, которое я только что оставил позади. Воздух неожиданно наполнился первозданной свежестью, стал лёгким и невесомым. Я ещё раз молча порадовался — во время вспышки мне опять удалось увидеть край далёкой лесопосадки.

Налетел ветер. Он бил прямо в лицо, размазывая по щекам крупные капли пота. Я продолжал бежать

вперёд. Мокрые подошвы кроссовок проскальзывали, я то и дело спотыкался и несколько раз падал. Но молчал — старался не открывать рот, зная по опыту, что стоит лишь раз хватануть воздух открытым ртом — захочется пить.

Ветер усилился. Я перешёл на шаг и уже с трудом двигался вверх к посадке. Велосипед приходилось буквально тащить за собой — комья плотной, вязкой грязи, словно цементным раствором, намертво прилепили колёса к раме.

Теперь уже вокруг грохотало и сверкало беспрерывно. Раскаты грома были столь оглушительны, что, казалось, от этого грохота лопнет земля. Моя майка трепетала, как развёрнутый флаг, хлестала по спине будто плетью. Дорогу я нащупывал уже только ногами, чудом удерживаясь на старой колее.

Неожиданно для самого себя я почувствовал, что почва стала чуть плотнее. Исчезла крапива и зашуршала мелкой щёбёнкой обочина дороги.

— Асфальт! Почти победа! Ай да я, ай да молодец, — прохрипел я и почувствовал, что очень хочется пить. Язык встал в горле комом, мешая дышать. Он цеплялся за сухие губы и шершавое нёбо, словно кусок наждачной бумаги.

Я положил велосипед на бок и начал шарить руками по обочине в поисках какой-нибудь палки или крепкой щепки. Через минуту я уже пытался очистить велосипед от грязи. Палка, которую мне удалось отыскать, сломалась. Тогда я, теряя в темноте запчасти, достал отвёртку и начал терпеливо счищать грязь с колёс. Затем так же терпеливо завернул ключи в тряпку и увязал всё на багажнике. Ветер уже не просто гудел и выл, он словно сошёл с ума — в посадке стволы деревьев бились друг о

друга с треском и глухим стуком. Ветви ломались и падали с хрустом на землю и на асфальт.

Я сел в седло. Перенёс вес тела вперёд и понял, что теперь и переднее колесо спустило. Разбираться с ним не было ни возможности, ни сил — я поехал на голых ободах. Здесь, на бугре, была ровно половина пути до дома. Я старался держаться обочины — у края насыпь казалась мягче, но передвигался вперёд я всё равно очень медленно. Я поднимал голову вверх — всё хотелось, чтобы пошёл дождь и смочил губы, но чёрные тучи оставались сухими.

Посадка закончилась, я вышел на открытое место. Мне пришлось опять слезть с велосипеда и снова пойти пешком — проклятый ветер просто встал стеной. Он выворачивал из моих рук руль и вышибал из глаз слёзы. Дорога пошла в обход большого села. Я помнил, что где-то здесь есть колонки и колодцы, но поиски их в темноте, пожалуй, заняли бы слишком много времени.

Я не знал, сколько прошло времени, — час, два, а может быть, лишь несколько минут — исчезло всякое представление о времени. Казалось, что время просто топчет на месте также, как и я. Внезапно я почувствовал, как длинный тягун вытащил меня на вершину очередного бугра. Я вновь сел в седло. Некоторое время, напрягаясь изо всех сил, давил на педали — пошла равнина, и мне удавалось продвигаться вперёд вдвое быстрее пешехода. Я ехал словно изобретатель Артамонов на своём «костотрясе» с деревянными тележными колёсами — на первых велосипедах пневматических шин не было. Ещё казалось, что колёса велосипеда приобрели квадратную форму — с таким трудом удавалось проворачивать их.

До посёлка оставалось километров восемь, когда, проезжая через последнюю на пути деревеньку, я услы-

шал звук льющейся воды — колонка была неисправна, и тоненькая струйка лилась и днём, и ночью. Я бросил велосипед и, едва передвигая ноги, пошёл к колонке. Пить много не хотел, боясь простудиться. Встал на колени и подставил под струйку сомкнутые ладони. Почувствовал, как произвольно, просто от нетерпения задрожал всем телом. Сначала умылся, крепко потерев руки, лицо и шею. Затем набрал в ладони воды, зачем-то подул на неё и выпил медленными маленькими глотками, наслаждаясь вкусом, прохладой и свежестью. Вода произвела неожиданное действие. Мне она показалась живой, она словно вдохнула в меня новые силы. Хотелось пить и пить, не отрываясь. Я выпил ещё две или три пригоршни, затем встал и уже более твёрдой походкой подошёл к велосипеду.

Начинался последний подъём. Дорога уходила по длинному склону холма сразу от первых домов и, пересекая поле, терялась в лесу. Сейчас, ночью, холм казался огромной бесформенной глыбой, заслонившей путь. Я брёл, падая на тугие потоки ветра. Чтобы удержаться на ногах, нужно было согнуться почти пополам. Кроссовки подсохли, но носки встали колом от грязи и натирали ноги. Вокруг полыхали молнии — казалось, тучи кружат в диком танце, хохочут и поют дику варварскую песню. Тёмное пятно леса на бугре приближалось очень медленно. Всё смешалось в моём сознании. Я шёл, считал шаги и переставлял в такт счёту ноги. Зашелестел листвою лес вокруг, деревья сначала трещали и гудели, пытаясь напугать меня, а затем вдруг всё разом стихло, и наступила тишина.

Я, качаясь, остановился на вершине водораздела, с трудом перебрал ногу через раму и сел в седло. Велосипед, медленно набирая скорость, покатился вниз,

стуча по асфальту голыми ободами колёс. Из-за деревьев показались тускнеющие огни посёлка, и я понял, что наконец-то добрался до дома.

Я бросил велосипед во дворе, а сам ввалился в дом. Дети гостили у бабушки, а жена отдыхала на юге, и я мысленно порадовался, что не доставил почти никому хлопот со своей велосипедной эпопеей. Я поставил на газ чайник, а сам разделся и пошёл в баню. Долго скрёб немые мышцы жёсткой мочалкой, а потом ещё столько же вытирал тело полотенцем. Зашёл домой. Чайник уже кипел — вода возмущалась и пыхтела под крышкой, норовя вырваться наружу. Я приготовил себе бокал крепкого сладкого чая и с наслаждением выпил, чуть обжигаясь и откашливаясь. Налил ещё. Вдохнул аромат его, перелил в глубокое и широкое блюдо, с удовольствием глядя на лёгкий пар. Поднял блюдо и выпил чай одним большим глотком, запрокидывая голову и прикрывая глаза.

Вышел во двор. Дождя не было. Чуть шевелились листья на яблонях. Среди рваных облаков едва заметно мерцали тускнеющие звёзды. Где-то далеко просыпались петухи. Светало.

Первый снег

Моя первая студенческая осень начиналась поездкой на картошку. Было тепло и солнечно. Дом и школа остались где-то далеко в прошлом, детство казалось давно закончившимся и даже забытым, новая жизнь распахнулась, словно окно в душном помещении.

Мы весело лезли в автобус один за другим, тут же знакомились, жали друг другу руки и с интересом глядели на девушек своей группы, пока ещё почти незнакомых.

Руководителем был назначен преподаватель экономики, высокий, довольно молодой черноволосый мужчина с необычной для слуха фамилией Жека и простым именем и отчеством — Владимир Фёдорович. Он стоял у раскрытых дверей и внимательно оглядывал каждого входящего, слегка прищуривая правый глаз и едва заметно поводя носом. Брови его топорщились, разлетевшись в стороны, как крылья хищной птицы, а глаза будто насквозь буравили едким, пронзительным взглядом. Слава о нём среди учащихся техникума была добрая. Утверждали, что предмет он ведёт интересно, а на экза-

менах не очень суров, хотя и любит заводить любимчиков. Ещё говорили, что в колхозе без работы студенты не сидят, но и без денег не уезжают. Всё сегодняшнее утро он щепетильно помечал что-то в своей записной книжке, продолжая постреливать по сторонам глазами, затем, бережно прикрыв, сунул её в нагрудный карман своей замшевой куртки, громко крикнул водителю: «Заводи!», ловко запрыгнул в автобус и сел рядом с самой взрослой девушкой нашей группы. Я уже знал, что её зовут Нина, что она старше меня на три года и что у неё была когда-то несчастная любовь. Владимир Фёдорович что-то шептал ей, склонившись к самому уху, почти скрытому кудряшками длинных золотистых волос, а Нина задумчиво кивала головой и едва заметно пожимала плечами.

Водитель угрюмо зыркнул в зеркало, высунувшись через открытое окно, внимательно посмотрел на переднее колесо, негромко сказал: «Поехали!» и дал газ. Через пять минут тихий двор нашего техникума остался позади, за окном замелькали зелёные ещё деревья, дети с сумками и портфелями, идущие из школы, и лужи, в которых отражалось высокое голубое небо.

Появилась гитара, и не успели мы ещё выбраться за город, как первая песня пошла по кругу, не оставив в автобусе равнодушным ни одного человека. Мы сбились в кучу, пытаясь подпевать друг другу и нашему гитаристу — смешливому парню Николаю Усольцеву. Девушки сразу же «окрестили» его Коленькой, хлопали в ладоши после каждой исполненной песни и просили петь ещё и ещё.

Она сидела рядом, пела вместе со всеми, а я старательно выводил мотив, следя за движением её губ. Она сбивалась и начинала смеяться. Ровные зубы блестели, она смешно опускала голову, закусывала то нижнюю, то

верхнюю губу, мягкими нежными пальчиками поправляла рассыпавшуюся чёлку, а Витька Чертков, сидящий напротив, хитро улыбался и подмигивал мне. Я злился на Витьку и старался не смотреть на его ехидную физиономию. Её звали Ольгой, или, точнее, Олей, и её имя показалось мне необычайно музыкальным и певучим. Оля в один миг превратилась в самую милую и красивую девушку на свете.

Старенький автобус, надрываясь на подъёмах и переваливаясь на ухабах, словно корабль на волнах, вёз нас в какой-то далёкий колхоз. Мы приехали туда под вечер. Названия деревни не помню — то ли Дерявино, то ли Державино — три или четыре ряда глядящих друг на друга домов, затерявшихся посреди оренбургской степи. С одной стороны от деревни застыл огромный островерхий бугор, поросший редкими невысокими тополями, с другой притаился широко размахнувшийся, сплошь усеянный мохнатым ковылём, пустырь. Лишенные растительности холмы уходили вдаль до горизонта. Мелькала омутами и камышовыми берегами неширокая речка. Место было живописное.

— Есть работа, — радостно щуря глаза, произнёс Владимир Фёдорович, едва автобус остановился, и мы, потягиваясь, высыпали наружу, — есть работа — вон вокруг, — он показал на раскинувшиеся во все стороны от деревни поля, — это всё картошка. Завались работы!

— Кто бы сомневался, — буркнул себе под нос Виктор Чертков. — Небось при распределении самый зажиточный колхоз выбрал. Не будет нам здесь покоя.

Мы начали разгружаться перед большим деревенским домом, который нам предстояло превратить в общежитие на ближайшие полтора месяца. Ветер весело перебегал с бугра на пустырь, стучал в закрытые окна

дома, охлаждал наши потные лица. Вещей было много, водитель торопил, чтобы засветло уехать назад, и мы бегали наперегонки, стараясь привлечь внимание наших девушек, изо всех сил выставя напоказ независимость и самостоятельность.

Этим же вечером, после ужина к нам пришёл сам председатель колхоза, поздравил с началом учебного года и пожелал хорошего отдыха и доброй работы.

— Всё для отдыха у нас есть, — сказал он важно, — и клуб, и баня. А уж работы — непочатый край!

С утра, сразу после завтрака нас вывезли в поле — потянулись трудовые будни. Распорядок дня выдерживался довольно жёстко. Вся округа была засеяна картофелем, работы действительно было хоть отбавляй — трудилась наша бригада весь световой день. Но кормили отменно — мы буквально ползком выбирались из столовой. Простоя почти никогда не случалось — лишь иногда приходилось поджидать задерживающийся на разгрузке в хранилище грузовик — машин в колхозе был недобор.

На работу мы ездили в открытом кузове грузовой машины и орали под гитару песни, стараясь держать мотив, несмотря на кочки и ямы. Владимир Фёдорович сидел с нами в кузове, но песни не пел, а по привычке разводил брови и переводил взгляд с одного поющего на другого. Усольцев многозначительно смотрел то на Нину, то на нашего руководителя, и продолжал петь, улыбаясь широко, во весь рот, сверкая зубами и блестя глазами. Жека всегда сопровождал нас на место работы, вечером терпеливо подводил итоги дня, доставая свою неизменную записную книжечку, иногда ударно работал вместе с нами, но чаще — пропадал в конторе колхоза или на хранилище — он, похоже, любил строгий учёт.

Вместо себя оставлял в поле комсорга Логунова — нудного парня с ровным невыразительным голосом, да ещё абсолютно лишённого музыкального слуха. Он и песни пел тем же тоном, которым отдавал никому не нужные в поле приказы.

— Быть тебе в армии сержантом, — говорил ему Петя Мальков, старательно выполняя команды комсорга с точностью до «наоборот».

Такое отношение несколько не смущало нашего комсомольского вожака, и он продолжал наставительно водить пальцем по воздуху и по-журавлиному вышагивать вдоль борозд по полю.

События тех полутора месяцев сплелись в такой плотный клубок, что сейчас я, сколько не стараюсь, не могу вспомнить в чёткой последовательности все, что случилось тогда. Сначала появились цыгане. Или нет — сначала мы подрались с местными ребятами. Да, точно — вначале случилась драка, цыгане появились потом.

Я в тот вечер собирался после работы на танцы в местный клуб. Это было через неделю после нашего приезда. Наши девушки и часть ребят ушли туда, а я замешкался — сушил свои длинные волосы после бани — не хотелось трясти мокрыми сосульками. Я тер их двумя вафельными полотенцами, злясь, что дело идёт уж слишком медленно, а где-то там, на площадке под липами, Оля танцует с кем-то другим. Я не прошёл ещё половину пути к клубу, как меня буквально сгребли наши парни. Они бежали навстречу, возбуждённо и вразнобой крича, размахивая руками, а Наиль — самый общительный и весёлый парень нашей группы — прижимал ладонь к левому глазу и морщил лицо.

— С местными сцепились! — крикнул кто-то. — Где наши?

— Да... там, — сказал я, в растерянности показывая назад, на общежитие. — А остальные где? Девчонки где?

— Остались там, у клуба...

Я уже никого не слышал. Побежал вперёд, рискуя в темноте споткнуться и пораниться и желая только одного — драться со всей деревней сразу.

У клуба уже никого не было — ни наших, ни местных. Я метался от фонаря к деревянной колоннаде клуба и обратно, рыча в бессильной ярости. Не думаю, что я много бы навоевал здесь — скорее всего, в итоге отправился бы назад, как Наиль.

Я рванул к общежитию. Вовремя. У дверей нашего дома вся группа стояла, готовая к бою.

— Девочки где? — спросил я, не видя их среди ребят.

— В комнате сидят, не беспокойся, — услышал я насмешливый голос Витьки Черткова. — Местных сейчас пойдём учить, — сказал он и присвистнул.

Я заметил палки и ремни в руках парней. Кто-то сунул мне в руки большой самозащёлкивающийся замок:

— Вместо кастета. В руку возьми. Да смотри не потеряй, иначе дверь запереть нечем будет.

Мы пошли куда-то вдоль порядка в самый конец улицы, затем свернули в переулок. Я пытался приладить замок в руку, но это никак не удавалось. Он был неудобный, большой, я боялся поломать себе пальцы, в случае если придётся его применить. И, откровенно говоря, не хотелось бить этой железкой другого человека, пусть и обидчика, даже почти врага. Мой запал прошёл — Ольга осталась там, позади, в сваре у клуба я участия не принимал, а потому ни злости, ни ярости сейчас не испытывал.

Драки не получилось. Мы нашли неприятеля и даже завязали потасовку, но из соседнего дома выскочил ещё

один местный житель, крикнул во всё полупьяное горло угрозу вынести обреза. Наши ряды смешались, и мы позорно бежали с поля боя. Я крепко сжимал замок, опасаясь его потерять, и почему-то во время этого бегства постоянно вспоминал ту дверь, которую надо во что бы то ни стало запереть моим замком-кастетом.

Справедливость восторжествовала на следующий день. Мы пошли в клуб все вместе, плечо к плечу. Местные, видя нашу решимость, повинились и пообещали больше не нарушать спокойствия. Действительно, жизнь потекла спокойно.

Я танцевал с Ольгой каждый вечер, потом провожал её до нашего общежития, робко обхватывая нежную девичью талию и слушая её дыхание, упоённо читал стихи и вообще, готов был на всё.

Цыгане появились в деревне неожиданно. Они подъехали на нескольких больших «Уралах», выгрузили скарб и стали табором на пустыре. Ольга в шутку предложила мне выступить в роли организатора концерта, но я принял эту просьбу как руководство к действию. Я ещё не знал, что эти цыгане натворили что-то серьёзное две ночи назад — их преследовала милиция, и им никак не выгодно было ссориться с кем бы то ни было сегодняшним вечером. Я посчитал, что они просто очень душевные и кроткие люди, которым хочется радовать людей песнями и хорошим настроением — так они отнеслись к моему визиту. Я шёл между палаток, ловил взгляды смуглых лиц со всех сторон, они здоровались, улыбались и что-то кричали на своём непонятном диком языке. На кострах готовилась еда, и ветер разносил пар из котлов по всему становищу.

Ко мне подошёл молодой парень в чёрной и толстой, сделанной словно из старого валенка, шляпе, чёрных

яловых сапогах, но почему-то с рыжими космами волос, торчащими из-под шляпы во все стороны, как у клоуна. Узнав, что я ищу музыканта, показал рукой на чистую белую палатку:

— Вот кто тебе нужен! Василий там живёт. Великий артист, — он прищёлкнул языком, прикрыл глаза и покачал головой, словно в раздумье. — О, он в Москве выступал, — и, видя сомнение в моём взгляде, выкрикнул: — Не веришь? В ресторане пел! — и тон его был таким, будто тот ресторан служил не иначе как сценой Большого Театра.

Мы договорились. Этот Василий действительно оказался хорошим артистом — гитара в его руках была живой — она то страдала, то плакала, то смеялась. Он взял себе в импровизированный ансамбль ещё двоих человек, и они пели перед нами целых два часа. Василий смотрел, не отрываясь, на наших девушек, сидящих в первом ряду тесного деревенского клуба, его красная шёлковая рубашка блестела в бедном свете тусклых лампочек, а глаза горели первобытным звериным огнём.

Мне казалось, что он смотрит только на Ольгу и поёт только для неё, а она сидела, чуть склонив вниз голову, и смотрела на него через опущенные ресницы, не отрываясь. Я уже был не рад этому концерту, но с трудом справлялся с восхищением от необычной игры и чистого яркого голоса главного исполнителя.

Только этот самопальный концерт закончился, мы вышли из клуба, но едва дошли до общежития, тотчас же по желанию Ольги расстались. Я взял гитару, отыскал укромное местечко и здесь, в темноте и одиночестве, поставил первый в жизни гитарный аккорд. «Ну, вы ещё узнаете!» — приговаривал я, с трудом переставляя немеющие пальцы снизу вверх и обратно.

Утром цыган на пустыре уже не было. Их действительно преследовала милиция, и где прозвучал следующий концерт — не знаю, но я сразу вздохнул свободно, и мне показалось, что само цыганское выступление было просто ярко промелькнувшим непонятым сном. Но два дня ещё Ольга, отводя глаза, вспоминала переливы гитарных струн, вспоминала глаза и руки главного исполнителя, а я молча слал проклятия всем гитаристам на свете.

А в самом начале октября нам выслали подкрепление — из близлежащей воинской части подъехали на подмогу несколько автомашин. Водителей мы почти не видели — всеми днями они были в поле, ночевали в кабинках своих грузовиков, и встречались мы лишь в столовой, да и то не каждый день. Мне хорошо запомнился один из них, по имени Сергей. Парень он был не особо видный — молчаливый какой-то, нескладный, движения у него были тягучие, с ленцой. Всё делал, даже голову поворачивал, словно по приказу, нехотя, а по сторонам смотрел с едва заметной усмешкой. В столовой он сидел напротив и изредка бросал взгляды на Ольгу, ничего не говоря.

Вечером мы впятером убежали с танцев, прячась от Жеки в школьном дворе — Нина всё оглядывалась, пока бежали, и смеялась:

— Вот, бегать приходится на старости лет!

А мы — и я, и Петя, и Наиль, и Ольга смеялись вместе с ней и радовались чему-то, а потом неожиданно замолчали, прислушиваясь к окружившей нас тишине.

Ярко светила луна. Её полный жёлтый диск незаметно подкрался к самой макушке небосклона. Она словно давила звёзды, разбежавшиеся в испуге по всему небу. Бесшумно скользили серебряные облака. Еле слышно поскрипывали качели.

— Ого-го-го! — крикнула вдруг Ольга, ухватившись за металлические стойки качелей-«лодочек». — Хочу кататься высоко-высоко, как можно выше! Кто не боится высоты?

— Я не боюсь, — не дав никому сказать ни слова, вскочил я со скамьи.

— Дурачок... — услышал я сзади голос Нины.

Мне было страшно, но я держался изо всех сил, стараясь разогнать качели до максимальной высоты.

— Ещё, ещё! — кричала Ольга, но у меня не хватало бесстрашия сделать ещё один самый главный рывок вверх.

Потом мы медленно шли в общежитие все вместе. Говорили о чём-то нестоящем и незапоминающемся. И вдруг я потерял Ольгу. Я искал её везде и нигде не мог найти. Я бегом возвращался к клубу и обратно, крутился как заведённый волчок, словно шарил руками по сторонам в темноте, и, внезапно догадавшись, бросился к старому току, туда, где стояли автомашины наших помощников-солдат. В кабине *его* машины горел свет.

Они целовались и обнимались с Сергеем, забыв выключить в кабине лампочку, она горела едва-едва, но я видел всё.

Я ушёл в ненавистную общагу, забился в тёмную пустую комнату и долго сидел там, не желая никого видеть. Ругался, обзывая её самыми обидными словами, а потом тихо плакал — было очень жалко себя. Слезы казались горячими. Они обжигали щёки и капали на грудь тяжёлыми каплями, а неизвестно откуда появившаяся Нина сидела рядом и гладила меня по мокрой щеке:

— Мальчишечка, мальчишечка, — шептала она, обволакивая прерывающимся нежным дыханием. — Ну что же ты такой глупенький, мальчишечка...

На следующий день мы уезжали в город — работа наша закончилась. Загрузились под вечер. Автобус долго мял густую, словно тесто, грязь, выбираясь на разбитую асфальтовую дорогу, оставляя позади тусклые огни деревенских домов, доверху наполненные картофелем хранилища и фырчащие армейские грузовики. Тоскливо и протяжно выл ветер. Было пасмурно и холодно. Низкие серые облака затянули небо до самого горизонта, лишь далеко на западе еле-еле краснел закат. Вот он моргнул, подобно тлеющей лучине, и погас, словно затягивая Землю темнотой навсегда. Оглядываться не хотелось.

Неожиданно пошёл снег. Острые снежинки летели навстречу автобусу, но не долетали до стекла — разбегались по сторонам. Я глядел на них, и мне кажется, что я не думал в тот миг ни о чём.

В этот день мне исполнилось семнадцать лет.

Вечерний кросс

Стояла поздняя осень. Производственная практика подходила к концу. Домик, в котором мы жили, находился на самом краю деревни, приткнувшись к опушке Бузулукского бора. Это была обыкновенная рубленая из сосновых брёвен изба, с маленькими окнами и низким потолком, чуть просевшая, будто вросшая в землю, словно гриб-боровик. Мы топили маленькую печь-«голландку» каждый вечер перед сном, помешивая красные угли длинной тонкой кочергой. Огонь гудел в трубе, отчего казалось, что он по-настоящему живой. Было уютно сидеть перед открытой дверцей печки и разговаривать вполголоса. Ночью через тонкое стекло было слышно, как ветер стучал голыми ветвями лип и дубов, напоминая о середине ноября злыми холодными порывами.

Я и ещё двое моих товарищей — учащихся выпускного курса лесного техникума — трудились в лесничестве рабочими. До практики мы были почти незнакомы. Учились в разных группах, из нас троих двое снимали

квартиры в городе, лишь я жил в общежитии, и видаться приходилось едва-едва мельком во время учёбы.

Эти два месяца совместной работы крепко сдружили нас. Первым моим товарищем был Саша Шумилин — худощавый спортивный парень с прямым взглядом и неторопливой речью. Он мечтал о воздушно-десантных войсках и постоянно устраивал себе испытания. Он то бегал по лесным тропинкам, уклоняясь от веток и деревьев, то отрабатывал прыжки с полукрышка нашего домика. Саша взбирался вверх не по лестнице, а по карнизу, каждый раз рискуя сорваться вниз. Ещё мы соорудили с ним турник, и каждый день висели на его стальной трубе, старательно повторяя упражнения. Саша гордился доставшимися ему от отца командирскими часами с компасом и секундомером и иногда даже специально заворачивал рукава рубашки, чтобы лишний раз полюбоваться ими.

Второй практикант — Володька Колов — своим высоким ростом, могучими плечами и большим животом выделялся даже среди рабочих лесничества. И отчеством, и бесхитростным взглядом, и неторопливыми основательными движениями он почему-то напоминал нам завхоза деревенской школы. Ещё казалось, что он выглядит гораздо старше своих девятнадцати лет. Может быть, поэтому мы с Сашей звали его по имени-отчеству: Владимиром Кузьмичом. Мы подшучивали над ним, цепляя, словно пчёлы медведя, то набивая шишками его большие кожаные ботинки, то тайком перед подъёмом завязывая узлом его свитер или майку. Он обижался на наши выходки, сводил свои густые брови, смешно выпячивал толстую нижнюю губу и отворачивался, бормоча под нос беззлобные проклятья. Но, по обыкновению больших людей, Володька был добрым, долго сердиться не умел и всякий раз прощал нас. Он иногда поддержи-

вал наши спортивные занятия — время от времени вставал с нами на зарядку, держал самодельную боксёрскую грушу, в которую мы отчаянно лупили руками и ногами, но чаще выступал в роли добровольного массажиста.

Работать приходилось довольно много — лесничий использовал нас «на полную катушку». Мы занимались отводами делянок, ухаживали за лесными культурами, тщательно освобождая их от кустарника, занимались посадкой сеянцев и, как водится, настойчиво старались указать лесничему его промахи в работе.

В скудной деревенской библиотеке мне удалось отыскать «Смока Белью» Джека Лондона. Книжка была изрядно потрёпанная, с затёртыми страницами и едва державшим страницы переплётом. Мы читали её по очереди, и теперь, восхищаясь главным героем, сумевшим перетащить на плечах почти тонну груза через горный перевал, бросали жребий каждое утро за право нести в делянку бензопилу. Старый рабочий Николай Васильевич, которого нам назначили в бригадиры, едва заметно улыбался, наблюдая за нашими нелепыми спорами, или в недоумении качал головой, удивляясь нашим откровенно глупым и бесполовым препинаниям с лесничим.

— Он здесь руководитель, — упорно повторял нам Николай Васильевич. Голос у бригадира был хриплый, с покашливанием — он курил махорку. — Лесничий здесь Царь и Бог, — продолжал он. — Яйца курицу не учат. Поработайте с его, тогда и суд устраивайте. И отчёт *ему* подписывать понесёте, помните об этом.

Его призывы были тщетны — нам хотелось во что бы то ни стало доказать свою правоту.

Прошла последняя неделя. Хотелось уехать в пятницу утром, чтобы иметь в запасе лишний выходной день. Отчёты по прохождению практики были готовы — не до-

ставало лишь подписи и печати лесничего. Рано утром мы сдали постельное бельё, упаковали сумки, надели парадную одежду и, прихватив отчеты, направились в лесничество, надеясь успеть на утренний автобус.

— Так, ребята, — не дав нам опомниться, хитро улыбнулся лесничий, едва мы переступили порог конторы, — отчёты получите вечером, в конце рабочего дня, в семнадцать ноль-ноль... Если успеете, — добавил он, прищуривая глаз и выпуская вверх под потолок сигаретный дым. — А сейчас срочно помочь нужно — бригаду усилить, — и он указал на стоящих во дворе рабочих. — Позавтракали?

— Да, но мы обед с собой не взяли! — попытался было разбудить в начальнике понимание Володька.

— Переодеться бы надо, — Саша с жалостью посмотрел на свои новые брюки и ботинки.

— Некогда, ребята, — отрезал лесничий, гася в пепельнице окурков. — Некогда. Вон трактор стоит, вас дожидается. Полчаса назад должны были тронуться. Давайте быстрее в тележку прыгайте, и вперёд!

Делать было нечего. Мы с сожалением посмотрели на лежащие на столе отчёты и нехотя, едва переставляя ноги, потянулись к трактору.

— А если мы не успеем? — обернулся я. — Автобус-то последний пятнадцать минут шестого вечера отправляется, а по субботам и воскресеньям его совсем нет!

— Ничего, — подмигнул лесничий, — вы — парни шустрые, успеете.

Мы полезли в тележку, стараясь устроиться так, чтобы не пачкать о мазутные борта одежду. Рабочие запрыгнули вслед за нами, взревел мотор трактора, и спустя несколько минут тележка уже катилась по разбитой лесовозами и размытой дождями лесной дороге.

— Куда хоть едем? — спросил я Николая Васильевича. Тот сидел рядом, прижимая к колену бензопилу и канистру с бензином.

— На рубку ухода через речку, — и он назвал номер квартала.

— Так там же двадцатилетние сосны, это же почти лесоповал! — Володя даже вскочил на ноги. — И квартал этот в самом углу лесничества находится. До него же километров двенадцать!

Мы за время практики были в тех краях раз или два. Сосны там действительно вымахали высокие.

— Не двенадцать — десять, — спокойно произнёс Николай Васильевич. — А ворочать сегодня действительно придётся много.

— Потому-то вас и попросили, — молодой рабочий по имени Серафим щелчком бросил за борт окурков до основания выкуренной сигареты, а затем с недоверием и едва заметной усмешкой оглядел нашу одежду. — Сегодня нам эти сосны таскать придётся. Посадка сохнет — болёзнь какая-то. Лечить будем.

Сашка присвистнул, мотнул головой и замолчал. Весь путь до реки мы не разговаривали. Дорога была узкая, казалось, трактор едва умещается между двух рядов деревьев. Сосны тянули к нам свои длинные колючие ветви, будто лапы. С иголок летели мелкие капли, они словно дождём осыпали дно телеги, сыпались на плечи и за шиворот. Воздух был густой и свежий.

Перед речкой остановились. Тракторист выпрыгнул из кабины, проверил палкой дно и рыхлый песчаный берег, затем, крихтя, вскарабкался обратно, и на пониженной скорости форсировал водную преграду. На выезде трактор на мгновение забуксовал, большое заднее колесо резко провернулось, и из-под него стрельнуло жид-

кой грязью. Саша скривил лицо, размазывая по щекам потёки и пытаясь сбросить прилипшие ошмётки с брюк и куртки, голубой же цвет моего свитера моментально сменился на серый. Больше всех пострадал Володя. Он потерял равновесие и растянулся спиной на грязном дне телеги во весь свой немалый рост, извозив куртку. Пытаясь встать, поскользнулся и упал ещё раз, проехав на этот раз на животе. Он сумел-таки зацепиться за шаткий борт, и здесь уже мы с Сашей помогли ему перебраться в угол. Рабочие смеялись, качали головами и советовали в следующий раз крепить друг друга цепями к бортам. Мы молчали — отвечать не хотелось.

Едва приехали в нужный нам лесной выдел и выгрузились, трактор уехал развозить какие-то дрова.

— Буду вечером, — весело сказал тракторист, — ждите!

Мы остались стоять на маленькой полянке посреди леса. Широкой полосой уходила в глубь чащи сосновая посадка. Деревья достигали высоты метров двенадцати, каждое второе из них блестело сухим голым стволом и цеплялось за воздух сухими ветвями.

— Корневая губка, — махнул рукой Николай Васильевич, называя характерную для сосны инфекционную болезнь, — пропала посадка.

— Что, не спасти? — не хотелось верить, что этот лес смертельно болен.

— Не спасти, — подтвердил бригадир и уточнил: — Болезнь по корням передаётся. Но наше дело маленькое. Приказано пилить — будем пилить. Весь сухостой надо убрать.

Через десять минут работа уже кипела вовсю. Трудились в две бригады — мы с Николаем Васильевичем в одной, а Серафим с остальными — в другой. Один работал пилой, двое стаскивали спиленные деревья на

поляну. Здесь сучья обрубались, а голые стволы раскряжёвывались на чурбаки. Сучья нужно было сжечь — скоро над лесом поднялось несколько столбов дыма.

— Давай, давай! — кричал Володька, размахивая топором, — он добровольно взвалил на себя обязанности сучкоруба и костровика.

Николай Васильевич пилил дерево под самый корень, совсем не оставляя пенька, мы с Сашей подхватывали падающий ствол за нижние ветви и бегом тащили его прочь. Пока продолжалось падение, казалось, он не весит почти ничего.

— Физика работает, — кричали мы друг другу.

И Саша, и я давно перестали обращать внимание на липкие от сосновой смолы руки, на грязные рукава курток и выпачканные грязью, потерявшие всякий форс брюки.

Чем дальше забирались в посадку, тем всё труднее становилось вытаскивать на поляну спиленные сосны. Большую часть пути теперь приходилось тянуть их волоком, напрягаясь изо всех сил.

— В Бузулукском бору, в таком-то квартале работает секция по тяжёлой атлетике, — хрипел, надрываясь, Саша.

— Только бегать приходится со штангой в руках, — вторил я ему. — Так что, скорее всего, это чукотские бега.

— Это похлеще, чем у Джека Лондона, — тянул двумя руками за ветку Александр, и жила на его шее надувалась, словно резиновая трубка.

В полдень рабочие устроили короткую передышку. Они достали бутерброды, чай и перекусывали, жалостливо поглядывая на нас. Мы сидели в стороне, переводя дух и с сожалением осматривая свою пострадавшую одежду. Мой свитер промок от пота и грязи, на рукавах

появились затяжки. Да и брюки были не в лучшем состоянии. У других ребят дело обстояло примерно так же.

— Да, — протянул один из рабочих, — плохо без обеда-то.

— Да и это ведь не обед, — Серафим дожевывал последний бутерброд и допил чай. — Так, чтобы с голоду не околеть.

Сашка усмехнулся, а я с тоской вспомнил оставленный на столе в нашей сторожке недоеденный утром кусок хлеба.

После обеденного перерыва работа вновь возобновилась. Мы посматривали на часы. Время подходило к четвёртому пополудни. Трактора всё не было.

— Придётся добираться самим, — вытирая пот грязным рукавом и с трудом ворочая языком, пробормотал Саша.

— Да, пожалуй, придётся самим, — я кивнул. — Бежать придётся, иначе не успеем.

Мы подошли к Николаю Васильевичу, он заглушил пилу и молча выслушал нас, покачивая головой и пожимая плечами.

— Да не знаю, как тут успеть! — он закурил и с наслаждением затянулся. — А если вот так возьмёте, — он указал рукой направление, — тут меньше будет. Километров восемь. Река только на пути, но уж как-нибудь. Сапожки-то у вас нарощенные, — он указал на мои короткие резиновые сапоги.

— Ничего, сойдут.

— Ну что ж, удачи, — Николай Васильевич пожал плечами и махнул рукой. — Не заблудитесь, сумрачно уж больно, а часа через полтора темно будет совсем.

Мы подошли к Володе, но он сразу же замотал головой, даже не дослушав до конца.

— Нет, ребята, я, как говорится, пас. Не добегу, только вас задержу, вы уж сами. Давайте, поспешите, времени у вас и так в обрез, час всего и остаётся.

Мы пожали друг другу руки, и я поймал себя на мысли, что жму Володькину руку с благодарностью.

Саша сориентировал компас и взял азимут.

— Точно на запад! — мы одновременно обернулись назад, я махнул Володке рукой. — Ну, давай, Вова, пока!

Володя стоял у костра весь пропахший дымом, с грязными разводами на щеках, и грустно глядел нам в след.

Мы медленно побежали бок о бок, обходя молоденькие сосенки, продираясь через голый кустарник с хлёсткими гибкими ветками и пересекая покрытые зелёным пушистым мхом поляны. Минута проходила за минутой, исчез далеко за спиной треск работающей пилы, а мы бежали и бежали, стараясь сохранить взятый темп. Ноги вязли в рыхлой песчаной почве, толчок был вялый, едва заметный, и сам бег напоминал неуклюжую, семенящую ходьбу. Пот капал со лба и носа, брюки цеплялись за мокрые колени, стесняя движение. Молодняк сменялся корабельным лесом, сосна уступала место стоящему, словно частокол, березняку, и вдруг опять мы попадали на старую вырубку, усаженную сеянцами. Складывалось впечатление, что мы бежим круг за кругом дистанцию, у которой нет финиша. Лес молчал, и его немая тишина казалась тяжёлой и пустой. Я давно уже хватал воздух широко раскрытым ртом, словно откусывая его огромными кусками и с усилием запихивая глубоко в горло. Грудная клетка ходила ходуном, плечи занемели, будто от тяжести, но я старался переставлять ноги в такт Шумилину.

Иногда мы останавливались, качаясь, Саша сверял направление, затем смотрел на меня ввалившимся гла-

зами, вымученно улыбался, и мы опять устремлялись вперёд.

Речка появилась неожиданно. Она была неширокая, с едва заметным течением, но, судя по всему, довольно глубокая. Мы заматались по её крутому берегу, ища удобное для прыжка место.

— Время жмёт! — крикнул Саша. — Давай прямо здесь!

Он разбежался и прыгнул, оттолкнувшись от самой кромки берега. Песок обвалился от толчка, это ослабило прыжок, и Саша одной ногой угодил в воду, приземлившись на четвереньки и цепляясь за сухие листья мать-и-мачехи. Я не стал долго раздумывать и сиганул за ним. Холодная вода обожгла ноги — я зачерпнул голенищами и, что хуже, стал падать набок. В самый последний момент я успел схватиться за протянутую мне ладонь и, выдернув из жидкой, пахнувшей застоялой тиной грязи ногу, выполз вслед за своим другом.

— А-а, высохнет, бежим! — Саша махнул рукой, и мы опять потрусили вперёд.

Быстро темнело, стрелка на компасе становилась едва заметной. В сапоге у меня теперь булькало, носок сбился в какой-то ком и натирал ногу, но я старался терпеть — мне казалось, что ещё одна остановка заберёт остаток сил. Состояние возбуждения не проходило, и мы всё бежали и бежали вперёд — очень хотелось увидеть огоньки лесничества и покинуть надоевшую деревню.

Мы ввалились в контору минут за пять до окончания рабочего дня, истекающие потом, оставляя потёки от грязной своей обуви на чистом дощатом полу.

— О-о-о! Я же говорю, шустрые вы парни, — лесничий, широко раскинув руки, вышел нам навстречу. — Вот они, ваши отчёты, — он протянул нам подписанные

папки. — Хвалю вас за доблестный труд и желаю на будущее «держать нос по ветру».

Я пытался что-то съязвить, но мне удалось только, подобно рыбе, вытащенной на берег, открыть несколько раз рот и мигнуть глазами. Дверь конторы захлопнулась за спиной. Воздух вернул нас к жизни.

— Скорее за вещами, — Саша устремился к нашему домику, — а затем в столовую, может быть, успеем!

Мы быстро добежали до своего дома, открыли дверь, схватили вещи, а затем рванули, что оставалось сил, в столовую. На наше счастье, она была ещё открыта, и две порции рисовой каши с котлетой ожидали нас. Из окна была видна улица, по которой должен был проехать автобус. Я выпил один за другим шесть стаканов чая, затем начал глотать рис. Я ел, почти не жуя. Мне казалось, что я могу по ошибке откусить и проглотить часть тарелки. Саша, как и я, держал ложку, зажав её всей пятернёй, а рис ел с прихрюкиванием и причмокиванием. Выглядело это со стороны смешно, работники столовой улыбались, но нам было всё равно.

— Автобус! — Саша указал на четыре яркие фары, мелькнувшие в конце улицы.

Мы схватили сумки, бросили «спасибо» и, что есть силы, побежали к остановке. Салон был забит до отказа, дверь открылась не сразу, но водитель терпеливо ждал, пока мы втиснемся внутрь. Нас отчаянно ругали со всех сторон, проклинали наши сумки и грязную одежду, мы же проталкивались всё дальше, не обращая ни на кого внимания. Автобус медленно поехал вперёд.

До города было километров шестьдесят, за время пути мы остановились лишь один раз, и когда через час он подошёл к нужной остановке, я так разомлел, что едва сумел выбраться наружу.

— Пока, — услышал я слабый голос своего друга, словно сквозь какую-то пелену.

— Будь здоров!

Мы пожали друг другу руки и разошлись — он поплёлся к себе на квартиру, а я в общежитие — мне было недалеко.

Тяжёлое пятиэтажное здание из силикатного кирпича впервые показалось угрюмым, стоящим, как одинокая скала, торчащая из ледяной воды северного моря. Из форточек свешивались сетки с продуктами, возле них молча кружили птицы.

Я прошёл через вахту и с трудом поднялся на пятый этаж в свою пустую комнату. Мне казалось, что я не дойду и засну прямо на ходу. Ноги были ватными, и когда я переступал порог, они едва держали. Рука разжалась, сумка выскользнула и шлёпнулась на пол. С трудом согнувшись, я скинул сапоги, снял мокрые шерстяные носки и бросил их вслед за сапогами. Брюки пришлось стягивать «чулком» — они прилипли к ногам и никак не хотели сползать вниз. Наконец и они оказались лежащими в общей куче. Я плюхнулся на кровать и кое-как стянул свитер.

— Надо бы добраться до батареи, высохнет быстрее, — сказал я сам себе вслух, кидая свитер на стул и удивляясь своему силовому голосу, затем лёг, с трудом двигая подушку локтем и выдёргивая из-под себя одеяло. Ещё некоторое время мне мерещились убегающие назад маленькие деревца, падающие сухие сосны, смеющиеся глаза Джека Лондона и тёплая рука моего друга, вытягивающая меня из болота.

— Пожалуй, этот вечерний кросс мы всё-таки выиграли, — прошептал я едва слышно, закрыл глаза и провалился в сон.

На живца

паргалками я пользовался очень редко. При попытке достать мелко исписанные листки, у меня сразу начинали краснеть уши. Мне всегда казалось, что они вспыхивают ярко, как сигнальные лампочки, и преподавателю остаётся лишь злорадно усмехнуться в этот момент и вывести меня из аудитории на вполне законных основаниях. Поэтому на экзаменах приходилось выкручиваться, полагаясь только на свою подготовку и на счастливый случай.

Та зимняя сессия застигла меня врасплох. Декабрь казался месяцем бесконечным, и я никак не мог собраться для основательной подготовки к экзамену, надеясь больше на новогоднее чудо, а не на собственные знания. Я старательно зубрил термины и понятия, но они упорно не хотели задерживаться в голове. Ещё, как назло, накопилось множество дел, постоянно отодвигавших подготовку на дальний план.

Предмет был трудный, а преподаватель знающий. Сдать экзамен с первого раза удавалось далеко не каж-

дому студенту. Не раз приходилось «плавать» на семинарских занятиях, и не скажу, что у меня это получалось легко. А уж при слове «экзамен по почвоведению» во рту появлялся привкус сухой серой земли, и неизбежно начинался приступ «медвежьей» болезни.

От сдачи первого экзамена зависел успех всей сессии. Геннадий Павлович считался человеком неподкупным и принципиальным. Я старательно нащупывал подход к нему. Удача улыбнулась неожиданно. Один из моих друзей-студентов, казалось, овладел ключиком к душе нашего строгого преподавателя.

— Есть один надёжный вариант, — заговорщически улыбнувшись, поведал он, завалившись в мою комнату накануне экзамена. — Геннадий Павлович страстный рыбак, и если свести ответ к разговору о рыбалке, можно «проскочить», так сказать, «на живца» его подцепить. Только заходить нужно в числе первых, пока у него мозги «свежие», а рыбалку вкрутить в разговор как-то незаметно, ненавязчиво.

Я отложил учебник почвоведения и начал листать предложенную другом книгу о рыболовной науке. А что, действительно! Может быть, пройдёт такой фокус? Тем более, есть о чём рассказать! Наши места рыбой славилась всегда. Сура — река известная, рыбная, берега и окрестности живописные. Одна Никольская гора чего стоит! Даром что ли она на обложках всех областных журналов красуется? Такое расскажу — мало не покажется! Да и почвы — эка невидаль. Что я, лопатой не работал? Огородов перекопал — будь здоров! На практике не один шурф выкопал, а уж в армии пришлось землицы побросать — самому основателю сей науки, Докучаеву Василию Васильевичу, в страшном сне не приснится! Нет, к экзамену я готов, это факт!

Декабрь к концу подошёл незаметно. Чуда не произошло, сессию не отменили. Второго января в девять утра начался экзамен. В первую пятёрку попасть было не сложно — «на амбразуру» никто ложиться не торопился, и мне с удовольствием уступили почётное место забойщика. Я долго топтался перед дверью, изо всех сил сбивая волнение глубоким дыханием. «Мормышка, блесна, мормышка, блесна», — вертелось почему-то без остановки в мозгах. «Тьфу ты, вот привязалось ещё!» — с досадой потряхнув головой и набрав воздуха в лёгкие, я, в числе первых пяти человек, переступил порог аудитории.

С билетом повезло. Вопросы попались лёгкие, о почвах нашей Ульяновской области. Я быстро составил схему ответа, шёпотом проговорил ключевые моменты и уже было поднял руку, чтобы идти отвечать, но тут вспомнил о рыбалке. Когда её включить? В начале ответа или в конце?

Геннадий Павлович записывал что-то в экзаменационную ведомость:

— О, уже готов? — пробасил он, с удовольствием посмотрев поверх очков на мою взметнувшуюся руку. — Молодец, давай, выходи.

Едва я сел на предложенный стул, из головы тотчас вылетели все понятия о почвоведении, и я, что называется, ни к селу ни к городу ляпнул о знаменитой рыбе Присурья — стерлядке.

— Все предания, — начал я, — говорят о том, что стерлядь водилась в наших краях испокон веку. Любой местный житель с гордостью рассказывает приезжим об этой рыбе, которая в давние времена «прямиком шла на царский стол». Да, — повторил я, — «прямиком на царский стол». Так утверждают летописи.

«Куда меня завернуло? Какие ещё летописи? О чём это я?» — кровь отхлынула от лица, но меня уже «несло».

— А какие в округе озёра! — я прищёлкнул языком для убедительности. — Одни Пичерки чего стоят...

Геннадий Павлович оживился, заёрзал на стуле, глаза его загорелись, как у мальчишки.

— Рыбак! Ох, как удачно! — он смотрел на меня с недоумением и восторгом. Отложив в сторону ведомость, он начал буквально заваливать меня вопросами: — Способ заброса какой используешь? Через голову, или только стреляющий?

— Да прямо так, с берега.

— Ясно, что не с дерева. А насадку какую используешь? Прикормку? Кашу, картофель?

— Кашу люблю, особенно молочную, с маслом. Только на рыбалку кашу не возмёшь. Всё, в основном, так, куски какие-нибудь, — я хлопнул себя по лбу. — Вот! Хлеб люблю жарить на углях. А так уху... — я замялся, — на костре... с хреном... когда есть...

— Чего?

— ...щука, сазан, карась... — язык начал сам собой заплетаться, — ...морышка, блесна... Да! — я словно спохватился, — морышка!.. Блесна...

Видимо, я глупо захопал глазами, так как взгляд преподавателя разом потух, и он протянул бесцветным разочарованным голосом:

— Так ты не рыбак?

— Да так... — неопределённо пожав плечами и стараясь не встречаться взглядом с Геннадием Павловичем, промямлил я. — Бывает в охотку... — я ещё надеялся, что мои скромные опыты с рыбалкой окажут мне-таки сейчас службу. — Утки там, утром... в кустах крикают, — я запнулся и замолчал.

— У-утки?.. В охо-отку?.. — растягивая слова и будто от зубной боли кривя лицо, пробормотал учитель. —

Утки — да, это хорошо. Вопрос-то у тебя как в билете обозначен?

Я посмотрел на свои записи и на вопросы билета.

— Почвы Ульяновской области.

Геннадий Павлович усмехнулся:

— Так рыбалка тут причём? Ты что мне голову морочишь?

Я пожал плечами и покраснел. Покраснел так, что мне показалось, что вот-вот отвалятся уши. Я попытался что-то сказать, но получилось только нечленораздельно промычать — действительно, я и сам не знал, зачем зашёл весь этот разговор о рыбалке.

Геннадий Павлович вздохнул и, как мне показалось, с надеждой спросил:

— Ну, а почвы там какие, на Пичерках, помнишь хоть?

— Пе... есчаные, — я неуверенно закивал головой, — перегной там, и со-осны растут вот такие, — я развёл в стороны руки, словно охватывая ими ствол дерева.

— Н-да-а, — вялым голосом протянул Геннадий Павлович.

— Там сидеть можно на бережку... На бер-ежке. Без боязни. Сухо там. Песок-чек, в общем.

— Песчаные? — он наморщил лоб. — Нет, брат, не песчаные, а серые...

— ...лесные! — поспешив его опередить, выкрикнул я. — Серые лесные почвы, вот!

— Так! — мне показалось, что он вздохнул с надеждой. — Ну, а какова концентрация веществ в почвенном растворе? — Геннадий Павлович сдвинул брови и внимательно посмотрел мне в глаза. — Реакция какая — кислая или щелочная?

Я попытался придать своему лицу осмысленное выражение. Тщетно. Под взглядом почвовода глаза разбе-

жались в разные стороны сами собой. «Реакция, реакция, какая же реакция? Что же будет?» — я почему-то представил почву на берегу реки в дождливую, слякотную погоду. Она показалась мне огромной бочкой с квашеной капустой.

— Кислая? — вопросом на вопрос ответил я.

— Правильно, — с облегчением выдохнул Геннадий Павлович, — кислая, — он потёр лоб раскрытой ладонью. — Чтобы нейтрализовать реакцию, что нужно сделать?

— Ну... — начал было я, но у меня в мозгах как будто заклинило. Мысль словно зацепилась за что-то, не желая вырываться наружу. «Мормышка, блесна, мормышка, блесна» — мелькнуло в голове.

— Какое лечение при изжоге применяют? — попытался выровнять положение преподаватель. — Щелочной баланс нарушен, что нужно пить? Что ты пьёшь при изжоге?

— Я вообще-то сам молоко пью, — бросил я и, видя, как меняется лицо Геннадия Павловича, поспешно добавил: — У меня не бывает изжоги. Как-то не приходилось испытывать, — я извиняюще склонил голову и страдальчески вздохнул, прощаясь с «тройкой». — Но молоко помогает. Для профилактики. Витамины, белки... Хороший... напиток...

Геннадий Павлович неопределенно крякнул и с сожалением посмотрел куда-то мимо меня:

— Н-да, — он побарабанил пальцами по столу. — Молоко. — И вдруг отрывисто и внятно, как старшина перед строем «отбарабанил»:

— Соду пьют. Нейтрализуют избыток образовавшейся кислоты приёмом щёлочи, то есть соды. Понял?

— Ещё бы не понять! — ответил я так же чётко, вы-

тягиваясь на стуле, словно по команде «смирно», — всё просто.

— Просто? — Геннадий Павлович взял мою зачётку, повертел её в руках, полистал и положил перед собой на стол. — Нет, брат, это не просто, — он поставил малюсенькую «тройку» и размашисто расписался. С досадой выдохнул:

— А жалко, что ты не рыбак!

— Теперь мне и самому жалко, — ответил я, прижимая к себе зачётку с такой необходимой мне сейчас положительной отметкой.

Я вышел и, не глядя ни на кого, устремился по коридору прочь от аудитории. По пути я ещё раз достал из кармана листок с планом ответа и без единой запинки ответил сам себе на вопросы билета. Затем остановился в фойе перед большим зеркалом. Уши всё ещё горели огнём. «Да, — сказал я вслух, — вот балбес, вот глупый-то, и куда меня понесло? Причём тут рыбалка?» Я украдкой оглядел фойе. Мне показалось, что студенты с усмешками косятся на меня и показывают пальцами. Я надел куртку, натянул до самых глаз шапку, торопливо вышел на улицу и, стараясь не смотреть по сторонам, пошагал в общежитие.

Метель кружилась в озорном танце. Казалось, струи ветра плетут вокруг меня упругие косы. Ветер хватал целые пригоршни жёсткого колючего снега и, смеясь, швырял мне в лицо. «И ты туда же», — буркнул я себе под нос, плотнее застегнул воротник куртки и ускорил шаг.

Поднялся в свою комнату, разделся и отыскал расписание сессии. До следующего экзамена оставалось четыре дня. Я достал учебник, открыл его на первой странице, сел за стол и начал читать вслух.

Погоня

Мне тогда едва исполнилось восемнадцать лет. Я учился в Оренбургской области, в Бузулукском лесном техникуме на четвёртом курсе лесохозяйственного отделения. До госэкзаменов оставалось совсем немного времени: нужно было пройти производственную практику, затем два месяца отучиться, сдать экзамены и получить диплом.

Практиканты нашего техникума обычно трудились разнорабочими в ближайшем лесничестве. Занимались посадкой деревьев, вели учёт лесных культур, работали на валке леса сучкорубами. Неожиданно появилась возможность отработать часть практики вдали от города. Более того, предлагалось целых два месяца по-настоящему поработать в самой настоящей тайге, поднабраться опыта работы и даже получать полноценную зарплату. Желавших пожертвовать неделей каникул и тащиться за тридевять земель было немного. После недолгого отбора, вернее, просто по мере набора группы, я был включён в список отбывающих на дальнюю практику.

Радости и восторгу не было границ! Я жаждал приключений и буквально упивался свободой. Одно то, что придётся двое, а то и трое суток добираться до места назначения, поднимало настроение и заставляло прямо-таки бурлить и клокотать кровь. Один, без родителей, я ещё так далеко не ездил ни разу в жизни.

И вот, прервав последние каникулы, мы — двадцать пять учащихся выпускного курса — выехали в Пермскую область. Был конец августа. Лето простояло жаркое, и этот последний месяц радовал теплом и хорошей погодой. Даже тополя весело шелестели густой зелёной листвой, совсем не тронутой приближающейся осенью.

Нашим руководителем в пути был преподаватель древесиноведения Пётр Иванович Мельников, которого в среде учащихся звали уменьшительно-ласкательным прозвищем «Подеревяшкин». Он был умелым рассказчиком и, наверное, неплохим педагогом. Мне пришлось коротать ночь в одном купе с ним, и я с удовольствием слушал его воспоминания о службе в армии и рассказы об истории и географии Удмуртии и Пермской области. Пётр Иванович расспрашивал меня о прочитанных книгах и моих любимых книжных героях, давал советы по предстоящей работе. Мы пили вприкуску чай, и я всё удивлялся его энергии и доброй улыбке.

Пассажирский поезд с мерным стуком нёс нас через степи Оренбуржья и Южной Башкирии, через лесостепные, с лугами и пашнями, районы Татарстана, сквозь тёмные еловые леса Удмуртии, высадив, наконец, в Перми. Здесь Пётр Иванович согласно предписанию разделил нас на небольшие группы, снабдив каждую официальной бумагой, и распустил по далёким лесничествам области, предлагая дальше добираться самостоятельно.

Я и ещё трое моих товарищей в результате этого распределения попали в самую дальнюю часть Пермской области, на границу с республикой Коми. Добирались долго. Сначала поездом в Соликамск, затем на быстходной «Зарнице» вверх по Каме и Вишере до какой-то небольшой пристани и, наконец, на попутном тракторе до Чердыни — старинного предуральского городка.

Лесхоз отыскиали быстро — издали была видна огромная груда кругляка и противопожарная башня, торчащая, словно красная свечка, у самой кромки леса. Здесь, в конце рабочего дня, мы попали в руки директора — крупного дядьки средних лет с широкими, могучими плечами и густым, сочным голосом. Когда он говорил, его торчащие стриженной щетиной брови ходили вверх-вниз, а тяжёлый подбородок, будто вырубленный из дубового полена, двигался, словно сам по себе. Директор прочитал бумагу, назвав её не то в шутку, не то в серьёз «мандатом», жалостливо посмотрел на нас, кинул взгляд на карту лесных угодий и, сняв резким движением телефонную трубку, набрал номер.

— Ваше счастье, — подмигнул он нам, сидящим в ожидании напротив, — Петрович на месте! — и начал громко объяснять какому-то Петровичу о необходимости встретить нас, обеспечить жильём и принять на работу на два месяца. Тот, видимо, воспринял новость без особой радости, потому что директору пришлось и поругаться, и бросить несколько шуток по поводу пенсионного возраста оппонента и «молодой, зелёной поросли, которую он направляет сегодня в опытные надёжные руки».

— Ну вот и всё, — сказал он, кладя на место трубку, — будете работать в Пильве, у Василия Петровича, старейшего нашего лесничего. Места у нас красивые, живописные, но, как бы сказать... — он слегка замялся, подыски-

вая нужное слово, — беспокойные, что ли. Но с жизнью вам рано или поздно придётся столкнуться, так что — ни пуха, как говорится, ни пера!

И вручив направление на работу, он предложил нам поспешить на местную станцию-склад, откуда через полчаса должен был отходить железнодорожный состав.

— Дорога — узкоколейка, но машинист опытный, не волнуйтесь. И вообще, старайтесь не удивляться особо ничему, но держите ухо востро, — директор пожевал губами, словно собираясь ещё что-то добавить, но, видимо, передумал. Вместо этого он крепко пожал каждому из нас руку, проводил до дверей и показал, в какую сторону идти.

Мы легко нашли указанное место — приземистые здания из толстых потемневших брёвен издали бросались в глаза. Два человека, одетые в серые спецовки и обутые в тяжёлые тупоносые кирзовые ботинки, вяло грузили картонные ящики в небольшие дощатые вагоны-теплушки. Рядом, привалившись спиной к стенке сарая, сидел солдат. Он курил и внимательно посматривал на грузчиков. Его карабин стоял подле, прислоненный к деревянной стене. До меня дошёл смысл слов директора лесхоза о беспокойности мест, в которых нам проходить практику. Эти грузчики — зеки, а солдат — их конвоир! Да, дела.

Мы с разрешения солдата помогли с погрузкой, затем влезли в последний полупустой вагон, уселись прямо на пол вместе с зеками и поехали в какую-то далёкую и загадочную Пильву.

Состав потихоньку набирал ход. Оказалось, что называется он «мотовоз», груженный идёт чуть быстрее пешехода — со скоростью семь-восемь километров в час, пустой — развивает скорость до пятнадцати-семнадцати

километров. Везёт его трактор-дизель со снятыми гусеницами и приспособленными под рельсы колёсами, а на восьмидесятикилометровом участке пути два разъезда и, возможно, где-то придётся постоять, пропуская встречный состав.

Скоро исчезли за поворотом и бревенчатые строения склада, и красная вышка, и старинные здания Чердыни. Близко-близко подступил к невысокой насыпи густой тёмный лес. Казалось, он заглатывает вагоны один за другим, и от этого становилось даже жутковато. Вагончик трясло, несколько раз он соскакивал с рельсов, и тогда «паровоз» останавливался. Мы вместе с «зеками» выскакивали наружу, ломая приподнимали вагон и на лёгком ходу ставили его обратно на рельсы. Временами, желая размять затекающие ноги, я выпрыгивал наружу и шёл за составом быстрым шагом, перескакивая через шпалы, то отбиваясь от бесконечных шуток своих друзей, то уворачиваясь от лохматых еловых веток, которые, цепляясь за крышу и стены вагона, упруго «отстреливали» назад.

Один раз увидели медведя. Он стоял в малиннике, повернувшись к нам огромным косматым задом, и так был занят своим делом — сбором и поеданием вкусных лесных ягод, что не слышал работы двигателя и стука колёс нашего состава. Его спугнули крики моих друзей — Сашки Иванова, рыжего, как солнце, долговязого болтуна, и усатого, обычно молчаливого Алексея Каймакина. Сашка даже вывалился из вагона с открытым ртом, а крик его так напугал «машиниста», что тот моментально остановил состав и выскочил из кабины, решив, что вагон опять сошёл с рельсов. Узнав, в чём дело, он с досадой сплюнул под ноги, матерно выругался, с кряхтением залез в кабину и, резко рванув рычаг,

начал разгонять мотовоз. Конвоир снисходительно пояснил, что медведь в этих краях — нередкий зверь, и, видимо, от скуки, начал рассказывать разные истории, связанные с этими лесными жителями, в которых, якобы, ему самому пришлось бывать в качестве главного героя. Я же, не без радости предвкушая приключения, про себя подумал, что вот, мол, она, тайга, — уже и медведи попадают за просто. То ли ещё будет!

На место мы приехали уже глубокой ночью, сменив на разъезде мотовоз на дрезину — старую полуторку, поставленную на рельсы. Она бежала быстрее и ровнее, и мы даже засыпали временами, лёжа вповалку в её деревянном кузове.

Несмотря на позднее время, в посёлке нас ждали. Тут же выделили комнату в местной гостинице — довольно приличном тёплом бараке с железными решётками на окнах, чистыми стенами и коридором, снабдили постельным бельём и напоили чаем. Едва оставшись одни, мы легли спать, а утром обнаружили, что из нашего окна виден длинный высокий забор, опутанный колючей проволокой, и две вышки с вооружёнными солдатами в каждой. Соседство было не самым лучшим, но кто в юности обращает внимания на такие мелочи!

С утра началась наша работа в лесничестве. Мы собирали чернику на болотах, ухаживали за молоденькой берёзовой посадкой, ходили с помощником лесничего через дикие места на границу с Коми на лесохозяйственные работы, останавливаясь у староверов и выменивая у них ночлег за тушёнку. Ходили по бревенчатой гати, проложенной через гибкое топкое болото, на сенокос в брошенную людьми деревню, у которой даже не было названия. Один из старых домов занимал лесник — мужичок, отсидевший за убийство пятнадцать лет и сей-

час живущий здесь на поселении. Он смотрел на нас с каким-то прищуром и едва заметной усмешкой, никогда не называл нас по именам, но давал и лошадьё править, и даже прокатиться верхом. Мы, не обращая внимания на его сплошь покрытые татуировкой волосатые руки, по очереди вскарабкивались на острую спину лошадёнки и, держась изо всех сил коленями за ребристые бока, с удовольствием отрабатывали дневную норму. Во время отдыха ходили вокруг старых нежилых домов, срубленных из толстенных — в полтора обхвата — брёвен. Дома были высокие, в двадцать венцов, с глухими стенами и маленькими окнами, находившимися у самой крыши, широкими дворами и воротами, сколоченными из толстых досок, вытесанных из цельных брёвен.

Кормили нас сносно. В посёлке работала своя пекарня, в которой мы ежедневно брали свежий хлеб, и столовая, где обед стоил сущие копейки. Лесничий и особенно его помощник, молодой парень, чудом «залетевший» сюда по распределению, относились к нам бережно, списывая наши промахи в счёт юности и неопытности.

Так бы, наверное, и прошли спокойно все два месяца, если бы не одно обстоятельство, которое случилось само собой.

Началось всё просто. Мы сдружились с несколькими местными парнями. Вечерами играли с ними в волейбол, разгоняя мячом и криками тучи комаров, а в ближайший выходной пошли вместе за морошкой на какую-то затерянную в десятке километров от посёлка поляну. Через реку перебрались по длинному вихляющемуся висячему мосту, прошли мимо окружённой колючей проволокой зоны, а затем по едва заметной лесной тропинке углубились в лес. Одним из местных провожатых был Дмитрий — крепкий накачанный па-

рень, только что отслуживший срочную службу и теперь думающий податься в прапорщики. Он, между прочим, объяснил, что в посёлке живут или семьи офицеров «взвэшников», или поселенцы, то есть бывшие зеки, которым нельзя уезжать за пределы посёлка или просто некуда — они, мол, давно здесь осели, имеют семьи и всё такое прочее. Посёлок тихий, но раз в месяц, в какую-то из пятниц, продают водку, и в этот день нам лучше не выходить из гостиницы — можно, мол, легко нарваться на неприятности. Он также пояснил, что девчонок здесь немного, и самой красивой считается Ирина — дочка начальника местного «гарнизона», но она, что называется, «занята», у неё есть парень, и лучше бы её не заметить. Я тут же вспомнил эту красавицу — ещё вчера она с подружками стояла у нашей волейбольной сетки и молча наблюдала за игрой, покусывая губы и отмахиваясь от комаров букетиком лесных цветов. Подружки её то громко хлопали в ладоши, то визжали, выражая свой восторг, то бросали какие-то едкие реплики в сторону нашей команды. Несколько раз во время матча мы перебросились с ней взглядами, но едва игра закончилась, девушка исчезла, и я не смог продолжить знакомство. Дмитрий, видимо, обратил вчера внимание на возникшую между нами молчаливую симпатию друг к другу, и вот сейчас, как я понял, предупредил меня о возможных последствиях.

Поход за морошкой закончился неудачно — видимо, слишком много желающих полакомиться вкусной ягодой побывало на этой поляне до нас. Мы молча посидели у костра, съели захваченный с собой обед и пошли назад. На обратном пути Дмитрий несколько раз многозначительно посмотрел мне в глаза, но я сделал вид, что не замечаю его взгляда.

В тот же вечер, вопреки предупреждению, мы с Ириной встретились у волейбольной сетки. Игры почему-то не состоялось, но я вышел к площадке в надежде, что и она придёт туда. Я не ошибся. Мне недолго пришлось ждать, она подошла одна, без подружек, и отсюда мы ушли гулять уже вдвоём. С этого дня я забросил волейбол и с нетерпением ждал каждого нового вечера — в общем, влюбился. Мы с моей новой знакомой то уходили к реке, то дежурили на почте вместо её матери, то «стерегли» дом старшей сестры, уехавшей на две недели в Пермь по каким-то своим делам. На меня не действовали ни предостережения моих друзей, ни косые взгляды местных парней. Перед очередной пятницей ко мне подошёл Дмитрий и напомнил о том, что наутро в посёлке будут продавать водку, и мне придётся плохо, если я не спрячусь куда-нибудь подальше. Он объяснил, что Мишка — бывший её друг, собирается подпоить всю местную ватагу и с их помощью «посчитать мне рёбра». Мы с Ириной ушли из посёлка на висячий мост. Считали звёзды, отражающиеся в тёмной быстрой воде реки, шептали друг другу слова любви, обсуждали её школьные дела — десятый класс — не шутка!

Нам не удалось незаметно подойти к её дому на обратном пути. Несмотря на поздний час, нас ждали. Целая толпа парней буквально вывалилась из переулка, прижав нас к палисаднику её дома и преградив мне путь к отступлению. Напрасно я пытался успокоить Михаила, умерить его гнев своими доводами, напрасно звал его решить нашу проблему по-мужски, один на один.

— Что уши развесили? Я вас что, напрасно поил, что ли?! — закричал он визгливо с накипевшей и плохо скрываемой злостью, абсолютно не обращая внимания на мои слова. — Бейте его!

Парни гурьбой бросились на меня. Я протолкнул Иринку за палисадник дома, а сам остался посреди улицы. Мне бы здорово досталось в этот вечер, если бы я не увлёк всю ватагу за собой, инсценировав побег. Драки не получилось. Останавливаясь на бегу и врезаясь в кучу преследователей, я старался никого не бить, лишь уворачивался и уклонялся от пьяных ударов. Через час после неудачного штурма нашей комнаты в гостинице их боевой пыл угас, и они разошлись по домам.

Вопреки ожиданиям, меня оставили в покое. Мы продолжали работать в лесничестве как ни в чём не бывало, только ежевечерняя игра в волейбол сама собой угасла, и лишь один раз, во время случайной встречи, Михаил пообещал мне обязательную расправу. С Ириной мы теперь не расставались. Казалось, никто в посёлке больше не обращал на наше знакомство никакого внимания.

Дни практики подходили к концу. По документам мы должны были уехать двадцатого октября. Об этом знали все и в лесничестве, и в столовой, и в посёлке. Дня за три до отъезда мы оформили все документы, упаковались и ждали лишь подходящего транспорта до Чердыни. Решили уехать на день раньше, чтобы успеть заскочить по домам на обратной дороге, а не ехать сразу в Бузулук.

Последний вечер и всю ночь мы с Ириной продежурили на телеграфе вместо её матери. Я уже знал, что в половине шестого утра отправляется мотовоз в Чердынь за товаром для столовой и продовольственного магазина. В шестом часу мои товарищи подошли к телеграфу — я уже ждал их, стоя на крыльце. Мы простились с Ирой, договорившись писать друг другу каждый день, я забросил на спину рюкзак и с ребятами поспешил к пекарне — там начиналась узкоколейка

и уже стоял «под парами» готовый отправиться в путь мотовоз. Мы быстро шли по пустынной улице мимо закрытого магазина и кочегарки, из трубы которой едва вился дымок — по ночам было уже довольно холодно и отопительный сезон начался. Я оглянулся — Ирина ещё стояла на крыльце телеграфа и смотрела мне вслед.

— Пустой?! — не то спросил, не то сказал утвердительно Серёжка Тюрин, наш четвёртый компаньон-лесовик. Он кивнул взглядом на отправляющийся состав и заставил меня припустить вперёд.

Я уже знал, что он пойдёт пустой (мне об этом сказала Ира ещё вчера), лишь на одной платформе было сложено кубометров десять ровных сосновых брёвен. Их нужно было довести до промежуточного пункта — брошенного посёлка на середине пути от Пильвы до Чердыни — для починки то ли разъезда, то ли какого-то здания.

— Пустой. Быстро пойдёт, не то, что в прошлый раз, — ответил Саша, весело шмыгая рыжим носом. — Повезло тебе, — сказал он, обращаясь ко мне, — живым уехал, а то вчера вечером, пока ты свои амурные дела решал, Димка приходил. Сказал, что тебе не уехать отсюда, пришить тебя собрались. Уж кого там нанял бывший друг твоей подружки, не знаю, не понял, только не сносить бы тебе головы, узнай они, что мы решили на день раньше отсюда убраться. Я сказал, что завтра уезжать собираемся.

— Вот-вот! Из-за тебя и мы могли пострадать, Дон Жуан несчастный, — молчаливый, прижимистый Каймакин стрельнул на меня заметно повеселевшим глазом.

Я вздохнул. Что скажешь? Всё верно. Во время той памятной драки нас спасли решётки на окнах и открывающаяся наружу дверь. Парни тогда оторвали спяну ручку первым же рывком и потом только стучали в дверь

да орали угрозы. Лёшка всё хотел меня вытолкнуть из комнаты им на растерзание — давай, мол, расхлёбывай кашу сам, а нас в покое оставь. А сейчас вот повеселел, даже шутить пробует. Это понятно. Я невольно втянул ребят в эту историю, а кому хочется разгребать чужие заботы и страдать невинно? В тот вечер меня Серёжка в чувство привёл. Я всё метался по комнате, не зная, что делать, а он достал из-под кровати железный прут, протянул его мне и сказал:

— Вот тебе оружие. Можешь не пользоваться, но покажи в окно, да пригрози. Пьяные, пьяные, а поймут, что ты будешь биться «до последнего патрона», искатель приключений.

Спокойно так сказал. Я сразу пришёл в себя. А парни действительно — увидели прут и решили не испытывать судьбу. Покричали для порядка, «выпустили пар» и ушли. А железку эту я нёс сейчас зачем-то с собой, никак не решаясь выкинуть, словно она была залогом моего благополучия.

Мы подошли к мотовозу. Водитель сидел за рычагами в кабине «машиниста» и курил.

— С нами, что ли? — не выпуская сигарету изо рта и не дожидаясь вопроса, сказал он. — Сейчас поедem, напарник ушёл за какой-то забытой бумажкой-документом. Как вернётся — сразу поедem.

У меня мелькнула мысль о том, что надо бы в вагон залезть, так сказать, «от злого глаза», на всякий случай, но её в ту же секунду вытеснила другая — упрямая и бесшабашная — «ну-уж, ещё бояться я кого-то буду! Вот ещё!» И я, позёвывая, остался стоять у мотовоза. Неожиданно из кочегарки вышел парень, один из тех, кого я видел вместе с Михаилом. Он потянулся и, сонно оглядевшись по сторонам, застыл в недоумении, заметив стоящую на

крыльце Ирину. Оглянулся. Пронзил меня взглядом, зыркнул по нашим рюкзакам, увидел плюющийся чёрным дымом, готовый сорваться с места поезд, и понял, что мы собрались уезжать. Резко развернулся и побежал по улице, то и дело оглядываясь и что-то пронзительно крича.

Наступила тишина. Я сглотнул слюну, пытаюсь как-то унять начавшую меня трясти нервную дрожь. «Где же второй водитель? Когда он, наконец, появится?» — я с нетерпением смотрел на пустынную тропу.

— Чёрт! Не уедешь, наверное. Сейчас всех сгребут до кучи, — Каймакин зло сплюнул.

— Подожди, не дёргайся, — Сергей попытался закурить, ломая о коробок спички и выглядывая второго водителя. — Вот он, идёт, кажется.

Действительно, из-за вагона появился дядёк в затёртой кожаной кепке и измазанной мазутом телогрейке. Остановился около нас, прикурил.

— Что, — он прищурился, выпуская дым, — с нами? В вагончик залезайте, теплее будет, — и зычно крикнул напарнику:

— Трогай!

Мы быстро покидали вещи в вагон и моментально запрыгнули туда сами. Состав тронулся с места и начал уже набирать скорость, как вдруг я увидел человек пятнадцать парней, бегущих за составом и орущих дикими голосами. «Быстро они организовались, — затравлено обожгла мысль, — сейчас водители услышат крики и всё, не уйти». На секунду мне показалось, что состав начал замедлять ход. К горлу подступила тошнота, я готов был выскочить наружу и толкать состав руками, только бы он не тормозил, а катил и катил вперёд. Но нет! Поезд не останавливался, а продолжал наращивать ход!

Дизель работал очень громко, словно бензопила на холостом ходу, и машинисты не слышали криков. «Может быть, не услышат, может быть, повезёт и дальше?» — затеплилась надежда. Поезд уходил всё дальше от пекарни, но вдоль железнодорожного полотна ещё тянулась набитая ногами узкая дорожка, и парни бежали по ней. Они догоняли. «Скоро что ли кончится эта проклятая тропинка?» — я тупо смотрел на преследователей, застыив на месте.

— Давай на платформу, — крикнул над ухом Тюрин, перелезая на её край, судорожно цепляясь за стягивающий брёвна тросс. — Отбиваться будем! Теперь уж деваться некуда. Давай, что встал! — рывкнул он что есть мочи прямо мне в лицо. — А вы у вагона оставайтесь! — он махнул рукой Сашке и Лёшке. — Да не бойтесь вы! Теперь нельзя бояться!

Я тут же сорвался с места. Треснулся лбом о косяк задней двери вагона, чуть не выронив из рук железный прут и едва удержав равновесие. Удар окончательно привёл меня в чувство. Я живо перелез через сцепку теплушки и платформы, вскарабкался на брёвна, и замер, не выпуская прут из рук. Состав теперь набрал полную скорость. Два наиболее прытких преследователя уже пытались ухватиться за платформу. Я показал им прут и, страшно ругаясь и срывая голос, заорал, что буду бить по рукам, если кто-то попытается зацепиться. Для убедительности и для того, чтобы как-то отогнать подальше собственный страх и бившую меня нервную дрожь, я начал колотить прутom что есть силы по краю платформы.

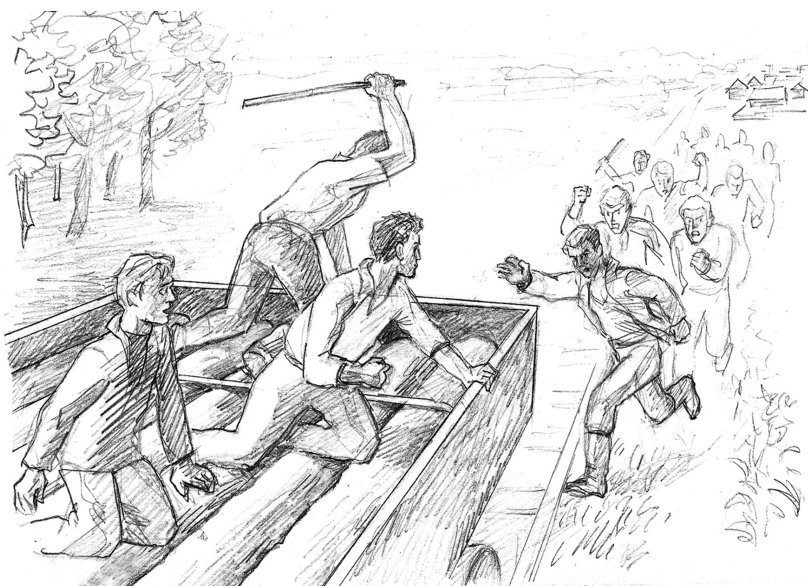
Наверное, вид у меня действительно был решительный — эти двое не стали рисковать и остановились. Остальные, ещё надеясь на случай, некоторое время продолжали преследование. Обойти стороной они уже

не могли — «железка» нырнула в лес, тропинка, тянувшаяся вдоль полотна, закончилась, и парни могли бежать теперь только по шпалам. Скорость их гасла, кто-то перешёл на шаг.

— Что, взяли?! — меня переполнило безумное торжество, я принялся исполнять какой-то дикий танец, рискуя соскользнуть вниз с брёвен. — Никогда вам меня не взять! Воробы, олухи! Возьмите на память! — я кинул в их сторону ставший ненужным теперь прут. Один из преследователей — широкоплечий парень лет двадцати пяти в серой куртке и матерчатой серой кепке — поднял его и молча пригрозил им мне вслед.

— Давай-давай, топай домой, досыпай, — я всё никак не мог остановиться, — и бегать научись!

— Ладно, пошли в вагон, зарядка закончилась, — Алексей опять начал шутить. — Вот кино устроил. «Неуловимые мстители».

— Пошли, Ромео, — Сергей медленно лез по брёвнам к вагончику. — Запомнится мне эта практика. «Прощание славянки».

Мы перепрыгнули через сцепку, постелили листы старого картона на пол теплушки и улеглись спать. На середине пути состав остановился для разгрузки. Смутное беспокойство заставило меня помогать разгружать платформу и затем ходить из угла в угол домика на разъезде, в котором наши машинисты тянули время, — пили чай. Лишь спустя час они нехотя покинули разъезд и, равнодушно глядя по сторонам, отправились дальше.

К обеду были в Чердыни. После тихой Пильвы райцентр показался шумным и крупным городом. До пристани ходил автобус, до отправления которого, судя по расписанию, оставалось с полчаса. Несколько человек ожидали этот рейс и посоветовали не очень задерживаться — автобус, по их словам, не всегда ходит точно по часам.

Мы решили зайти в кафе, перекусить перед дорогой. В кафе было душно, темно, стоял гвалт, шум — здесь продавалось пиво на разлив. Мы взяли чаю с коржиками. Мои друзья попытались приткнуться здесь же, у стойки, но я потянул их в самый дальний и тёмный угол. Не знаю почему. Словно кто-то взял меня за рукав и проводил туда.

— Куда ты? — Леша заупрямился, не желая сюда идти, — как в подвале каком.

— Да ладно ты, — успокоил я его, — глаза быстро привыкнут, да и нечего особо красоваться тут.

Мы едва расположились за маленьким аккуратным столиком, я лишь успел поднести стакан с горячим чаем к губам, как Сергей, сидевший лицом к выходу, прошипел:

— Приехали... Чёрт возьми... Твои друзья... Хана нам, братцы.

Я поставил нетронутый стакан на стол и медленно обернулся. Наши преследователи, все пятнадцать человек, зашли в кафе и сейчас, шурясь, пытались оглядеть зал. Нас спасало только то, что их глаза пока не привыкли к полумраку полуподвального помещения. Впереди был тот, в серой куртке и кепке. Он поигрывал железным прутком, сжимая его в одной руке и похлопывая им по ладони другой. В зале были, по-видимому, их знакомые — уже начались рукопожатия и расспросы.

— У нас в запасе секунд десять, — прошептал Серёжка, — сейчас их глаза привыкнут к свету, и всё, нам каюк. Надо бежать отсюда.

Мы аккуратно отодвинули стулья, чтобы лишним шумом не привлечь такого ненужного нам сейчас внимания, взвалили рюкзаки на плечи и вдоль стены крадущимся шагом направились к выходу. Нас с преследователями разделяло буквально десять шагов, они пытались узнать хоть что-то о чужаках с рюкзаками.

— ...да-да, — донеслось до меня, — а мы на дрезине прикатали. Ищем тут одного, — говоривший выругался, — должен он нам остаться...

Дальше я не услышал ничего. Уши заложило, словно к ним прижали огромные куски ваты. Ноги мгновенно потеряли упругость, превратившись в неуклюжие деревянные костыли. «Как я побегу на таких ногах-то?» — прошивала, словно разрядами тока, мысль. Комок застрял в горле, и я никак не мог проглотить его, чтобы вздохнуть. На мгновение показалось, что я вот-вот потеряю сознание — такая в один миг навалилась слабость.

Я ещё надеялся, что нам удастся выйти незамеченными. «Ещё два шага, и всё, я переступлю порог, и, может

быть, нам удастся уйти, может, не увидят нас! Только бы сейчас не споткнуться, только бы не споткнуться...» Ребята уже выскочили наружу, и лишь мне оставалось чуть-чуть, чтобы, наконец, оказаться на улице. Казалось, что я двигаюсь еле-еле, как на искусственно замедленной съёмке старого киноаппарата, у которого по какой-то причине заел механизм убыстряющий показ фильма, но я уже готов был поверить, что повезло и на этот раз, и тут зацепился о порог и упал, ободрав ладони и больно стукнувшись коленями, едва не ударив головой вновь входящего посетителя. Рюкзак не позволил сохранить равновесие и вдобавок накрыл меня сверху.

— О, туристы какие-то появились, — зычно крикнул входящий и шумно засмеялся, — только почему-то ползком!

— Вон они! А-а!!! — услышал я визгливый крик позади, у стойки.

— Теперь не уйдут!

— Хватай!

— Рви!

Боль в коленях привела меня в чувство. Я вскочил, сильным толчком отбросил в проход попытавшегося меня остановить этого нового посетителя и рванул что есть силы вперёд. Сзади что-то сильно ткнуло меня в рюкзак, а затем над ухом прожужжал, вращаясь пропеллером, железный прут. Он тяжело упал впереди, подняв тучу пыли. «Повезло!» — мелькнуло в голове.

— Автобус впереди! Скорее! — услышал я Сашкин голос.

«Какой автобус? Это же западня! Они нас там возьмут, как котят!» — огнём опалила мысль, но я продолжал бежать вперёд.

У остановки стоял «Пазик» с открытыми дверцами, готовый вот-вот тронуться с места. Мы влетели внутрь.

«Всё! — понял я, — спасения нет! Сейчас разъярённая толпа залетит сюда, а дальше...» — я боялся представить, что будет дальше. Захотелось просто сесть, закрыть лицо ладонями и завывать от бессилия и страха. Лешка передвинулся к передней двери, стараясь не смотреть на меня, я успел перехватить жалостливый Сашкин взгляд. Сбросив рюкзак с плеч и развернувшись к двери, я приготовился дать хотя бы какой-то отпор.

Но, видимо, удача никак не хотела покидать меня сегодня. Водитель, едва увидев мчащуюся и кричащую бешеными голосами толпу, захлопнул дверцы автобуса. Лишь одному из преследователей удалось вскочить на подножку. Он попытался раскрыть руками раздвижную дверь, чтобы пропустить остальных. Потное, разгорячённое лицо его, искажённое гримасой злорадства и торжества, протиснулось вперёд. Я ещё ничего не успел сделать, а Сергей мощным толчком попытался сбросить недруга назад.

— Что стоишь?! — его крик вновь привел меня в чувство, и я ногой толкнул парня с подножки. Дверца захлопнулась, и автобус, набирая скорость, покатиł вперёд. — Что, я всё время за тебя думать буду?!

Парни, продолжая бежать за автобусом, стучали в дверцы, били кулаками по обшивке, но водитель не остановился. Минут через двадцать мы были на пристани. Нам опять повезло. Судно отходило через десять минут. Мы купили билеты, прошли контроль и спустились в каюту.

— Ф-ух! Ну, кажется, всё! Закончились наши приключения, — Саша, довольно потирая руки, улыбнул-

ся. — Пойдёмте наверх, на палубу, что ли. Хотя по сторонам поглядим спокойно.

Мы оставили вещи внизу, а сами вышли на палубу. Опираясь на поручни, я стоял и смотрел на воду, на заросший лесом противоположный берег, приходя в себя после гонки.

— Отдать концы, — раздалась откуда-то сверху команда, и служащий пристани, отвязав канат от блестящей металлической бобины, бросил его матросу нашего судна. Двигатель заработал, вода забурлила, и «Зарница» мало-помалу начала отходить от причала, правда, не продвигаясь пока ни вперёд, ни назад.

— Да ёлки-палки, что же это за напасть! У-у! Опять они! — услышав Лёшкин крик, я развернулся к берегу.

Грузовая машина резко остановилась у пристани. Из кузова посыпались через борт мои преследователи. Они смели бы, наверное, контроль и сумели бы запрыгнуть на палубу, если бы не милицейский заслон. Два человека в форме не пустили их, а контролёр громко пыталась объяснить что-то об окончании посадки на судно и о возможности попасть на следующий рейс, который будет через два часа. Поняв, что опасность миновала, я не удержался и, сложив ладони рупором, закричал:

— Пока, ребята! Думаю, в следующий раз удача вас не покинет! Будьте здоровы, не кашляйте! — и помахал им рукой. Затем, повернувшись к ним задом, похлопал себя несколько раз ладонью пониже спины, дико вихляясь при этом и продолжая корчить «рожи».

Теперь, когда судно отошло на приличное расстояние, их пропустили на дощатую пристань. Они сгрудились на небольшой площадке и что-то кричали в ответ. Впереди всех стоял парень в серой куртке и кепке. Он смотрел на меня и молчал. Мы ушли в каюту и, усев-

шись поудобнее, расслабились. Я тут же провалился в сон и проспал все шесть часов пути до Соликамска.

От пристани мы доехали до железнодорожного вокзала вместе и там расстались. Ребята укатили поездом до Оренбурга почти сразу, ждать им пришлось не больше получаса. Мой поезд шёл чуть позже. Я должен был добраться «на перекладных» — с пересадкой в Перми, так как прямого рейса в Ульяновск из Соликамска не было. Мне пришлось ещё полтора часа шляться по вокзалу в ожидании.

Плацкартных мест не было, я не без труда приобрёл билет в купейный вагон, но деньги после практики у меня были, и я даже порадовался такому раскладу.

«Поеду с комфортом, — убирая билет в грудной карман куртки, с удовольствием думал я. — Буду сидеть у окна, смотреть на убегающие леса, буду слушать стук колёс. Хорошо».

Был поздний вечер. Перрон освещался тусклыми фонарями, моросил мелкий дождик, но я не хотел сидеть в душном зале ожидания. Я ходил по ровному асфальту перрона, запрокидывая голову назад, смотрел вверх в тёмное небо, выхватывая взглядом летящие сверху капли.

Наконец поезд подошёл. Я неторопливо прошёл вдоль состава, нашёл свой вагон, закинул рюкзак в багажное отделение купе и забрался на свою вторую полку. В купе никого не было, я смотрел на перрон, вспоминал Ирину и свою практику.

Вдруг почувствовал, что мой вагон буквально переворачивается вверх тормашками: я увидел мечущихся по перрону своих преследователей. Как? Почему? Откуда они здесь? Откуда они узнали, что я в этом поезде?! Они заскакивали в вагоны, что-то объясняя прово-

дникам, бежали вдоль состава, заглядывая во все окна. Недолго думая, я забрался на багажную полку, закрывшись матрасом. Дверь открылась, кто-то сунул сопящую физиономию в купе и тут же побежал дальше. «Пока пронесло...» — беззвучно прошептали губы. Я попытался вытереть рукой потный лоб — не получилось: рука, казалось, вспотела не меньше. Тогда я вытер лоб рукавом рубашки, а затем, едва дыша, выполз наружу. Поезд тронулся. Мои преследователи стояли плотной группой на платформе. Поезд набирал ход. Я открыл окно купе и, высунувшись из него почти по самый пояс, закричал:

— Эй, горе-догонялы! Что, взяли?! Фигушки вам. Догнать решили? Пока, будьте здоровы, не кашляйте! — Кто-то из них рванул за вагоном, но было уже поздно. Они кричали и ругались, лишь один парень в серой куртке и кепке стоял молча и смотрел на меня и куда-то ниже, скорее всего, на надпись пункта назначения.

— О-хо-хо, пока!.. — вдруг я осёкся. Это же местный поезд! Он идёт только до Перми, и мои преследователи теперь это знают! Вот балбес я, балбес. Ну и натворил!

Всю дорогу до Перми я не сомкнул глаз. Стук колёс нудной болью отдавался в голове. Хотелось выскочить из поезда и бежать впереди паровоза.

В Перми мне повезло, нужного рейса пришлось ждать недолго, не больше чем с полчаса. Я взял себе место в плацкартном вагоне, закинул рюкзак на третью полку, сам забрался на другую, свернулся в тугой калачик и притих. Не знаю, кто ходил по вагону, я не смотрел по сторонам и старался не привлекать к себе внимания пассажиров, заполнивших вагон. Когда поезд тронулся, и я, спустившись вниз, глянул в окно, то почти не удивился, увидев парней из далёкой теперь Пильвы здесь, на перроне Перми. Но на этот раз я не стал ничего кричать, не

стал высовываться из окна, а просто молча посмотрел на них, надеясь, что уж теперь-то мы с ними никогда больше не встретимся.

С тех пор прошло много лет. С Ириной мы переписывались ещё некоторое время, но расстояние — слишком большое препятствие для юношеских сердец, оно оказалось непреодолимым и для нас, мы расстались, не встретившись больше никогда. После службы в армии я окончил географическое отделение пединститута и с головой ушёл в работу с детьми: преподавал географию, таскал ребят в походы, стараясь держать на контроле их бесшабашные поступки. Именно после той гонки я понял, какой огромный интерес представляет собой изучение своих собственных возможностей и своего характера. По примеру древних ещё больше стал заниматься физкультурой. Перестал бояться дороги, находя в ней удовольствие и ещё одну прекрасную возможность «познания себя», объездил на велосипеде полмира, учился общаться, бывал в разных ситуациях, но всегда, как поучительный урок, вспоминал именно ту практику и ту тридцатичасовую погоню.

Пузыри на воде

Юрий Иванович неожиданно вывернулся из переулка, махнул мне рукой, то ли приветствуя, то ли желая остановить, но как-то вяло, без надежды. Я спешил куда-то в тот день — сейчас и не помню точно, куда. Помню только, что дело казалось неотложным и очень важным. Задерживаться не хотелось, но когда его рука обречённо опустилась вниз, я остановился. Он сразу заторопился, суетливо переставляя свою палочку-ключку и выкидывая поочерёдно ноги вперёд столь неловко, словно вместо них были грубые деревянные протезы.

Почему-то вспомнилось вдруг, как несколько лет назад мы сражались в волейбол в школьном спортзале во время районных соревнований. Там было светло и шумно — ярко сияли неоновые лампы, звучала весёлая музыка, галдели болельщики, встречая каждый удачный удар свистом и криками. Юрий Иванович тогда играл против нашей команды. Несколько раз за игру мы, встречаясь с ним под сеткой, рубились за мяч. Он

высоко и легко выпрыгивал, а затем ловко «гасил» его, азартно ухая при этом. И вот сейчас он спешил ко мне, напоминая ребенка, которого взрослые неожиданно согласились взять с собой, а он пытается не отстать, теряется, боясь, что они передумают. Я нетерпеливо топтался на месте, стараясь унять какое-то лёгкое раздражение. Но Юрий Иванович уже почти полгода жил у своей дочери в соседнем городе, я знал о его болезни, и когда он подошёл, раздражение растаяло без следа само собой.

— Задерживаю? — протянул он мне свою руку, виновато улыбаясь и глядя почти в упор. Морщинки разбежались веером от глаз. Пожухлая, словно осенний лист, кожа, и заострившийся нос сказали мне всё. Видимо, я не смог сдержать чувств — перехватив мой взгляд, он едва заметно усмехнулся и вздохнул.

— Да, бегу вот, — не зная с чего начать разговор, забормотал я, невольно отводя взгляд и натываясь им на книгу, которую как-то сразу не заметил в руках у Юрия Ивановича.

— Стихи, — он чуть смущённо качнул головой, — читал когда-то, увлекался, — будто оправдываясь, он открыл её наугад и несколько секунд скользил по строкам глазами. — И правда, жизнь как песня, — прервав чтение, он отрешённо поглядел по сторонам. Помолчал. Бережно, словно боясь повредить страницы, закрыл книгу. — Быстро лето пришло в этом году, — его голос был едва слышен.

— Да, — я был рад хоть как-то поддержать наш нескладный, комканный разговор.

Действительно, быстро и незаметно покрылись свежими листьями стоящие вдоль улицы берёзы, терпкий запах клейких тополиных почек висел в воздухе,

словно не смешиваясь с выхлопным дымом спящих машин, а в высоком и бездонном небе беззаботно носились друг за другом стрижи и ласточки.

— Надо же, — словно не ко мне обращаясь, а просто высказывая вслух какие-то свои мысли, произнёс Юрий Иванович, — крапива у забора — совсем зелёная. Смотри-ка, — он улыбнулся, — и пылью не покрыта. Живая, молодая.

Я кивнул головой:

— Да.

Крапива действительно дурью лезла из-под тщательно приколоченных досок изгороди. Тугие листья на крепких стеблях толпились, словно строй солдат-новобранцев.

Солнце нырнуло в маленькую и совсем не грозную тучку. Юрий Иванович запрокинул голову и долго смотрел на бегущие по небу облака и мелькающий среди них солнечный диск:

— Каждый день оно вот так. Бежит по небосводу — то за тучу спрячется, то наружу выглядывает. Каждый день. Много лет.

— Да, — опять повторил я, вновь кивая головой, не зная, что ещё сказать.

— Вот так, — он посмотрел мне прямо в глаза. — Что тут поделаешь? Как уж будет... — Юрий Иванович ещё раз протянул мне свою руку, я пожал тёплую ладонь, и он медленно побрёл вниз по улице. Знакомая летняя куртка висела мешком на его исхудавших плечах.

Я постоял ещё немного, провожая взглядом удаляющуюся унылую фигуру, затем повернулся и неспеша пошёл домой, поглядывая по сторонам, вдыхая запахи набирающего силу лета и зачем-то считая шаги.

Он умер спустя две недели после нашей встречи. Я

был в это время дома, и кто-то из знакомых позвонил мне, сообщив эту печальную весть. Повесив трубку, я долго молча стоял у окна. На улице шёл дождь. Крупные и тяжёлые, словно свинцовые дробинки, капли, падали вертикально, вышибая большие гладкие пузыри в бесчисленных лужах. Они будто всплывали из воды, ручьи подхватывали их и несли куда-то с собой, а пузыри лопались и исчезали без следа. Но мне казалось, что они не разбиваются, а просто отталкиваются друг от друга, и я слышу их чистый, мелодичный звон.

Браслет из белой полыни

Пролог

Эта история произошла во время одного из путешествий не только со мной, но и с моими учениками. Мы с ребятами крутили на велосипедах по Америке. Видели Нью-Йорк, Ниагарский водопад и Большой Каньон, пересекали равнины и горы, были в гостях у американских староверов и у индейцев. В местечке Пайпстоун, что находится на юго-западе Миннесоты в индейской резервации, нам повезло принять участие в самом настоящем языческом обряде, дошедшем до нашего времени из глубины веков — «Танце Солнца». Это своеобразный обряд жертвоприношения. Четыре дня участники обряда истязают своё тело, волоча по священному кругу черепа буйволов. Черепа привязаны к ремням, а те, в свою очередь, проходят через надрезы на спине приносящего жертву Солнцу человека. Обряд не заканчивается смертью, лишь кровь из порванных ран стекает по спине, смешиваясь с солнечным светом, когда на исходе четвёртого дня человек освобождается сильным рывком от своей необычной ноши. Это обряд почитания великой силы Солнца.

Мы были не просто зрителями, мы были участниками одной из главных церемоний обряда — церемонии раскуривания трубки. Но самое удивительное случилось потом. Я понимаю, что мы были невероятно подготовлены в то лето. Нам с непостижимой лёгкостью покорялись тысячи километров. И всё же история с индейским браслетом показалась мне настолько занимательной, что я решил рассказать о ней.

— Ветер будет гнать вас в спину! — на флегматичном коричневом лице не мелькнуло и тени улыбки. — Мы будем молить наших духов помочь вам.

Лицо знахаря было покрыто точками красной и жёлтой краски, четыре чёрных пера украшали голову, а передник набедренной повязки спускался почти до середины голени. Кисти рук его были увешаны браслетами, скрученными из пучков белой полыни. В руках он держал целое крыло ворона, украшенное бисером и иглами дикобраза. Мы уже знали, что белая полынь очень высоко ценится индейцами равнин, а перья ворона и орла широко применяются шаманами в традиционных церемониях.

Барабан продолжал грохотать. Четыре человека молотили его колотушками в такт друг другу без перерыва уже несколько часов подряд. Казалось, они давно уже не ощущали происходящего вокруг, вся их жизнь сосредоточилась на барабанном бое и непонятной нашему слуху песне. Они выводили её гортанными и необычайно высокими голосами. Песня была похожа на непрекращающийся стон человека, которому приходится выдерживать нестерпимую дёргающую боль.

— Ну уж, дудки! — прошептал Дима, — здесь, на Великих равнинах почти не бывает восточных ветров.

Я мельком взглянул на него:

— Ну, положим, восточные ветра и здесь бывают. Не так часто, как западные, северные или южные, но бывают. Но насчёт помощи духов, это перебор.

— Пусть помечтают, — Лёша усмехнулся. — Лишь бы деньги за их ворожбу не платить.

Мы добирались сюда, почти в центр Америки, четыре недели. Перевалили через Аппалачи, прошли вдоль Великих озёр, пересекли Центральные равнины. В Айове спешили — очень хотелось попасть на традиционный индейский праздник — Пляску Солнца. Успели едва-едва. Индейцы приняли нас с почётом.

— Они уважают терпеливых людей, вряд ли речь пойдёт о деньгах.

Знахарь не понял смысла нашего разговора, но, видимо, догадался о грызущих нас сомнениях.

— Ветер будет гнать вас в спину, — внятно повторил он на английском языке. — Мы танцуем четвёртый день. Четыре — священное число, — он описал руками круг, будто обнимая большой воздушный шар. — Вы танцуете уже четыре недели. Я горжусь вами и хочу вам помочь.

Не обращая внимания на недоверчивые лица ребят, знахарь двинулся вперёд, подпрыгивая то на одной, то на другой ноге, пригибаясь и прижимая подбородок к груди. Он обернулся и махнул нам вороньим крылом, приглашая следовать за ним. Мы, не в лад пританцовывая, потянулись следом.

— ...фольклор, калинка, первобытный век... — недовольное сопение донеслось до меня сквозь унылую песню знахаря. Действительно, всё происходящее выглядело не реальным, а, скорее, случайно пришедшим из далёких, прошлых веков. Барабаны били сейчас приглушённо, барабанщики молча наблюдали за действиями шамана. Он вёл нас вокруг вкопанного накануне

священного дерева. Широкая колея, пробитая сотнями ног за много лет, символизировала путь солнца по Кругу Жизни. Четыре раза мы замирали по знаку колдуна — у северных, южных, западных и восточных ворот круга. Шаман танцевал и пел в этот момент по-особому. То он срывался на вой, распрямляя плечи, разворачивая к солнцу лицо и раскрывая, словно в объятьях, руки, то, склоняя голову до самой земли и сжимаясь в комок, переходил на едва слышный шёпот. Вот путь наш завершился. Мы протанцевали целый круг. Барабаны вновь загремели во всю мощь. Теперь мы стояли в один ряд и прыгали под их ладный бой с ноги на ногу. Солнце совсем недавно перевалило через свою высшую точку. Оно поливало огнём площадку, раскинувшиеся вокруг индейские конусовидные палатки, обрушивалось на головы и плечи многочисленных участников, стоящих по периметру стометрового круга. Шаман взмахнул рукой, и наступила тишина.

— Вы настоящие Танцоры Солнца, — обернувшись к нам, выкрикнул он. — Я рад сказать это. Ветер будет помогать вам в пути. А мы будем молиться за вас, — он снял браслет с руки и протянул мне.

Я взял его, стараясь показать своими движениями уважение к старинным верованиям древнего народа. Мальчишки тоже поблагодарили, пожимая ему руки и улыбаясь, а потом пошли в сторону, вздыхая с заметным облегчением — они были утомлены довольно долгой процедурой священного танца, но и обижать индейцев им не хотелось.

— Вы можете оставаться здесь, — добавил знахарь, когда всё полностью закончилось, — но ночью может быть ураган — духи должны дать ответ.

— Мы всё-таки останемся, — Лёша хитро улыбнулся, — надо услышать голос духов.

— Хорошо. Это правильно, — шаман кивнул головой. — Вон там стоит моя палатка, — он указал на раскрашенное яркими цветными рисунками полотнище, — я буду здесь до вечера.

Остаток дня и весь вечер мы переходили из палатки в палатку, вели разговоры с индейцами и лазали по старинным индейским копиям, в которых племена испокон веков добывали камень для священных трубок.

А посреди ночи налетел ураган. Он бушевал часа три и иссяк только под утро, оставив после себя поломанные деревья и внеся сомнения в наши убеждения.

— Да ладно! — сказал кто-то из наших утром. — Посмотрел барометр и бурю предсказал. — Мальчишки посмеялись, но смех получился каким-то натянутым и не совсем естественным.

Сборы наши были недолги. Лагерь опустел. Часть индейцев покинула его накануне вечером, кто-то собрался, едва рассвело, а были и такие, кто пытался прорваться ночью сквозь ураган. Мы ещё раз оглядели место, давшее нам пристанище и новых друзей. Я на всякий случай поклонился ему по-русски, не зная каким образом можно иначе отметить гостеприимство людей и своеобразие погоды этого края.

Мы выехали на дорогу, покрутились по небольшому городку и, стараясь не нарушать строй, покатали на запад. Восточный ветер тихонько подталкивал нас, позволяя держать довольно высокую скорость. За день мы отмахали почти полтора километра. Говорили на самые отвлечённые темы. Лишь раз, да и то мельком, вспомнили старого знахаря:

— Вот ведь, как он в силах своих уверен!

— Знаток природы!

— Пришвин, — поставил точку Лёша.

На ночь остановились на опушке леса. Ветер разыгрался, едва солнце зашло. Он крутил над лесом, заходил с разных сторон, но деревья стояли монолитной стеной.

— Духи опять пришли, — пошутил Саша Воронков, поглядывая на клапаны палатки. Ветер гудел, как в печной трубе.

— Что ты мелешь?! — опять засмеялся кто-то. — Духи, духи. Погода здесь такая — взбалмошная. А палатки хорошие, выстоят.

Лес выдержал напор ветра, ночь прошла спокойно, спалось очень крепко, и утром мы встали свежие и бодрые.

— А ты говоришь — духи! Вон и ветер северный!

Саша в ответ молча пожал плечами:

— Да я так, в шутку.

Не успели отъехать и десяти километров, как на севере небо почернело, к самой земле провисли огромные рваные тучи, налетел ветер, поднимая с земли пригоршни пыли и бросая её нам навстречу. С минуты на минуту мог начаться дождь.

Из-за бугра показались домики городка. Едва мы въехали на центральную улицу, нам наперерез выскочил полицейский. Он поднял вверх руки и что-то закричал. Невозможно было разобрать ни слова — ветер будто отрывал слова с губ и уносил их с собой. Полицейский махнул рукой в сторону магазина. Мы подъехали почти к самым дверям, быстро связали велосипеды крепёжными резинками, накрыли от дождя плёнкой и нырнули в магазин. Вслед за нами забежал полицейский.

— Штормовое предупреждение, — показывая куда-то через стеклянную дверь, произнёс он. — Нужно подождать.

Хлынул дождь. Ветер старался сорвать крышу с магазина и с соседнего дома. Он с неистовыми завываниями

стучался в плотно закрытые двери, бил в стекло огромными тяжёлыми каплями.

— Может быть, стоит с ними поговорить? — задумчиво глядя за дверь, пробормотал Воронков.

— С кем, Саша?

— Да с духами.

— Смеёшься, что ли? Как?

— Как-как, — Саша пожал плечами. — А я почём знаю? — он пустился в рассуждения. — Признать их, что ли? Ну, духи, и духи. Бог с ними. Пускай себе живут.

— Да пусть! Кто им мешает?

Через час, раздвинув облака, выглянуло солнце. Ещё спустя пятнадцать минут мы, старательно объезжая подсыхающие лужи, выезжали из городка, подгоняемые тёплым восточным ветром. Перед выездом я повесил браслет на стойку руля, и каждый из нас прикоснулся к нему рукой. Мы крутили педали и, шутя, но вслух благодарили старого шамана и его духов за помощь каждый последующий день. Мы прощались с ветром вечером, но в тайне надеялись, что и завтра он не откажет в помощи.

Всю Южную Дакоту он не изменял нам, он удивлял своим постоянством и действительно помогал. Дождей больше не было, как не было и шквалистых ветров. Я пытался найти объяснение, достойное учителя географии, но ничего более внятного, чем элементарное стечение обстоятельств найти не мог. Бывает ведь и в наших краях в ноябре тепло, как в августе, случается так, что ясная погода держится целый месяц, радуя чистым бездонным небом и слепящими звёздами.

Окончательно мы поверили в заклинания старого знахаря уже в Вайоминге, уехав от индейского лагеря километров на семьсот-восемьсот. Южная Дакота осталась позади. Дорога спускалась с западных склонов гор

Блэк-Хиллз. После пахнущих смолой сосновых лесов и свежих озёр Чёрных Холмов мы опять попали в страну сухих степей и полупустынь. Казалось, что здесь ни солнце, ни ветер совсем не знают преград. В городке Ньюкасл мы должны были повернуть на юг.

— Ну что, Саша, — понеслось со всех сторон, словно Воронков был хранителем шаманских заклинаний, — знахарь молился на восточный ветер, а нам на юг! Что скажешь?

— Поживём — увидим, — Саша по своей привычке пожал плечами.

Восточный ветер ослабел. Он уже не гнал нас вперёд, а будто топтался на месте, словно это седой невидимый старик жуёт губами, не зная, что предпринять дальше. Показался Ньюкасл. И здесь, на въезде, мы почувствовали, что ветер есть, и он сильный. Но он южный. Сразу почувствовалась усталость, лень стало вращать педали. Мы рассыпались по тротуарам и плелись вдоль домов — здесь не так ощущалось сопротивление ветра.

В Ньюкасле мы пробыли почти три часа. Обедали, ходили из магазина в магазин, пили сок в парке — тянули время. Но, как назло, оно летело с непостижимой быстротой. Вот уже солнце, словно отяжелев, всё быстрее покатилося к горизонту.

— Ладно, хорош отдыхать, за нас никто педали крутить не будет. Поехали, — я поднял мальчишек, и мы потащились к перекрёстку.

Южный ветер жестоко трепал флаги на крышах домов. Вот уже заканчивается улица, а там, дальше — нужная нам развилка.

Вдруг ветер прекратился. Не просто стих, а исчез, словно испарился. Мы ждали нового порыва, но его не было. В абсолютной тишине подкатили к нужному повороту.

— Ну! — крикнул Саша, — эй!

Флаги вновь взвились. Северный ветер, словно вырвавшись из чьих-то объятий, понёс нас на юг.

— Быстрей! Ещё, ещё! — кричали мальчишки.

— Да здравствуют индейские знахари!

— Будьте здоровы, индейские духи!

Семьдесят километров мы пролетели за два часа и остановились на площадке для отдыха, оборудованной прямо посреди прерии. Скалистые горы расходились в стороны — на северо-запад и на юго-восток. Лёша хотел ехать до захода солнца, но его удержали.

— Индейские духи с нами, — авторитетно заявил Воронков. — Они нас не покинут. Будет день, будет и пища. Ложимся спать.

Мы больше не волновались. Если это и совпадение, то это чудесное совпадение. Мы легли спать и утром с удовольствием увидели, что ветер проснулся, словно спал рядом с нами.

Заклинание старого знахаря работало. Мы побывали ещё в Юте, Аризоне и Нью-Мексико. Лишь в некоторых местах ветер крутился непонятно, словно забывая о нас. Нам казалось, что он ещё ребёнок и заигрывается в особо красивых местах, а затем догоняет и вновь толкает и толкает в спину.

Наше путешествие закончилось в Калифорнии спустя четыре недели после встречи с индейцами. Мы разобрали велосипеды и, купив билеты на автобус, вновь укатили на восток в Нью-Йорк. А индейский браслет привезли с собой. Он висит на стене моего дома на почётном месте рядом с барометром, хотя здесь он превратился в обыкновенный неказистый, изрядно потёртый и пропитанный пылью далёких американских дорог сувенир.

Короткие встречи

Пролог

Моё первое путешествие за рубеж было довольно продолжительным — почти целый месяц я крутил велосипед по дорогам Польши, Германии, Франции, Бельгии и Люксембурга. Путешествие получилось интересным и насыщенным самыми разными приключениями и встречами. Сначала я застрял на переходе границы из Белоруссии в Польшу на целых четырнадцать часов и оказался в приграничном Тирасполе уже глубокой ночью. Я долго ехал по ночной дороге, прежде чем удалось приткнуться палатку в показавшемся мне спокойным месте, а утром с удивлением обнаружил, что мой лагерь разбит на открытом дворе польского фермера. На восходе солнца, едва открыв молнию входа палатки, я нос к носу столкнулся с угрюмым дядькой в старой фетровой шляпе, кожаном фартуке и больших растоптанных башмаках, который, сведя к переносице густые брови, молча стоял и ждал, пока я запишаю в сумку кое-как сложенные палатку и спальник.

Однажды во время очень сильного встречного ветра меня обогнал трактор, и я пристроился за ним, спря-

тавшись от ветра. Трактор был большим, загородил весь вид, и я, в итоге потеряв всякую ориентировку, уехал со своей дороги куда-то далеко в сторону. Опомился лишь тогда, когда ширина дороги уменьшилась до двух метров, а тракторист, остановившись и выпрыгнув из кабины, вежливо объяснил мне, что он, конечно, рад приветствовать меня на своей ферме, но незваный гость, как говорится, не самый лучший гость. Пришлось извиняться и, путаясь в многочисленных дорожках местного значения, выезжать полями в нужном мне направлении.

В середине путешествия я отправился и целых два дня ничего не ел, несмотря на то, что сумки были забиты продуктами и фруктами, но малейшая мысль о еде вызвала приступ тошноты.

Я общался с бывшими солдатами Вермахта и участниками Французского Сопротивления, с полицейскими и дамами лёгкого поведения. Однажды меня пригласил в кафе офицер Бундесвера. Он оказался бывшим учителем географии, и целых два часа мы говорили о географических проблемах и природных катаклизмах, нависших над Европой. В пригороде Парижа мне пришлось столкнуться с группой чернокожих французов. Было уже темно, я искал пристанище в большом парке, как вдруг оказался в окружении десятка увешанных цепями и металлическими крестами ребят в кожаных куртках. Они грубо остановили меня и, смеясь, начали что-то требовать. Эта встреча заставила проявить максимальное самообладание, но, в конце концов, эти парни не только не тронули меня, но и показали наиболее безопасное для ночлега место в парке.

Я пытался найти домик Жана Маре в Париже, проклиная себя за забытый дома адрес артиста. Едва перейдя границу Германии и Польши, я попал в район, где властвовала вода взбесившегося и затопившего всю округу

Одера. Километров пятнадцать дорога бежала посреди воды, лишь метр насыпи был не тронут водой.

Потом, уже по возвращении, листая неизменную записную книжку, я, тщательно разложив день за днём, собрал несколько эпизодов, которые дают ясное представление об особенностях той поездки. Мне показалось, что это будет интересно.

Под Франкфуртом

Я ехал по Германии целую неделю. Уже привык к аккуратным лужайкам с подстриженными газонами и похожими на произведения искусства живыми изгородями. Привык к вежливому вниманию случайных прохожих, улыбающихся одними губами, выражающими своё удивление чопорным поворотом головы и артистично приподнятыми бровями.

После Майнца, пытаясь сократить путь и уйти подальше от шумных автомагистралей, я свернул на сельскую просёлочную дорогу. Ехал посреди засеянных кукурузой и пшеницей полей, мимо виноградников, хуторов и ферм. Надеялся, что дорога выведет меня ближе к Бад Креолах, городку по дороге на Саарбрюккен, но поля бесконечно тянулись вдоль дороги, и я уже начал жалеть, что не послушал карту и ушёл в сторону. Но неожиданно дорога весело скатилась с бугорка в широкую лощину, а я очутился в маленькой, словно игрушечной, деревеньке. Прямо на въезде у автостоянки столпились небольшой кучкой несколько пожилых мужчин. Они что-то обсуждали, то затеявая негрубый спор, то шумно соглашаясь друг с другом. Мне было неловко нарушать их эмоциональную беседу, но и продолжать путь, не

имея точных ориентиров, смысла не было. Я остановился, терпеливо ожидая момент, когда можно будет вклиниться в разговор. Ждать пришлось недолго.

— Русский? — незлобно, по-птичьи, но, как мне показалось, чуть насмешливо сверкнув глазами, повернул ко мне голову один из стоящих — высокий мужчина с прямыми плечами и слегка выступающим вперёд подбородком. Левая рука его, скрытая чёрной кожаной перчаткой, висела неподвижно, и её владелец подчёркивал свои слова жестами правой руки. Остальные притихли и с интересом уставились на меня, оглядывая со всех сторон.

— Да, — ответил я.

— На Берлин? — он усмехнулся, блеснув крепкими зубами. Остальные засмеялись без злобы, но чуть натянуто, с усилием растягивая губы.

— Нет, не Берлин, — опять ответил я, стараясь не показывать своё смущение. — Бад Креолах, — а затем, намеренно меняя тему разговора и показывая на протез, добавил: — Россия?

— Да-да, Россия, — ломая язык, сквозь зубы пробормотал мой собеседник, — Киев.

— Дали вам под Киевом, видать, крепко. Сами виноваты, — я не чувствовал обиды, мне лишь было жаль стоящих рядом ветеранов войны. Было странно видеть их здесь, так далеко от моего дома. Вспомнились рассказы деда и соседа дяди Пети, потерявшего в Отечественную войну ногу. Было странно ощущать отголоски той войны на себе сейчас, спустя пятьдесят лет.

— Да-да, — повторил он, — Киев, да. Нах Бад Креолах туда, — он махнул рукой на дорогу, уходящую к северо-западу от деревни. — Пятнадцать километров. Через лес и автомагистраль.

— Большое спасибо, — мы встретились с ним глазами.

Он ещё раз едва заметно усмехнулся:

— Не стоит.

Остальные молча смотрели на меня. Я сел в седло и, крутанув педали, поехал по указанному пути. Оглянулся и махнул им рукой. Двое или трое махнули мне вслед, что-то пробормотав при этом. Остальные стояли, не шевелясь.

Бутылка воды

Мои сумки доверху набиты необходимыми в пути вещами и продуктами. Здесь и палатка, и спальный мешок, и шерстяной костюм. Продукты тоже разные и много — привычка русского человека. Мы любим, чтобы у нас всё было с запасом. Но у меня ещё и глаза завидующие — вдруг печенье в другой упаковке окажется вкуснее! Вот и везу половину продуктового магазина с собой.

Прямо под рукой поверх вещей пластиковая бутылка с водой. Это техническая вода, пить её нельзя, можно отравиться, она для умывания, мытья посуды и других подобных целей. Я набираю её в колонках, изредка встречающихся на улицах небольших городков и на заправках. Хотя по собственной безалаберности с колоночной водой попал я однажды в неприятную историю.

Покупать воду всегда казалось мне, по меньшей мере, странным — вода, она и есть вода, вроде бы в каждом доме имеется. И ехать я люблю налегке, стараюсь водный баланс держать под контролем — не пить слишком уж много. Мне кажется, что так легче на колёса «намаываются» километры.

Когда я подъехал к немецкой границе, было довольно прохладно и пить не хотелось. Да что там пить — в одну из ночей лил дождь, моя палатка промокла насквозь, было холодно, и на следующий день только движение согревало меня. Для пополнения запасов жидкости мне вполне хватало пакета молока и пакета сока — я сдабривал ими свою трапезу.

Смена погоды произошла почти незаметно. Утром следующего дня исчезли облака, будто их никогда и не было. Солнце поднялось высоко и обрушилось, запылало сухим раскалённым огнём. Не спасло и движение. Когда, не напрягаясь, едешь, ветерок обдувает, и жара переносится не слишком тяжело. Но на сей раз всё было иначе. Я мгновенно превратился в кусок растаявшего студня. Нет, я ещё сопротивлялся какое-то время, храбрился, стараясь расправить плечи и пытаюсь удержать ясность взгляда. Борьба длилась не очень долго. Я решил отпить из коробки немного сока, предназначенного для ужина, в надежде, что это приведёт меня в чувство. Мне удалось сдержать желание выпить всё сразу, остановиться после нескольких глотков и продержаться ещё минут пятнадцать. Затем я опять остановился и отпил ещё раз, и ещё. Сок скоро закончился, чувство жажды стало нестерпимым, пить мне уже захотелось по-настоящему, и я почти с благоговением остановился у небольшой колонки на улице очередного на моём пути городка. Я пытался убедить себя, что только наберу технической воды и как следует умоюсь, ну, в крайнем случае, прополощу рот, но вода так притягательно блестела в бутылке, что я не удержался и, больше не сдерживая себя, напился. Я пил и пил не останавливаясь, чувствуя, как гаснет жажда, словно залитый костёр. Не думаю, что у меня просветлел взгляд после этого, скорее всего, наоборот, посоловел. Но теперь я уже двигался вперёд чуть бы-

стрее. Время от времени я останавливался, доставал лежащую под рукой бутылку и делал несколько неторопливых глотков. Наступил вечер. Жара спала, лишь в теле осталась какая-то ломота и чуть шумело в голове. Усталости не чувствовалось, есть не хотелось.

— Мне надо попасть на Айзенах, — остановился я напротив рыжего панка, метущего асфальт около небольшого магазина.

Одет этот совсем молодой парень был в выцветшую линияющую майку и рваные на коленях джинсы. Вся голова, за исключением длинной узкой полосы, тянувшейся ото лба к затылку, была у него чисто выскоблена. Волосы на оставленной полоске, словно скальп у индейца, были тщательно начёсаны и торчали вверх, словно растопыренная пятерня руки. Он внимательно посмотрел на меня, застыв как изваяние, затем заулыбался и, не бросая метлу, а прижав её к себе, начал что-то объяснять, отчаянно жестикулируя при этом. Из объяснения я понял, что еду в правильном направлении, но мне показалось, что его слова довольно больно бьют меня по голове.

«Странно как-то. Перегрелся что ли?» Я поблагодарил парня и поехал дальше. Он ещё что-то заботливо кричал вслед, словно предостерегал меня, но я почему-то больше не хотел с ним разговаривать — неожиданно исчезло желание останавливаться, оборачиваться и слезать с велосипеда.

Парень оказался прав — после третьего светофора я, свернув направо, выехал из городка и увидел нужный мне указатель. Дорога показалась узкой. Два раза я соскакивал на обочину, еле удерживаясь в седле.

«Что-то не то со мной, — опять завертелась в распухшей голове мысль. — Надо вставать на ночлег».

Мне повезло — дорога свернула под полог густого,

мрачного леса. Я отъехал с полкилометра от опушки и ушёл с дороги в чащу. Обессиленный, разбил палатку и не раздеваясь, заполз внутрь. «Отлежусь», — вспыхнула и тут же погасла мысль.

Проснулся посреди ночи. Состояние было паршивое. Хотелось вертеться волчком на месте. Живот горел огнем, и нестерпимая резь буквально сгибала меня пополам. В голове перекачивалась боль, и слышался странный металлический скрежет, словно несколько человек пытаются расправить в руках огромный лист жести, заставляя его «играть» на весу. При этом мне чудилось, что я стою на краю глубокой пропасти с какими-то неровными краями, а в лицо мне дико хохочет молодой рыжий панк, и «ирокез» на его макушке мелко дрожит. Не помня себя, я вывалился из палатки и, не пытаясь встать, пополз на четвереньках в сторону.

Меня начало рвать. Казалось, лопнули внутренности, я ждал, что они сейчас оторвутся, и придется выплёвывать на траву их жалкие, искромсанные остатки. Я приподнялся и сбросил одежду — хотелось остаться голым, чтобы ночной воздух хотя бы чуть-чуть освежил пылающее, исходящее потом тело. Ноги дрожали и едва держали, словно мне вот-вот предстояло сделать первый шаг в жизни, но голова перестала звенеть. Я поднял лицо вверх — звёзды сверкали так ярко, что казались искусственными.

С трудом передвигая внезапно одеревеневшие ноги, я доковылял до палатки, не пытаясь искать разбросанную на поляне одежду. Немного постоял, собираясь с силами перед попыткой забраться внутрь, — в палатку нужно было забираться на четвереньках. Уже наполовину протиснувшись через узкий вход, я несколько мгновений лежал без движения, переводя дух. Это действительно высосало последние остатки сил. Я как-то подтянулся

на руках, поджал под себя ноги и вновь замер на какое-то время. Затем развернулся, застегнул «молнию» входа, забился в спальник и теперь уже рухнул окончательно, надеясь, что всё позади.

Но на этом мучения не закончились. Внезапно меня охватил озноб. Тело дрожало так, что, казалось, кости просто разобьются друг о друга на мелкие осколки. Я попытался пальцами прижать нижнюю челюсть к верхней, опасаясь за зубы, сжался в комок и напряжением мышц попытался унять дрожь. Через несколько минут мне это удалось, я расслабился и уснул.

Утро получилось небывало затянутым. Собирался долго, то и дело опускаясь на свёрнутый спальник мешок, едва переводя дух. На еду смотреть не хотелось.

Выбравшись на дорогу, я, вяло передвигая ногами, двинулся вперёд. Впервые не хотелось вертеть головой по сторонам — взгляд упрямо возвращался куда-то под переднее колесо. Обед пришлось отменить; я расстелил спальник и в бессилии лежал без движения часа полтора, рскинув в стороны руки и ноги.

Вообще же, всё обошлось довольно благополучно. Через два дня я уже ел фрукты, а через три — восстановил свой тип питания, но к технической воде стал относиться очень осторожно и никогда больше не повторял подобных ошибок.

Цурюк!

Позади уже почти вся Восточная Германия. Граница проходит по гребню горного массива, вдоль которого сейчас лежит мой путь. Дорога хоть и ровная, но неширокая — это второстепенная трасса местного значения.

Движение вялое, едва заметное. Серая лента долго бежит почти по прямой линии, изредка огибая щупальца-отроги или взлетая на невысокие взгорки. Наконец, словно оттолкнувшись от очередного холма, ныряет в крохотный полусонный городок с тихими улицами, зелёными парками и старинными фасадами домов.

Мне навстречу попадает несколько повозок, украшенных разноцветными лентами. Их легко везут могучие лошади-тяжеловозы, фыркающие и мотающие головами, с подстриженными гривами и длинными, развевающимися на лёгком ветру хвостами. Я останавливаюсь, чтобы лучше рассмотреть довольные лица людей, сидящих в повозках, бросающих на меня равнодушные взгляды. Иногда совсем слезаю с велосипеда, оставляю его, прислонив к стене какого-нибудь дома, и хожу с фотоаппаратом, пытаюсь хотя бы на миг превратиться в художника и занять достойный кадр. Сегодня воскресенье, жители городка отдыхают и никуда не торопятся. Кажется, что и солнце не спешит закончить свой путь, оно висит над крышами домов, словно наблюдает за праздником, и лишь стрелки часов на главной башне ратуши терпеливо отсчитывают минуты.

Магазины закрыты уже второй день, но продукты у меня ещё есть, на сегодня хватит, я позаботился о них ещё в пятницу. Есть и питьевая вода — после случая с технической водой, доставившего мне столько неприятностей, не пью никакой другой, кроме покупной. Я бережно расходовал запасы питьевой воды, совсем забыв о хозяйственных нуждах. Техническая вода нужна, и я высматриваю колонку где-нибудь впереди. Но городок заканчивается, остаются позади последние дома, лишь большой сад из фруктовых деревьев ещё тянется вдоль дороги, да чуть в стороне виднеются ворота стадиона. Выкатываю на бего-

вую дорожку, шурша колёсами по гравию, медленно еду, осматриваясь по сторонам. Нет, колонки нет, — стадион маленький, школьный, наверное. Останавливаюсь в раздумье. Достаю карту. Ещё раз просчитываю расстояния. Следующая деревенька будет километров через двадцать пять. Впереди лес — прекрасное место для ночлега. А воды нет. Возвращаться назад на поиски водопровода не хочется. Неожиданно обращаю внимание на одинокий дом. Я не заметил его сразу. Он как-то затерялся посреди яблонь и груш, окружающих стадион. Ну, теперь все, выйду из положения! Здесь мне помогут!

Оставив велосипед прямо на беговой дорожке и вооружившись пустой пластиковой бутылкой, я скорым шагом направляюсь к невысокой металлической калитке. Вот и она. Нет ни звонка, ни колокольчика. Не похоже, что есть собака. Что же делать? Постучать? Пожалуй. Наверняка услышат. Калитка оказалась не запертой и широко раскрылась с противным скрипом, едва я тронул её рукой.

— Что ты хочешь?

Я невольно вздрогнул и захлопнул дверцу, а затем, присмотревшись, в глубине сада заметил большое соломённое кресло, с которого резко встал мужчина и не очень твёрдым шагом направился ко мне. Высокий, с небрежно растрёпанными довольно длинными волосами, сальными сосульками свисавшими на щеки и глаза, в майке-безрукавке и истёртых джинсах, он довольно быстро приблизился к калитке. Его рука с мясистыми короткими пальцами легла сверху на решётку.

— Что ты хочешь? — густым низким голосом повторил он свой вопрос, скривив губы в брезгливой усмешке.

— **I need little water (мне нужно немного воды),** — пробормотал я по-английски, подняв вверх дном пустую

бутылку и уже жалея об этой своей попытке. — Колонка, water pump, водопровод?! — мешая русские и английские слова, продолжил я.

Он усмехнулся:

— Кóммунист?! — открыв калитку, немец подошёл вплотную ко мне. — Зóльдат?

— Да нет, найн, — пытаюсь сохранить улыбку и доброжелательное выражение, торопливо ответил я на его вопрос. Ситуация показалась смешной и какой-то нелепой. — Ельцин, демократия, — словно оправдываясь, пробормотал я. — Учитель, teacher, найн солдат. Учитель географии... — я почувствовал, что неловко смешиваю русские, немецкие и английские слова, тщетно пытаюсь объяснить суть своей просьбы. — Путешествую по вашей стране, travel... — я неожиданно запнулся, наткнувшись на недобрый взгляд пьяных глаз.

— Воды, русский? Для тебя десять марок, — его глаза наполнились презрением, — бесплатно не налью.

— Нет, спасибо, данке, — ответил я, желая прекратить бестолковый разговор, — я питьевую воду покупаю в магазине, а за водопроводную воду деньги платить не буду. Смешно это. И вообще, я колонку ищу. Water pump. Извините, — я повернулся и пошёл к своему велосипеду, жалея о потерянном времени.

— Эй, дер руссе, цурюк! — совсем как во многих прочитанных книгах об Отечественной войне раздался за спиной властный, жёсткий окрик.

Я почувствовал, что кожа на моей голове, на лице будто вспыхнула жарким огнём, череп сначала словно стянуло раскалённым обручем, а затем разорвало на мелкие части. Тело передёрнуло помимо моей воли. Я развернулся и резко пошёл навстречу немцу.

— Ах, цурюк...

Я не знал, что сделаю, как отвечу, не знал, смогу ли удержать себя в руках. Пальцы невольно сжались в кулаки, брови сомкнулись единым комком у переносицы, и я сам удивился, услышав вырвавшиеся из моего горла матерные ругательства, злыми серыми псами рванувшими вперёд. Немец вмиг осел, стал меньше ростом, внезапно превратившись в толстого, неуклюжего человека с рыжими волосатыми руками и бегающими глазами. Неловким, чуть судорожным движением он смахнул со лба крупные капли пота и, пытаясь скрыть растерянность под кислой улыбкой, отчаянно закивал головой, бормоча что-то, вставляя слова из русского языка, стараясь свести к шутке наметившийся было почти международный скандал. Открыл калитку, приглашая меня войти. Мой боевой пыл угас, словно на горячую каменку плеснули разом ведро холодной колодезной воды, но внутрь, за калитку, я не пошёл, отказался, ожидая немца снаружи и сожалея о неожиданно вспыхнувшей ссоре. Тот, торопливо семеня ногами, вернулся, протянул мне наполненную пластиковую посудину. Пальцы его рук слегка подрагивали, а веки глаз, мне кажется, хлопали чуть чаще, чем раньше. Я молчал, но несколько секунд безуспешно пытался поймать его взгляд.

— Спасибо, данке, — забрав воду, я пошёл к велосипеду, не дождавшись ответа. Пальцы никак не могли справиться с крепёжной резинкой, когда я пытался приладить бутылку на багажнике. Почему-то захотелось расплакаться в голос или заорать дико, по-звериному. Во рту стоял какой-то непонятный, горький, противный вкус, словно меня только что стошнило.

Бутылка, наконец, заняла на багажнике своё место. Я сел в седло и медленно поехал вперёд, шурша гравием и не оглядываясь назад.

Соревнование

Эта встреча произошла в горах Шварцвальд в Германии. Было восемь часов утра. Дорога поднималась высоко в горы, вверх по течению небольшой реки, полностью повторяя все её изгибы. Накануне я заночевал в лесу, на её берегу. Ночёвка получилась хорошая, посреди дремучего леса. Когда палатку ставил, старался по возможности даже траву не помять — такой красотой лес одарил. Одно было плохо — до перевала я не дотянул, устал, и вот дорога с самого утра идёт всё вверх и вверх. И так, судя по карте, будет продолжаться ещё добрых восемь-десять километров. Велосипед старенький, трёхскоростной. Я собирал его сам из деталей различных марок велосипедов. Кручу, терплю, потею. Тяжело. Да и перемолвиться словом не с кем.

Неожиданно слышу позади тяжёлое дыхание, затем щелчок, характерный при переключении скорости у горного велосипеда. Меня обходит велосипедист-немец. Успеваю бросить на него взгляд. По всем показателям — это любитель покататься, хотя специальной велосипедной формы на нём нет, за исключением велошлема. Одет в шорты и майку, как и я. Майка мокрая, капли пота падают на руль. Сидит прямо, из стороны в сторону не елозит. Руки жилистые, икроножная мышца, как небольшой кочан капусты. Улыбается мне снисходительно, переводит взгляд на флажок России, прикреплённый к стойке руля, и уходит вперёд.

Ну уж дудки! Не на того напал! Переключаюсь на пониженную скорость, налегаю на педали и догоняю немца. Проезжая мимо, улыбаюсь ему чуть злорадно — что, взял? Он качнул головой, усмехнулся. Принял игру. Включился в соревнование. Слышу сзади щелчок от пе-

реключения скорости, и вот уже он опять, улыбаясь мне, уходит вперёд. Мне переключать нечего, но я упираюсь, давлю на педали изо всех сил и вновь обхожу неожиданно появившегося соперника, не забыв ему улыбнуться. Рывок даётся тяжело, но что не сделаешь для защиты родного флага и уязвлённого самолюбия? Он опять переключается, догоняет меня, но, поравнявшись, не спешит уехать вперёд. Вместо этого, едва сдерживая дыхание, начинает разговор. Я, честно сказать, рад этому. И вот мы, обливающиеся потом велосипедисты, пытаемся общаться, призвав на помощь все свои познания в английском языке и физические силы, которые тают на подъёме очень даже быстро. Узнаю, что он крутит свой ежедневный круг протяжённостью сорок километров. В будние дни ему приходится вставать для этого в пять утра. В субботу и воскресенье можно поспать подольше, именно поэтому мы с ним на этой горке сейчас и встретились. Немца зовут Курт. Он состоит в каком-то клубе и получает за свои тренировки различные значки. Ими усыпан специальный вымпел, прикреплённый к рулю. Я, в свою очередь, говорю не без гордости, что путь держу из Парижа, а еду домой, в Россию.

— О, из Парижа?! Далёкий путь. Тебе, наверное, тяжело. Твой велосипед старый, музейный. Но тренировка у тебя приличная, — говорит Курт. — Будь осторожен. Дальше будет крутой спуск с опасными поворотами. После тяжёлого подъёма эти повороты проходить нелегко — внимание слабеет.

Завершив подъём, немец некоторое время сопровождает меня, стараясь одновременно восстановить дыхание, а затем, махнув на прощание рукой, уходит в сторону по какой-то второстепенной велосипедной дорожке. Я продолжаю путь один.

Оптимальный груз

Границу с Францией я пересёк в местечке Берсу. О том, что я перешёл рубеж двух государств, говорил ржавый помятый жестяной щит с облупленной краской, покосившийся полосатый столб да поломанная полицейская будка. Ещё сменился цвет асфальта — он приобрёл какой-то синеватый отлив.

Я остановился отдышаться — граница проходит по самой вершине горного хребта — я поднимался сюда долго, часа три с лишним. Во время подъёма в спину бил лёгкий ветерок. Он скорее не помогал, а только нагонял жар, поднимая вверх раскалённый воздух, и тот обволакивал всё тело, словно пар от каменки в бане. Пот крупными каплями собирался на лбу и на щеках, стекал по лицу, оставляя липкие и какие-то жгучие полосы.

Я прислонил велосипед к дереву и достал из-под клапана рюкзака бутылку с водой. Крышка всё никак не хотела отворачиваться — потные пальцы скользили по ребристой её поверхности, а я от нетерпения готов был разгрызть её, как орех, зубами. Наконец крышка отвинтилась, я плеснул себе на руки воды, умылся с наслаждением, чувствуя, как кожа на лице опять начинает расправляться и дышать, затем проверил крепёж болтов на колёсах и пошёл к будке. Обошёл её кругом, провёл рукой по обшарпанному подоконнику. Несколько лет назад я бы здесь так просто не проехал. Вот из этого окна выглядывала тогда строгая физиономия таможенника, перекрывающего взглядом дорогу, словно шлагбаумом. Не каждого он пропускал, это уж точно. Сейчас будка покосилась — видимо, её настойчиво громили «борцы» за единый мир, и вид у неё теперь жалкий. Поломанная дверь валяется на земле, стены ободраны и исписаны.

Почти вся площадка густо заросла кустарником и сорной травой — не очень-то это похоже на любящую порядок Европу. Тишина. Вовсю щебечут птицы. Воробьи купаются в оставшейся после вчерашнего дождя неглубокой луже — ныряют друг перед другом, точно соревнуются. А может быть, это у них такой ритуал своеобразный или смотрины?

Пот высох. Дыхание восстановилось, усталость припустилась, лишь мышцы кажутся вытесанными из дубовых веток — они потеряли привычную упругость и эластичность.

Пора доставать французские деньги. У меня их не много — всего-то двести пятьдесят франков. Достаю и перекладываю их поближе — скоро пригодятся. Проверяю заодно и сумки. Так, что мы имеем из продуктов? Колбаса, сыр и сок — не богато, нужно искать магазин.

Сажусь на велосипед и качу вниз. Ветер со свистом летит назад, бесшумно вращаются втулки обильно смазанных маслом колёс. Влетаю в небольшой приграничный посёлок. Асфальт сменяется выложенной тёсаным камнем мостовой, предлагающей замедлить бег и пройти по тихим узким улочкам на малом ходу. Спрыгиваю с велосипеда и ступаю на тротуар.

Голуби кружат вразнобой над площадью перед ратушей. Они высаживаются рядом на спинках литых скамеек в ожидании обязательного угощения. Точно — какой-то немолодой человек неторопливо проходит через площадь, останавливается на несколько коротких минут и крошит им хлеб. Голуби моментально срываются со своих мест, машут крыльями, налетают друг на друга, словно кулачные бойцы, пытаясь вырвать лучший кусок, горланят, как гуси на выпасе. Человек терпеливо заканчивает свою добровольную работу и неспеша уходит дальше.

Тихо звякает колокольчик — из соседнего магазина выходит невысокая миловидная женщина и, не глядя по сторонам, лёгкой походкой переходит улицу — лишь каблучки её тихонько цокают по твёрдому камню тротуара. Её шляпка, словно большая бабочка, плывет по воздуху, будто сама по себе.

У булочной стоит мужчина в жилетке и панаме с опущенным книзу пером. Попыхивая трубкой, он провожает меня взглядом. Что-то мешает мне остановиться и заглянуть в булочную. Может быть, его настороженные глаза? Я ещё совсем не знаю Франции и легко могу нарушить хрупкость устоявшихся здесь традиций. Скорее всего, меня пугают чуть завышенные цены крошечных магазинов, необходимость обязательного частного — «домашнего» — общения с продавцом, скудость моего кошелька, и не отпускает надежда отыскать большой продовольственный супермаркет.

Машин нет, городок совсем маленький, ещё немного, и он остаётся только в воспоминаниях. Хотя нет — фотографию на память я всё-таки делаю.

Еду дальше, надеясь убежать от туч, внезапно возникших позади, на хребтах только что пройденных Арденн. Спешу. Кручу педали, позабыв о магазинах и продуктах. Мои усилия тщетны. Дождь накрывает — мне ли тягаться с ним! Ищу пристанище — лесов поблизости нет, лишь обработанные поля кругом. Земля скупая — глинистая, вязкая, с дороги не сойти.

Приют нахожу под навесом. Похоже, здесь складывают тюки сена во время сенокоса. Вот и сейчас — несколько их сложены аккуратной стопой у одной из сторон. Ставлю два тюка рядом друг с другом, и на получившейся площадке раскидываю спальник. Ужинаю остатками своих запасов и забираюсь в спальный мешок. Палатку

разбивать вовсе не обязательно — змей, говорят, давно нет, а комары какие-то слабосильные и роями летать не любят — не приучены к коллективизму. У местного комара хоботок длинный и, мне кажется, тяжёлый. Комар его с трудом носит, словно носильщик перетаскивает прижатый спереди двумя руками тяжёлый багаж.

Один из кровососущих долго летает перед моим лицом. Наконец садится на руку и замирает без сил, лишь пищит от своей непомерной ноши и затраченного на перелёт труда. Спустя пару минут, собравшись с силами, начинает ходить по руке, время от времени тычась хоботком в кожу, словно выискивает тонкое место. Он какой-то большой и нескладный, движения его аляпистые, будто комар страдает артритом или радикулитом. Мне надоедает деловитость залётного пришельца, я сшибаю его несильным щелчком. Он улетает куда-то в траву и ещё долго обиженно зудит там, пытаясь выбраться из зарослей. Затем улетает, не возобновляя больше попыток поживиться у меня.

Я ещё какое-то время наблюдаю за низкими бесконечными тучами, за струями дождя, по-осеннему посыпающими покрытые виноградными зарослями окрестные склоны. Вода стекает с крыши навеса, не падает за шиворот. Уютно.

К утру дождь прекращается. Валы туч ещё перекатываются по небу, как бесконечные стада молчаливых овец, но дождя нет. Собираюсь быстро, выхожу на асфальт и еду вперёд. Рано. Дорога пустынна. Вот она падает вниз — спуск с гор продолжается. Облака остаются наверху, а я выкатываю в широкую долину. Начинает грызть голод — сказывается вчерашняя нагрузка. Сейчас захотелось есть уже по-настоящему. Мне везёт, почти сразу натыкаюсь на большой продоволь-

ственный супермаркет. Поспешно и нетерпеливо ставлю велосипед недалеко от входной двери у стены и, зажав в руке кошелёк, бегом устремляюсь в магазин.

У входа стоит охранник — огромный негр в безупречно сидящем на могучем теле костюме, с кобурой на боку и рацией в руке. Белые зубы блестят — охранник улыбается широко и показывает на часы:

— Ещё три минуты до открытия магазина, подожди! — негр продолжает улыбаться — похоже, он очень гордится своими крепкими налитыми зубами.

Киваю в ответ:

— Ясно!

Похоже, я первый посетитель сегодня. Дверь открывается, залетаю в магазин. Глаза разбегаются. Цены вполне приемлемы. Чувствую, как меня начинает раздражать голод. Слюна заливает рот, еле успеваю её сглатывать. Сыр? Беру! О, пицца! Не будет ли большим круг? Э, съём! Так. Батоны. Длинные, французские! Наверное, вкусные?! Один взять? Мало! Беру два. Молоко. Ура! Беру два пакета. Всё, не унести больше.

Подбегаю к кассе. Всего-то десять франков! Расплачиваюсь, выхожу на улицу. Складываю провизию у велосипеда, оглядываю со стороны. Нет, мало. Надо побольше набрать, — вдруг супермаркетов больше не будет по пути! Да и цена смешная!

Оставляю купленные продукты на месте, а сам торопливо возвращаюсь, будто боюсь, что появятся новые покупатели и растащат продукты, или продавцы передумают и закроют магазин. Пробегаю мимо охранника. Тот улыбается с некоторым удивлением на лице, провожая меня недоумённым взглядом. Через пять минут я возвращаюсь. У меня в руках ещё одна пицца, лимонад, батон, консервы и котлеты. Охранник стоит как вкопанный,

словно ворон на ветке, только голова его поворачивается мне в след. Его улыбка застывает на лице. Складываю покупки у велосипеда, но алчность пересиливает, и я бегу в магазин в третий раз. Теперь я несу фрукты, жареную курицу и четвертый батон. Проходя мимо негра, подмигиваю ему. Он, не закрывая открытого настежь рта, кивает мне в ответ и мычит что-то нечленораздельное. Белки его глаз ярко сверкают на чёрном лице.

Я кладу партию закупленных продуктов на землю и с удовольствием зажимаюсь. Теперь можно есть, не подсчитывая каждый грамм! Так, что я в начале съем? Пиццу с лимонадом! Но сначала нужно растолкать всё по сумкам.

Так, с чего начнём? Раскрываю клапан рюкзака и запихиваю консервы. Затем так же складываю сыр и котлеты, прячу молоко. Пытаюсь приладить батоны — и так их верчу, и эдак — ничего не получается. Они в руках у меня, как поленья дров. Бросаю их назад, оставив один. Нет, так не годится! Я ещё секунду держу батон в руках, затем складываю его гармошкой и сую в сумку. Охранник раскрывает рот ещё шире. Я киваю ему ободряюще — ничего, мол, выживем! Негр, не закрывая рта, пытается выдавить из себя смех, но, мне кажется, что он позабыл о своей службе и о магазине, превратившись в искусно изготовленного деревянного истукана с неправильно вырезанной, перекосившей лицо улыбкой.

Я продолжаю складывать батоны друг за другом. Они ломаются, сплюсчиваются и напоминают мне сейчас подошвы старых ботинок. Фрукты, курица и одна пицца не умещаются, и приходится привязывать пакеты прямо к рюкзаку или вешать на руль. Спустя несколько минут, махнув охраннику рукой на прощание, я выезжаю на до-

рогу. Проехав несколько сот метров, останавливаюсь — надо подкачать камеры колёс и позавтракать. Ехать тяжело — мотает из стороны в сторону, как будто колёса моего велосипеда открутились и болтаются в вилках сами по себе. Останавливаюсь и достаю свой завтрак — пиццу с лимонадом. Съесть удаётся только половину, но оставшуюся часть я бережно пакую и укрепляю на багажнике.

Жить можно! Продолжаю путь. Через пятнадцать минут вижу ещё один супермаркет, спустя час — ещё один. На улице небольшого городка мне встречаются фруктовые магазины с ценами на фрукты вдвое ниже, чем увиденные в супермаркете. А батоны, которые я про себя окрестил «подмётками», очень даже уступают маленьким булочкам, невероятно воздушным, мягким и вкусным, и буквально напоказ выставленным в каждой второй витрине. Батоны свои я ещё некоторое время везу из упрямства, но для каждого очередного обеда подкупаю в магазинах эти булочки, и спустя день скармливаю батоны голубям. Курицу мне приходится делить с каким-то симпатичным псом, разгуливающим по огромному парку в пригороде Метца. Пёс не голоден, и моё угощение он долго нюхает, прежде чем решает-таки подкрепиться. Только тут, в парке, глядя на этого пса, я полностью оцениваю глупость своих действий и ненасытность своих завидующих глаз. Мне становится смешно и стыдно. Я перетряхиваю содержимое своих сумок, стараюсь больше не заходить в магазины, но лишь через два дня вес рюкзака снижается до оптимального.

Ещё два дня спустя я еду в сторону Парижа налегке. У меня в сумках еды на один перекус. Я стойко объезжаю супермаркеты, заглядывая в небольшие кафе в деревеньках, встречающихся на пути.

Карта

Я в Париже. Вообще, чувство странное. Я мечтал увидеть столицу Франции давно, а когда бродил по его улицам чувствовал лишь какую-то непонятную слабость и ватность в теле, будто тела самого и не существует вовсе, а я так, во сне здесь, а не наяву. Со всех сторон обрушилась на меня французская речь, я словно плыл посреди словесного потока, и казалось, что меня никто не видит, а я сам сейчас проснусь, и всё исчезнет, забудется, и сотрётся из памяти, как это обычно бывает утром.

Но день всё не кончался, бесцельно бродить по городу мне надоело, и я решил купить карту города. Но где? Мне приходилось слышать, что даже в табачном киоске можно найти такую мелочь, но кроме небольших бистро я никаких киосков не видел. К тому времени я забрался куда-то далеко от центра — улочки были ужасно узкие, мощёные тротуары сплошь забиты снующими туда-сюда людьми, и даже спросить помощи, казалось, было не у кого. Я остановился в нерешительности, оглядываясь по сторонам.

У противоположной стены стояла молодая симпатичная девушка. Опершись о стену спиной и подошвой, согнутой в колене ноги, она элегантно подносила к тонким чувственным губам длинную сигарету. Дымок нехотя поднимался вверх и садился на её густые чёрные волосы. Она медленно обводила взглядом толпу, словно ждала кого-то. Казалось, девушка никуда не спешила. «Вот кто мне поможет», — подумалось мне, но я, на всякий случай, прежде чем подойти, постоял несколько минут поодаль и понаблюдал за ней. Едва уловимо она отличалась от остальных. Быть может, юбка её была чуть короче, или движения чуть более раскрепощены? Наверное, но за

две недели пути я привык по примеру местных жителей не выставлять напоказ своего интереса или удивления. Я подошёл и поздоровался по-французски:

— Бонжур!

На этом, собственно, знание языка у меня закончилось. Девушка лишь слегка повернула в мою сторону голову, затем неглубоко затянулась и, выпустив струйку дыма, обвела меня сверху донизу бесцеремонным изучающим взглядом. Слегка улыбнулась:

— Бонжур, — и застыла в ожидании.

Я же продолжал глупо улыбаться и смотрел на неё, словно надеясь, что она заговорит по-русски. Пауза затянулась.

— О-о, — она махнула ладонью перед моими глазами и произнесла ещё что-то. Я чуть торопливее, чем нужно, попытался высказать ей свою просьбу. Из всего моего объяснения она, видимо, поняла только одно слово — «табак», и с готовностью, но чуть небрежным жестом протянула мне распечатанную пачку сигарет.

— Нет, — закачал я головой. — Не табак, карта, — map! — и опять взялся за объяснение. Интерес в её глазах потух. Она чуть усмехнулась и кивнула куда-то за угол.

— Агош, — вяло пробормотала девушка и, отвернувшись, вновь принялась выглядывать кого-то из прохожих безразлично-внимательным взглядом.

Я свернул за угол и почти сразу наткнулся на табачный киоск. Зашёл внутрь и долго выбирал карту. Наконец мне понравилась одна — довольно подробная, с указанной здесь же пригородной зоной. Я расплатился и вновь вышел на улицу. Посмотрел по сторонам, отыскивая указатель с названием улицы. Затем развернул карту и попробовал сориентироваться. Попытка оказалась безуспешной — я даже приблизительно не знал района своего

нахождения. Ещё раз огляделся по сторонам. Эйфелевой башни отсюда видно не было — стены домов сплошной преградой перекрывали обзор. «Может быть, ещё раз обратиться к той девушке, — подумалось мне, — похоже, она неплохо ориентируется в городе». Какая-то смутная нерешительность удерживала меня, но желание как можно быстрее попасть к Триумфальной Арке пересилило.

Я вышел на уже известную мне улицу. Моя давешняя знакомая всё ещё была там, где мы с ней расстались. Но сейчас она разговаривала с пассажиром небольшой легковой машины, появившейся совсем недавно. Девушка стояла, склонившись к водителю, положив локти на опущенное стекло. Юбка действительно была излишне коротка, и тут я неожиданно понял её интерес, мне стало смешно и как-то неловко.

Я медленно пошёл по улице и почти сразу увидел полицейскую машину, которая, крадучись, чтобы не наехать на кого-нибудь из пешеходов, продвигалась мне навстречу. Я остановил её. Один из полицейских вышел, терпеливо выслушал объяснение на моём исковерканном английском языке, улыбнулся и взял в руки карту. Несколько секунд он вертел её в руках. Затем почесал затылок, переглянулся со своим напарником, чуть кашлянул и махнул рукой вдоль улицы, словно отметил линию от её начала к концу. Указал на карте. Затем показал рукой на переулок, перпендикулярно отходящий в сторону, и жестами объяснил, что людей в том переулке меньше, и я без помех доберусь до проспекта, по которому на велосипеде ехать будет гораздо проще. Напоследок мы ещё раз улыбнулись друг другу, и он спросил название моей страны.

— Россия, — не без гордости ответил я, и полицейский ещё больше оживился и закивал головой. Его напарник поднял через открытое боковое стекло руку с растопы-

ренными пальцами и помахал ею. Они ещё раз, в оба голоса, повторили, что по проспекту до Арки добаться будет проще. Я кивнул головой и пошёл в переулок. Здесь любопытство чуть пересилило. Я бросил взгляд на угол. Девушки уже не было на месте. Исчезла и машина. Я оглянулся. Полицейские смотрели мне в след.

Тудруа*

Я медленно еду вперёд. Дорога, как и везде в Европе, превосходная. Асфальт ровнёхонький, без единой кочки или выемки.

Четыре дня назад я оставил позади Париж, пересёк север Франции и вот еду по Бельгии. Честно сказать, различий почти никаких — разве что язык не французский, скорее, просто густая, чуть шипучая смесь немецкого и английского. Карта говорит, что скоро очередная граница, на сей раз с Люксембургом. Внимание на пределе — я боюсь пропустить нужный мне поворот.

Вдруг дорога заметно расплзается в стороны, и я выезжаю на широкую заасфальтированную площадку. Здесь сгрудились машины — стоят рядами, как на торжественном смотре. Это дальнобойщики. Они, пожалуй, подскажут мне дальнейший путь, они всё знают, не ошибутся. Спрыгиваю с велосипеда, иду меж рядов: может быть, есть среди них русскоязычные? Мне везёт — водитель крайней машины понимает мой язык, он словак. Перебрасываемся несколькими фразами. Он вспоминает некоторые слова — учил когда-то в школе. Его словарного запаса хватает.

* Тудруа (фр. tout droit) — прямо (*прим. автора*).

— Сейчас через пару километров будет поворот направо, тебе туда, — словак говорит наставительным тоном, чуть сдвинув брови. — Дальше дорога поднимается куда-то вверх — там развилка. Не ошибись! — восклицает словак, — тебе не вправо, а влево! Это уже Люксембург. А до города — по указателям. Не заблудишься!

— Будь спокоен, не ошибусь! — я не скрываю радости. Люксембург не просто государство — герцогство, да ещё Великое!

— По знакам ориентируйся, — крикнул вдогонку дальнобойщик, — знаки там другим цветом окрашены!

Я одним махом пролетаю два километра и выскакиваю наверх. Точно! Синий фон дорожных указателей сменился на жёлтый. Так, развилка. Дорога расходится на две стороны. Мне налево. Сворачиваю и ещё некоторое время еду, посматривая по сторонам. Птицы — те же самые, что и в Бельгии, — для них границ не существует. И запах вроде бы тот же — чистый. Зеленью пахнет, цветами какими-то. Вот в чём отличие — дома другие! Без углов, будто срезаны углы. И замки старинные высятся острыми длинными шпилями посреди пшеничных полей. Красиво!

Дорога неожиданно заканчивается, вернее, опять расходится на две стороны. И та, и другая стрелки возвещают о приближающейся столице Великого Герцогства, после минутного замешательства сворачиваю вправо. А вот дальше заминка — дорога разбегается солнечными лучами во все стороны, и куда держать путь, не знаю. Некоторое время стою в раздумье — хоть назад возвращайся. Оглядываюсь по сторонам.

Немолодой уже человек копошится у аккуратного домика. Он старательно стрижёт большими ножницами

кустарник. Лицо интересное — пухлое, с круглыми, похожими на два спелых яблока, щеками, ямочкой на подбородке и стрижкой «ёжиком». Одет в длинные шорты и майку-безрукавку. Поверх одежды — широкий кожаный фартук с огромным карманом, из которого торчит ручка ножовки и что-то ещё. Ну что, пожалуй, нужно спрашивать дорогу. Оставив велосипед на обочине, иду к «садовнику».

— Бонжур, — по французской привычке говорю я, а дальше упираюсь в языковой барьер. Заминка длится недолго. Быстро вытаскиваю карту и, найдя столицу Люксембурга, перекрываю его указательным пальцем. — Люксембург, — бормочу я и активно пожимаю плечами, пытаюсь таким образом показать, что не знаю дороги. Человек смотрит на меня с недоумением. Я опять повторяю — Люксембург! — и вновь начинаю пожимать плечами и разводить в стороны руки.

«Садовник» старательно морщит лоб, затем, пожевав губами, произносит вопросительно:

— Френч, дойчланд, англиш? — предлагая выбрать язык общения.

Ура, понял. Первая часть задачи выполнена. Теперь язык. Я всю дорогу пытался как-то комплектовать фразы, мешая английские и немецкие слова, но французов вроде бы понимал лучше, чем немцев.

— Френч, — выбираю я не совсем уверенно, надеясь, что смогу понять объяснение на французском.

В ответ мужчина начинает обстоятельно объяснять дальнейший путь. Я не понимаю ничего. Он замирает на полуслове — видимо, глупое выражение моего лица красноречиво говорит ему об этом. «Садовник» озабоченно и с какой-то жалостью смотрит на меня, вздыхает и осматривается вокруг.

— Ком, — говорит он и ведёт меня к невысокому бетонному километровому столбику, стоящему на обочине дороги. Он несильно бьёт ногой по столбу и тычет пальцем в надпись. — Люксембург! — почему-то кричит он мне в ухо как глухому, а затем разворачивает меня руками в направлении дороги, уходящей на восток, и показывает пальцем туда же, — Люксембург! — и добавляет громко и выразительно: — И тудруа, тудруа, тудруа!

— Силь ву пле, мсье! — бросаю я последнюю фразу, спеша предупредить его вопрос о моей национальной принадлежности — мне стыдно за мои школьные познания языка. Сажусь на велосипед и направляюсь в указанном направлении, но, отъехав несколько метров, оборачиваюсь.

Он доброжелательно улыбается и чуть машет мне в след рукой. Моё смущение потихоньку испаряется, я поднимаю вверх руку.

— Спасибо! — кричу я на русском.

Минут через двадцать взбираюсь на пригорок. Впереди открывается панорама большого, современного города. Это Люксембург.

Затянувшийся октябрь

Несколько лет назад, заняв денег на билет и упаковав в коробку велосипед, я улетел в другое полушарие — в Северную Америку. Получение визы затянулось, и моё путешествие началось в октябре, а не в августе, как я планировал изначально. Но мне хотелось во что бы то ни стало продолжить кругосветку, начатую в Евразии, я надеялся как-то отработать взятые займы деньги и, вместе с тем, проложить нитку маршрута через заокеанский материк. Гнал от Нью-Йорка на запад, стараясь успеть до зимних снегов и ветров. Мне удалось довольно успешно пересечь восточные штаты и к середине ноября, оставив позади Миссури, очутиться сначала в Небраске, а затем и в Южной Дакоте. Уклоняясь от снежных буранов, преследовавших меня по пятам, я повернул на юг, в Аризону, но в Неваде зима всё-таки догнала меня: несколько дней мне пришлось крутить велосипед, пробиваясь сквозь снежные метели и бураны. Преодолев горы Сьерра-Невада и попав в Калифорнию, я вновь оказался в краю золотой осени. Позади остались больше шести тысяч кило-

метров и почти два месяца пути, но здесь, в Калифорнии, мне показалось, что я опять вернулся в месяц октябрь, и всё путешествие стало казаться одним затянувшимся осенним месяцем. Некоторые эпизоды той поездки я и хочу представить Вашему вниманию в этой главе.

Первый день

Самолёт прилетел в Нью-Йорк рано утром. Я долго и нудно проходил паспортный контроль — никак не мог толком ответить на вопросы американского пограничника о цели визита. Моя уверенность в достаточном знании английского языка моментально рассыпалась в прах. Ещё в самолёте я пытался листать словарь и комплектовать отдельные слова в предложения. Вроде бы получалось, и вот на тебе, полный провал. Свой паспорт и окончательное разрешение на въезд я получил последним из пассажиров нашего рейса. До Бруклина добрался довольно легко — на метро, не доставая из чехла велосипед. Зачем-то вышел на Брайтоне, не проехал дальше, за Гудзон. Наверное, решил полностью выдерживать условия кругосветки — начать путь от берега океана. В результате долго крутил по пыльному, гремящему поездами метро, Бруклину, прежде чем удалось выйти на Бруклинский мост. Затем ещё пару часов выезжал к переправе через Гудзон.

Стройные небоскрёбы Манхаттена незаметно сменились обшарпанными двух- и трёхэтажными зданиями Бронкса. На улицах прибавилось чернокожих — этот район Нью-Йорка — негритянский. Опасения оказались напрасными. На меня никто не обращал решительно никакого внимания. Я продолжал крутить педали своего

старенького «Туриста», стараясь не нарушать элементарных правил дорожного движения, приостанавливался на перекрестках, чуть припускал, выезжая на велосипедную дорожку, и старался не пропустить нужный мне указатель.

Мост оказался очень удобным — можно было слезть с велосипеда и пройти по нему пешком. Гудзон поразил меня своей шириной. Я кинул взгляд на воду с высоты десятиэтажного дома, посмотрел вдоль русла реки на застройки Манхаттена, подивился грандиозности и свободе инженерной мысли мостостроителей и двинулся дальше.

Теперь мне предстояло проехать через ряд пригородов Нью-Йорка, которые огромной приплюснутой лепёшкой покрыли всю территорию предгорий Аппалачей. Один город переходил в другой без чётко обозначенных границ, и к заходу солнца я был на улицах центральной части Паттерсона. Город, обычный для Америки, но, видимо, являющийся прибежищем чернокожих. Решительно каждый встречный имел негритянское происхождение. Они угрюмо пялились на меня, шарили глазами по сумкам, а кто-то даже приостанавливался, чтобы внимательнее рассмотреть дерзкого пришельца.

Моя карта упрямо доказывала, что городок должен закончиться, но квартал сменялся кварталом, а конца застройкам всё никак не было. Я уже хотел есть, но продолжал лихорадочно давить на педали, не обращал внимания на кочки и неровности дороги, на ручьи пота, стекавшие по спине, груди и лицу. Я с волнением поглядывал на колёса, опасаясь прокола в самый неподходящий момент, и на последние лучи солнца, грозящие вот-вот погаснуть и оставить меня в одиночестве.

Понимая, что после такого тяжёлого дня захочется не только есть, но и пить, я высматривал магазин. Опыта я ещё набраться не успел, расположения коммуникаций на улицах американских городов не знал, поэтому решил нырнуть в первую попавшуюся небольшую лавку. Велосипед прислонил к стене и быстро вошёл внутрь. Звонок, прикрепленный к двери, звонко тренькнул, возвещая владельца о моём визите. Навстречу из подсобки вышел невысокий, но очень широкоплечий негр с огромными, словно деревянные колотушки, руками и высоченной грудью. Он посмотрел на меня, стараясь спрятать удивление, отразившееся на толстогубом лице. Я взял с полки две бутылки воды и поставил перед ним на стойку. Молча достал деньги и протянул продавцу. Скрипнула дверь, и ещё раз звякнул колокольчик, пропуская новых посетителей. Они сразу заполнили узкое помещение магазина.

— Хау а ю? (Как ты?) — приветствовал меня один из вошедших — пожилой негр с небритым подбородком и большой хозяйственной сумкой в руках.

— Спасибо, хорошо, — ответил я, стараясь быстрее прекратить разговор и покинуть магазин. Но спутники небритого загалдели, кто-то озабоченно качал головой, кто-то даже прищёлкивал языком, бросая реплики, значения которых я не мог разобрать. Вопросы посыпались со всех сторон, как капли воды во время дождя, я едва успевал отвечать на них.

— Здесь действуют законы чёрного человека, — наконец сказал мне небритый, — вечером тебе находиться здесь просто опасно. Будь осторожен.

Я вышел из магазина. Мой велосипед стоял у стены цел и невредим. Машины ехали по улицам с зажженными фарами, иллюминация у магазинов и некоторых домов заливала тротуары. На противоположной стороне

улицы прямо на асфальте сидел молодой парень в полуспущенных джинсах с собранными гармошкой штанинами у самых кроссовок, длинной майке навывпуск и бейсболке с длинным козырьком, бросающим тень на и без того тёмное лицо. Он смотрел на меня в упор, пока я крепил на багажнике бутылки, затем, опираясь о стену, встал и указательным пальцем показал место перед собой, двигая при этом рукой сверху вниз. Это движение вывело его из равновесия, и он чуть-чуть покачнулся, но вновь ухватился за стену. Я сел на велосипед и, стараясь не глядеть в его сторону, поехал по направлению из города. Он что-то кричал вслед, но я старался расслабиться и не волноваться. У следующего перекрёстка загорелся красный, я решил приостановиться и переждать. Но откуда-то сбоку выскочил высокий подросток и кинулся ко мне, пытаясь ухватиться за багажник велосипеда. На моё счастье, дорога шла под гору, я поднадавил на педали и в последний момент выскользнул из-под руки моего невесть откуда взявшегося недруга. Он что-то прокричал и успел плюнуть мне в след.

Где-то вверху живота мучительно заныла тошнота. Я поймал себя на мысли, что озираюсь по сторонам, как затравленная собака. Ноги тяжело крутили педали, временами чуть дрожа, а иногда срывались с педали, сбивая ритм движения.

«Ого, — стрельнула мысль, — мама дорогая! Удержаться бы в седле!» — я увидел перед собой внезапно ожившую улицу, словно эти люди ведут исключительно ночной образ жизни, и вот сейчас они повыползали, как черви в дождливый октябрьский день, из всех щелей и закутков с единственной целью — поживиться хоть чем-нибудь.

Теперь я не обращал внимания на светофоры — гнал и гнал вперёд. Со всех сторон сыпались реплики, но ско-

рость моя была довольно велика, и охотников посостязаться в быстроте не находилось.

Вдруг я услышал, как позади завизжали тормоза, затем меня стала обходить машина. Хорошая, добротная машина — длинный богатый «Джип» с опущенными стёклами. В открытое окно до середины груди высунулся парень и попытался ухватить меня за куртку. Я отмахнулся, но вильнул и чуть не упал. В машине, судя по голосам, было несколько человек. Они опять сбросили ход и пропустили меня вперёд. Я решил стоять до конца — пытался держать крепко руль и во что бы то ни стало не обращать внимания на их выходки. Машина вновь догнала меня и приблизилась бортом к моему велосипеду — они прижимали меня к бордюру. Из окна в лицо плеснули какой-то гадостью.

«Кока-кола, — определил я по запаху. — С Новым Годом, Вовик!» А потом крикнул вслух на русском языке: — Козлы неумытые! — и чуть притормозил.

Машина промчалась вперёд. Что подействовало, не знаю, — может быть, фраза на русском? Но «Джип» рванул вперёд и на перекрёстке ушёл вправо.

Дорога наконец-то вырвалась из города, я миновал окраину и на некоторое время оказался один. Впереди была видна развязка — несколько дорог, сбитых в тугой узел.

«А вот и деревья!» — обрадовано забила мысль. Развязка находилась посреди густого лесного массива. Я огляделся по сторонам и шмыгнул в заросли. Осколок луны не хуже фонаря освещал мне путь. Перетащив велосипед через небольшой тихий ручеёк, я с облегчением выдохнул. Прислонил велосипед к дереву, достал из сумки палатку и, раскинув её на относительно ровном месте, стал неспеша устанавливать. Достал термос

с чаем, сухой паёк и без сил опустился на скрученный спальник.

Спустя двадцать минут втиснулся в палатку, затащил туда свои вещи, укутался в спальный мешок и закрыл глаза.

— Первый день, — пробормотал я сквозь сон, — километров семьдесят, не больше. Да... Насыщен приключениями день, — и заснул.

Индейские штучки Мата Шермана

— Встретишься с ним, не спеши перо из сумки доставать, — Игорь многозначительно сжал губы и кивнул головой, на секунду для убедительности прикрыв глаза.

— Да, я помню.

Уже несколько раз за вечер он напоминал мне об индейских правилах приличия. Но мой рассеянный вид, видимо, вызывал у него какие-то опасения. Игорь в третий раз за вечер настойчиво объяснял последовательность действий во время предстоящей встречи.

— Посидите, поговорите, — терпеливо, словно учитель на уроке, продолжал он, — расслабьтесь, друг друга перестанете опасаться. И тут, ты ему — раз — погоди-ка, мол, у меня для тебя подарок. И достанешь перо.

— Да-да, понимаю, — я полагался на его знание тонкостей в общении с индейцами и пытался запомнить наставления. Уже несколько лет Игорь работал в специализированном журнале об индейцах Северной Америки, занимался переводами статей индейских авторов, общался с историками и этнографами. Советы его казались убедительными, не вызывающими сомнений, тем более сейчас, накануне моего отъезда.

Только что я получил письмо от индейца Мата Шермана. Обычно он оттягивал с ответом, ссылаясь на «индейское время», по «движению стрелок» которого предпочитал жить. На очередное моё письмо он мог ответить быстро, почти сразу, а иногда тянул день за днём по несуществующей причине, словно проверяя мою выдержку.

— Ты же знаешь об «индейском времени»? — спрашивал он меня после долгого молчания, пытаясь научить не нервничать и не суетиться.

На этот раз письмо пришло быстро. Всё подтвердилось. Он действительно ожидал меня в своём доме в штате Огайо. Ему интересно было встретиться с русским — он сообщал об этом в письме. Мат очень подробно, как маленькому ребёнку, описывал местонахождение своего дома, словно не надеясь на мою сообразительность. А Игорь тщательно втолковывал мне особенности общения с индейцем.

— Индеец, он и в большом городе индейцем остаётся, а к обычаям и традициям ещё более трепетно относится, это уж будь уверен, — продолжал Игорь монотонным голосом, будто доказывая, что кроме этого человека в Америке у меня нет ни одного знакомого.

Вообще, так оно и было на самом деле.

Я ещё раз полистал паспорт и даже погладил визу. Срок в три месяца показался мне огромным, почти бесконечным, а сумма денег в кармане — совершенно ничтожной. Ещё неделю назад предстоящая поездка казалась не более чем экзотичной. Я думал о ней, как о чём-то вполне реальном, но никак не мог представить себя в лице главного героя ожидаемых приключений, словно за всеми событиями предстояло просто понаблюдать со стороны, а не пережить их день за днём...

...Колумбус оказался действительно огромным городом. Он возник посреди распаханых полей, словно мираж. Превращение произошло внезапно, будто по чьему-то негласному, но чёткому приказу. Борозды засеянных кукурузой полей в одну минуту сменились на ровные ряды домов, а дорога превратилась в увешанную светофорами авеню, разрезавшую город на две почти равные части. Дома лепились друг к другу плотно, оставляя совсем мало места для узких, уходивших влево и вправо, улиц. Лишь в одном месте они на миг расступились, тусклым светом блеснула поверхность неширокой реки, и вновь унылым коридором потянулись серые фасады невысоких зданий. Последние кленовые листья медленно падали на асфальт. Над черепичными крышами косматым туманом плыли облака, и казалось, никогда больше солнце не пробьётся через их густую, вязкую мглу.

Я добрался сюда в самом конце октября, на десятый день пути. Как только скрылись с глаз сбившиеся в кучу города побережья, дорога пошла вверх, поднимаясь на Аппалачи. Я ещё чувствовал присутствие океана на восточных склонах гор — меня долго подталкивал в спину тёплый ветер. Но горы оказались сильнее — едва остался позади первый перевал, стало значительно холоднее. Я словно шагнул из одного времени года в другое. Несколько часов назад мой свитер ещё лежал упакованным в сумке, голую шею калило солнце, кожу на лице разъедал густой солёный пот, струями стекавший по бровям и щекам, и вдруг стало ветрено и неудобно. Пышное ледяное одеяло накрыло долины, содрав колючим порывистым ветром остатки листьев. Последним приветом золотой осени мелькнула плантация фруктовых деревьев, красные и жёлтые яблоки, грудой лежавшие на опавших листьях, и едва слышное, нежное жур-

чание воды одного из невеликих притоков Саскхуиганы. Огромные, в два обхвата, тополя склоняли узловатые ветви над водой, ветер настойчиво и зло раскачивал их костлявые голые ветви, а по воде, словно детские кораблики, плыли бурые, скрюченные осенним морозом листья. Вечером у палатки я зябко кутался в тёплую куртку, наливая в кружку горячий чай из термоса.

Дорога, по которой проходил путь, видимо, имела местное значение. Она шла через сохранившиеся остатки лесов, уходила вдоль русел небольших рек, соединяя малосенькие поселения и пересекая крошечные национальные парки. Карта, приобретенная мною ещё за Гудзоном, в Нью-Йорке, давала не очень чёткие представления о расстояниях и рельефе. Кое-как сопоставляя друг с другом редкие отметки высот, я упрямо выбирал на её одноцветном фоне тонкую ниточку дороги, уходящую в сторону от городов и уклоняющуюся от горных хребтов.

Однажды ночью меня застал дождь. Он безжалостно хлестал по голым стволам и веткам деревьев, бил в крышу тщательно растянутой палатки, неистово расшвыривал опавшие листья, а затем ушёл куда-то в горы, унося с собой и тучи, и ветер. Внезапно наступившая первобытная тишина заставила меня покинуть палатку. Я выполз наружу и был поражён и ярким серебряным светом луны, залившим, словно краской, всё вокруг, и невесть откуда взявшимся морозом, превратившим воду в застывший хрусталь. Лунный свет отражался от опавших листьев, от ветвей, и казалось, сам воздух был пронизан этим волшебным матовым блеском...

Впереди замаячили небоскрёбы делового центра Колумбуса. Где-то здесь мне нужно повернуть. Сравнительно недалеко от негритянских кварталов находится дом моего друга — индейца шайена Мата Шермана.

Долгая переписка связала нас, я надеюсь, что встреча не принесёт разочарования. В настоящее время подсмотреть какие-то неизвестные особенности народа почти невозможно — слишком велико население Земли — народы перемешиваются, как начинка в пироге, теряют самобытность. Теряются в прошлом особенности национальной кухни, одежды, музыки, литературы. Им на смену приходит система «быстрых» кафе, неизменные джинсы и кроссовки, звучащая на всех радиоволнах попса, вездесущее пиво и заполонившее весь книжный рынок бульварное чтение.

Я медленно еду вперёд, старательно разбирая надписи на перекрёстках. Сворачиваю в сторону, разгоняя велосипед по гладкому асфальту. Быстро приближается ночь. Пасмурный вечер сереет всё больше, ветер доносит запах снега. Вот ещё не хватало! Три дня назад снежная крупа уже барабанила по крыше моей маленькой палатки, и утром пришлось на десять минут увеличить время гимнастики, чтобы основательно прогреться, и настоящий снег мне сейчас совсем ни к чему.

Вот и нужная улица. Найти по адресу дом в Америке просто, но я затрачиваю ещё целых полчаса, прежде чем нахожу нужный мне номер. Ухожу в начале поисков совсем в другую сторону, доверчиво попадая при этом в цепкие, наглые руки нескольких чёрных парней. Они неожиданно начинают выпытывать мою религиозную принадлежность, пытаются доказать преимущества жизни в их стране и в итоге отпускают меня на все четыре стороны, втихоря присваивая мой насос, шерстяные перчатки и запасную камеру.

Дом Мата оказывается одноэтажным, но довольно большим. Окна неприветливо закрыты шторами, парадная дверь на замке, а на ступеньках целый ворох сухих неубранных листьев. Двор с двух сторон открыт.

Посередине стоит невысокое, но разлапистое дерево, увешанное перьями и тряпочками. Перья — это точно индейцы. Похоже, здесь действительно живёт индеец Мат. С бьющимся сердцем обхожу дом. Ещё одна дверь. Пробую рукой — не заперта. Похоже, она-то мне и нужна. Ставлю велосипед к стене и невольно застываю в нерешительности. Что сделать сначала? Шепчу приготовленную фразу, протягиваю руку к звонку. Нет, не годится. Достать из сумки папку с фотографиями и большим орлиным пером? Пожалуй. Пальцы дрожат и никак не могут справиться с пуговицей. Да что же это такое? Как что? Иши — последний свободный индеец, вышел к людям в 1911 году. Он шагнул из неолита в двадцатый век. У него в руках был лук и стрелы с каменными наконечниками. Мат, судя по переписке, очень чтит своё происхождение, а я, оказывается, несмотря на все прочитанные книги об индейцах, ничего не знаю о них, а сейчас мне предстоит ступить на порог дома, где чтят эпоху давно ушедшую.

Жму кнопку звонка, ответа нет. Жму ещё раз — безуспешно. Толкаю дверь — она открывается, дёргая колокольчик. Мне навстречу выходит смуглый, высокий человек с гримасой недоумения на лице — в Америке не принято входить в дом без приглашения.

Перо произвело ошеломляющий эффект. Мат сразу превратился в мягкого и необычайно гостеприимного человека. Несколько минут спустя мы уже сидели рядом на широком уютном диване, силясь объяснять что-то друг другу. Передо мной на маленьком столике стоял небольшой поднос, я ел копчёную рыбу и пытался ответить на вопросы, украдкой глядя по сторонам.

Западная стена дома кажется странной — её будто забыли оштукатурить и покрасить — толстые, грубо

отёсанные брёвна сруба, увешанные вещами, пришедшими из другой, дикой жизни, настойчиво заставляют удивляться и лихорадочно вспоминать образы героев Фенимора Купера. На крючках по всей стене подвешены различные изделия из толстой дублёной кожи и нежной замши, украшенные бисером и иглами дикобраза. Здесь же, на деревянной полке, лежит череп буйвола с длинными изогнутыми рогами и широкими глазницами, из которых выглядывают пучки какой-то травы, и даже растянутый на рамке скальп. Отдельно висят чёрно-белые фотографии индейских вождей, с пронзительными взглядами и оружием в руках, а сбоку, видимо, как особая реликвия, — головной убор из огромных орлиных перьев. Не верится, что всё это действительно как-то связано с Матом. Он сам сидит передо мной в джинсах и футболке, время от времени отвечая на звонки по мобильному телефону, приглаживая коричневой рукой длинные чёрные волосы.

Мы засиделись за полночь в этот первый вечер — Мат оказался крайне интересным собеседником, многогранным человеком. Он собиратель всяких «индейских штук». Уже много лет Мат пытается записать всё, что, по его мнению, можно каким-то образом связать с индейцами. В его коллекции уйма старых и новых фотографий и масса древних, вышедших из употребления, вещей. Но главное, это папки исписанных листов.

К воспитанию моего друга приложил руку дед. Мату было тогда всего десять лет, он, по его словам, не любил играть в индейцев, но дед сумел показать ему практическую сторону индейской жизни. Именно эти советы помогли выжить отцу Мата во время войны с гитлеровцами, когда однажды отделение, которым командовал Боб Шерман, попало в западню посреди развалин, и четверо

суток отбивалось от окруживших со всех сторон немцев. Те лишили их подходов к воде, и к концу третьего дня один из его солдат, молодой девятнадцатилетний мальчишка, почти потерявший рассудок, бросив оружие, пополз к воде, но вместо спасительной влаги получил пулю в живот и долго корчился на камнях, истекая кровью и умирая в страшных муках. Никто не смог ему помочь, и сам Боб держался, собрав в кулак остатки сил, перекачивая во рту последний глоток воды, а потом в бессилье плакал, когда неожиданная помощь освободила их из «каменного мешка».

После войны Боб сам привёз маленького сына своему отцу в резервацию, и тот обучал внука так же, как когда-то Боба, и как когда-то его самого обучал его дед. А Мат неожиданно загорелся идеей собрать воедино весь доступный опыт предков.

— Я ездил по резервациям, разыскивая знающих стариков, и терпеливо записывал всё, что удавалось найти, — он достаёт несколько листочков. — Я называю их «индейскими штучками». Вот, ветер, например. Для того чтобы понять язык ветра, нельзя спешить. Наши предки выезжали в одиночку далеко в прерию, оставались там наедине с солнцем и ветром. Смотрели на облака, на качающуюся траву, слушали и молчали. Сколько дней? Никто не знает, сколько. У индейцев нет времени. Может быть, день, может быть, десять дней. Этот язык нельзя выучить, сидя в школьном кабинете и за один урок.

Я рассматриваю исписанные листы. Почерк ровный, есть и рисунки, выполненные, видимо, той же рукой. Здесь рассказы об умении долго ходить, искусстве истолковывать сны и тайнах обрядов очищения духа.

— Вот, например, сны. Для индейца сон — это продолжение реальной жизни. Мы верим, что правильное решение могут подсказать во сне духи-покровители,

а знахари, разгадав сон больного, могут назначить ему правильное лечение, — Мат вздохнул. — В резервации очень красивые места. Вряд ли во всей Америке можно найти что-то подобное. Весной там цветёт прерия. Луговые цветы спускаются по оврагам к ручью Тонга и покрывают все склоны окрестных холмов. Поднимаясь выше, они стараются слиться цветом с яркими разноцветными закатами. Зимой снежные бури гудят и свистят от злости, ветра чешут свои бока об острые скалистые выступы отрогов Чёрных Гор. Подобно нашим далёким предкам, люди, которые живут в небольших посёлках, любят подолгу сидеть у своих домов и смотреть на медленно ползущее по небосводу солнце, — Мат опять вздохнул, — именно там жил мой дед. Я понял красоту этих мест и мудрость старших много позже, когда его уже не стало. Но так часто случается — мы не видим и не слышим людей, с которыми живем бок о бок много лет, и вспоминаем о них лишь тогда, когда они навсегда уходят наверх, в Страну Песчаных Холмов.

— А однажды, остановившись на несколько дней в резервации индейцев навахо в Аризоне, я был непосредственным участником священного утреннего бега. Там, на юге, они ещё соблюдают этот обычай, — глаза Мата сузились в узенькие щёлочки, но мне было непонятно, с грустью он вспоминает ту встречу или с удовольствием. — Каждое утро индейцы далёких селений медленно и размеренно бегут навстречу встающему солнцу, словно отдавая ему ежедневную добровольную дань за начало нового дня. Мы выбежали задолго до восхода солнца — лишь на востоке начинали растворяться в светлеющем небе звёзды да безмолвно вырисовывались в утренней тишине очертания горных хребтов. Навахи бежали молча, наверное, пытаясь понять себя в этом мире, и лишь

скрип песка под подошвами кроссовок гулко разносился в тишине раннего утра. Они бежали и бежали прямо на восход, глядя на утреннюю зарю, и мне казалось, что и они, и я вместе с ними вот так исчезнем где-то там впереди. В бесконечности. Как звёзды. Но вот загорелись вершины красных гор, затем солнце, робко скользя по бокам скал, упало на крупный и словно кристаллический песок. Первые лучи были слабые, они зарывались среди песчинок, будто в испуге, но едва солнце, осмелев, поднялось вверх, лучи окрепли и зажгли пустыню. Они били в лицо, и цвет их менялся, переходя с красного на жёлтый, а затем на ослепительно белый, — Мат повернулся ко мне лицом и взглянул прямо в глаза. — Индейцы считают, что именно в этот момент солнце даёт им знак закончить бег и повернуть назад. Навахи остановились, и теперь я увидел их улыбки и попытки охватить взглядом кажущееся в этот момент невероятно красивым плоскогорье. Они кивали мне доброжелательно и многозначительно — почти по-родственному, хлопали по спине и, показывая на бездонное синее небо, предлагали радоваться вместе с ними новому дню. Индейцы смотрели на солнце и снова и снова кивали ему почтительно. Я понял, что мы, люди, день за днём теряем что-то очень важное. Мне неожиданно открылось, что бег может стать чуть-чуть волшебным, и с его помощью можно увидеть вот такое чудо, как сегодняшнее утро. И ещё подумал, что это утро останется со мной навсегда.

Мат замолчал. Теперь он сидел неподвижно. Я понял, что он вновь и вновь прокручивает в памяти тот удивительный день. Я долго не решался прервать молчание. Наконец он поднял голову и вновь улыбнулся.

— Почему же ты говоришь, что уроки деда спасли твоего отца? Ты связываешь всё в единый клубок?

— Отец оставил много записей. Это один из его рассказов, — Мат положил передо мной несколько скрепленных вместе страниц. — Сейчас уже поздно и, наверное, надо спать, — хитро усмехнувшись, он подвинул к дивану лампу. — Мы продолжим нашу беседу утром.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по разным комнатам. Я было лёг, но листы, лежавшие на столике, почему-то не давали мне уснуть. Я включил свет и взял рукопись в руки. Почерк был такой же ровный и чёткий, как у Мата, а текст простой и доступный. Передо мной встала яркая картинка. Я словно наяву увидел отца Мата, имеющего столь распространённое имя — Боб, увидел деда — высокого индейца с прямой спиной, длинными, развевающимися на ветру волосами и в расшитых ярким, цветным бисером мокасинах...

Глоток воды

...Два человека размеренным шагом поднимались по крутому склону горы, усеянному крупным ломаным щебнем. Каждый шаг выбивал из редкой сухой травы столбик пыли, которая поднималась в воздух, словно мелкий белый пух. Она оседала на кожаной обуви, окрашивала в серый цвет одежду ходоков и забивала горло каким-то противным липким налётом. Мальчик брёл нехотя — вечно отцу хочется испортить законный выходной. Боб — так звали мальчика — учился в индейском интернате и домой приезжал только на выходные. Отец редко давал отдохнуть — всё какие-то «скаутские» уроки устраивал. То начнёт учить ходить, то выводит ранним утром встречать восход солнца. Вот и теперь зачем-то потащил в

самую жару через горы. Хорошо, хоть волосы острижены, а не как у отца — у того длинные и густые, вот уж ему, наверное, достается!

— Дэди, подожди, я шнурки перевяжу, — едва ворочая языком, прошептал Боб, но тот сразу остановился, улыбнулся глазами и кивнул головой.

— Да мы пришли, сын. Вон там, — он указал на седловину, которая была уже совсем близко, — через грядку перемахнём, и всё.

Боб сдёрнул с ноги мокасин, вытряхнул пыль, снова надел обувь на ногу. «Хорошо, что в мокасинах», — пронеслась мысль. Он расшнуровал второй выделанный из оленьей кожи мягкий индейский ботинок и тщательно выбил его о колено ноги. «Они лёгкие, землю чувствуешь, когда идёшь. Но всё равно мышцы деревенеют, и пить хочется нестерпимо. Что он на сей раз задумал?» — Боб посмотрел на отца.

— Я готов, дэди.

— Я хочу показать тебе, как ходили наши предки через горы, чтобы ты знал, почему им удавалось загонять оленей во время охоты или уходить от кавалеристов. Ты помнишь историю о том знаменитом походе Маленького Волка?

— Помню, отец. Наш народ ушёл тогда из Оклахомы на родину, на Север, в эти горы.

— Да. Мне рассказывал об этом мой дед, Поющий Лис, тот, чей головной убор висит в доме. Дед участвовал в том походе вместе с сыном — моим отцом, которому было столько же лет, как тебе сейчас. Они прошли полторы тысячи миль через сухую степь, с красной как кровь землёй, солёную пустыню и Чёрные Горы. Их преследовали тысячи солдат, но шайены ушли от них, как уходит с гор весенняя вода, — отец Боба, слегка потряхнув головой, откинул назад чёрные блестящие волосы и чуть расправил

плечи. — Наши предки умели ходить, не уставая. Сейчас, когда ты утомлён, самое время для такого урока.

— Я слушаю, отец, — Боб, скрывая раздражение, приготовился слушать.

— Воду нельзя пить сразу всю, когда ты напряжённо работаешь, она расслабляет мышцы и делает тебя слабым. Хочется пить снова и снова, ни о чём думать больше не хочется, только о воде. Человек много потеет и ищет возможность остановиться отдохнуть.

— Но я очень хочу пить, у меня нет сил!

— Смотри, что я делаю, и попытайся сделать то же самое, — отец Боба отстегнул от пояса фляжку и открутил крышку. — Возьми в рот немного воды — не глотай её и не выплёвывай. Попытайся пронести эту воду во рту через всю грядку. Увидишь, это не сложно. Только не пей перед этим ни капли.

Боб даже задрожал от желания утолить жажду, ему захотелось отпить хоть чуть-чуть из фляжки, которую протянул отец, но интерес проверить его слова пересилил.

— Ну, хорошо.

Он набрал в рот воды и пошёл за отцом. Через несколько десятков шагов идти стало легче, и на грядку он забрался довольно легко. Только щёки устали. Путники спустились в лощину. Отец выплюнул воду, сын сделал то же самое и тут же начал интенсивно двигать челюстями, то открывая, то закрывая при этом рот.

— Ты слишком много воды нёс во рту. Нужно меньше, чтобы была возможность перекачивать её с одной стороны на другую время от времени. Ну, как переход?

— Намного легче. Да, легко! Здорово. А мы в интернате пьём и пьём воду без остановки.

— Это опыт наших дедов и отцов. Это хороший опыт. Я думаю, сын, тебе это пригодится в жизни. А сейчас мы

вернёмся назад. Теперь попробуй донести глоток воды до дома.

Боб снова взял фляжку в руку. Странно, чувства жажды не было. Мальчик взял в рот немного воды, так, чтобы щёки его не напрягались, и пошёл за отцом по направлению к дому. Он пытался идти так же, как отец, — старался держать тело прямо, а не переваливаться грузно с ноги на ногу. Он знал, что так будет меньше уставать — этот урок они с отцом уже проходили. Но всё равно отец шёл много легче...

За окном было темно. Где-то недалеко выла сирена полицейской машины. Белка, живущая в доме Мата полноправным членом семьи, беспокойно копошилась под крышей в норке между стропил, вероятно, перепутав день и ночь.

Я вспоминал прочитанные в детстве сказки и их героев — людей и животных, понимающих друг друга. Старался представить индейцев, сидящих на скалах и слушающих ветер. Я понял, что мы не можем, не умеем слышать друг друга. Мне стало обидно и до смешного грустно.

Несколько последующих дней были заняты до предела. Мы катались по городу, надолго задержались в Центре американских индейцев штата Огайо, курили священную индейскую трубку, участвовали в старинных обрядах, вместе с родственниками и друзьями Мата пели песни под гитару и ездили на могилы его родственников. Мне показалось, что я вновь превратился в маленького мальчика, открывающего для себя мир. Я учился слушать людей и пытался прочувствовать каждое мгновение жизни, как тому учат индейские мудрецы.

Встреча

Пустынная дорога лениво карабкается по склонам голых холмов, срывается в широкие овраги, топчется у горизонта и, наконец, исчезает вдалеке, теряясь в унылой прерии. Солнце медленно, словно нехотя, садится за горизонт, и искажённые тени от редких сосен сливаются с серыми обломками скал, торчащими из земли, как огромные бутоны перезрелых полусохших цветов. Где-то вдалеке торопливо затыкал койот, ему ответил другой, неожиданно завершая лай протяжным, высоким воём. Воздух стал прозрачным, расщепляя на отдельные звуки все, что способен уловить слух.

Беспокойный крик коршуна замер в вышине. Лёгкий как дыхание ветер шуршит крупнозернистым песком, перенося его с места на место. Сухие стебли травы у кромки дороги бьются друг о друга с чуть слышным скрежетом, лишь солнце бесшумно прячется за темнеющую впереди горную цепь. Некоторое время оно ещё цепляется за склоны, пробиваясь горящим огненным лучом сквозь глубокие седловины, но борьба эта длится совсем недолго. Гаснут тени, трава сливается цветом с полотном дороги, становится прохладно и неуютно.

Надо искать место для палатки — пора останавливаться на ночлег. Пологие стены ложбин, выскобленных ветром, вряд ли дадут возможность спрятаться от постороннего взгляда. Уйти же дальше в прерию не позволяет туго натянутая колючая проволока. Она тянется вдоль серого полотна, тщательно повторяя все изгибы дороги, словно удерживая её в жёстких когтистых лапах. Велосипед едет вперёд с натугой, устало, будто чувствуя скорое завершение дня.

Неожиданно доносится странный шум, похожий на сухой, рвущий горло кашель. Он то пропадает, то вновь прорывается с новой силой, превращаясь в неровный рокот двигателя старой машины. Вначале мне кажется, что это далёкий порыв ветра, но внезапно из-за поворота выкатывает старый облупленный рыдван, старше меня возрастом, но ведомый твёрдой рукой, и я слышу близко-близко натужный треск старой поршневой системы. Чихнув, словно удивившись, увидев одинокого велосипедиста, пикап резко выруливает на мою сторону и останавливается, перекрыв мне путь вперёд. Притормаживаю и спрыгиваю с велосипеда — индейская резервация, это особый мир. Здешние жители не любят людей с белой кожей, считая их источником всех своих бед. Здесь действуют свои законы выживания, и вряд ли будет правильно пробиваться с боем.

Из машины появляются двое. Индейцы. Первый, похожий на нахохлившуюся хищную птицу, спрятавшую в поднятых плечах голову, несмотря на вид страдающего с похмелья человека, неуловимо для моего глаза, бесшумно, словно тень, выскользнул из машины, мгновенно очутившись чуть сбоку от меня. Замер, не шелохнувшись. Другой, высокий, под два метра парень, оставил руль и вышел навстречу мне, шаря цепким, режущим взглядом по моему лицу, фигуре и вещам. Его густые и длинные, словно грива лошади, волосы рассыпались по могучим покатым плечам, подбородок широкого лица надменно приподнялся вверх. Неожиданно он мне причудился обнажённым, в одной набедренной повязке на раскрашенном голом смуглом теле с винчестером в одной руке и с кривым острым ножом, на лезвии которого темнеют следы запёкшейся крови, в другой. Показалось, что он готов броситься вперед с диким, варварским криком. На

миг я словно очутился на Дальнем Западе конца девятнадцатого века. Я недоумённо вздрогнул, услышав фразу на английском языке:

— Хорошее у тебя перо, большое, — он указал рукой на мой руль.

Я даже не сразу сообразил, о чём идёт речь, и лишь проследив за его жестом мысленно поблагодарил индейцев Огайо за подарок — огромное перо орла, висящее на длинной крепкой нити и привязанное к стержню руля. Индейцы подарили мне его накануне отъезда. Я прожил в Центре национальной культуры несколько дней, участвуя в утомительных старинных обрядах и тщательно записывая увиденное. Старый шаман Франклин сам привязал его к стойке руля, шепча при этом какую-то молитву на своём древнем языке. Перо для индейца хороший знак, понятный. Как хлеб-соль для русских, «Марсельеза» для французов или имя Мао Цзэдуна для жителя Китая. Сейчас я находился в самой известной резервации. Лет тридцать назад её жители объявили войну государственным чиновникам, силой захватили один из посёлков резервации и целых два месяца с оружием в руках отбивались от федеральных войск. Правительству как-то удалось их утихомирить тогда, но, видимо, неприязнь к непрошеным гостям осталась.

— Я уважаю вашу страну, — я раскинул руки в стороны, словно пытаюсь охватить им округу до самого горизонта, — страну индейцев шайенов и лакота. Страну Литтл Вульфа и Крейзи Хорса.

Произнесённые мной английские имена наиболее почитаемых вождей шайенов и лакота, живших в резервации в далёкие времена, вызвали едва заметную усмешку того, стоящего сбоку не совсем трезвого горбоногого индейца. Я сжал руками руль — мне не хоте-

лось выставлять напоказ дрожь внезапно задрожавших пальцев.

— Я хочу узнать этот край как можно лучше.

Говорить что-то о географических целях маршрута бесполезно. Скорее всего, это ничего не даст — вряд ли они знают о существовании географии вообще — во многих школах Америки предмета с таким названием просто не существует. Но мне надо им объяснить, что я не американец, может быть, этот факт изменит их взгляд на нашу случайную встречу.

— Я из России, — моё объяснение больше похоже на оправдание. Они молчат в ответ, лишь высокий сузил глаза, продолжая пристально рассматривать меня. — Люди моей страны хотят больше узнать о вашем народе, о жизни коренных американцев.

— Да, хорошо.

Вряд ли они поняли меня, едва ли слышали что-то хорошее о России. Скорее всего, их познания ограничены телерепортажами о войне в Чечне и о прошлогодней холодной и снежной зиме в Сибири.

— Хорошо, — повторил длинноволосый, плотно сжав губы и демонстративно кивнув несколько раз головой.

Второй индеец что-то отрывисто сказал своему спутнику на местном наречии. Голос оказался хриплым и глубоко гортанным, словно говорит человек с больным горлом. Казалось, слова еле-еле прорываются наружу. Глубоко посаженные глаза его, не отрываясь, пронзительно буравят меня, подбородок приподнялся, а тонкие губы большого рта опустились вниз, придав владельцу ещё большее сходство с хищной птицей.

— Мой друг говорит: «Хорошо, пусть едет. Никто не тронет тебя. Здесь живут замечательные люди, и это очень хорошая страна».

— Спасибо, — я с усилием растянул в нелепой улыбке губы. — Рад, что мне пришлось побывать здесь. Я поехал. Счастливо оставаться. — Кивая на всякий случай головой и стараясь больше не встречаться глазами с потомками Крейзи Хорса, объезжаю стоящий на пути автомобиль и что есть силы разгоняю велосипед.

Пытаюсь подавить желание оглянуться. Не удаётся, какое-то смутное беспокойство заставляет обернуться назад. Индейцы стоят у своего автомобиля и, не отрываясь, смотрят мне в след. Похоже, они что-то обсуждают. Или мне кажется?

Холодный страх закрадывается под куртку, щекочет лопатки, превращает в кисель мышцы. Он лишает плавности и лёгкости движения. Кажется, что я кручу педали на прикрепленном к полу тренажёре, такой тягуче медленной ощущается скорость.

Ухожу за поворот и мало-помалу успокаиваюсь. Быстро темнеет. Ура! Вправо уходит неглубокий, но сплошь заросший кустарником овраг, это моё спасение! Останавливаю велосипед, спрыгиваю и воровато оглядываюсь по сторонам. Вроде бы никого нет. Быстро ухо-

жу с дороги, не обращая внимания на колючки. Голый кустарник — плохая защита, но едва ли мне найти что-то более подходящее сейчас. Ветви хлещут по рукавам куртки, по сумкам, но меня это не останавливает. Натягиваю капюшон куртки на голову, наклоняюсь вперёд, чтобы защитить лицо, и шаг за шагом удаляюсь от дороги. Забираюсь в самую гущу зарослей, прижимаясь вплотную к изгороди, и молниеносно разгружаюсь.

Устанавливаю свою маленькую палатку и несколько минут старательно маскирую её — рву пучки травы и закидываю ими тент, горсть за горстью кидаю пыльную землю на стенки. Укладываю рядом велосипед, прикрывая на всякий случай все никелированные детали лоскутами ткани от случайного света фар.

Койоты появляются неожиданно, словно вырастая из под земли. Передвигаясь, как тени, они окружают мою стоянку с трёх сторон. Отчаянный вой разносится над оврагом, койоты словно рвут воздух на части — они чувствуют себя хозяевами, тотчас угадывая во мне чужака. Этих пером не купишь! Вот ведь напасть! И отогнать их не получится, наглость их безмерна. Они выдают меня с головой! Ладно, будь, что будет. Я достаю термос, бутерброды и, махнув на всё рукой, сажусь ужинать. Отщипив кусочек колбасы, перекидываю через колючую проволоку. Кидаю ещё и ещё. Вой неожиданно смолкает.

— Ну и хорошо, — шёпотом говорю я сам себе, — тишина всё-таки лучше.

Ужин закончен. Прячу в сумку остатки еды, лишь термос зачем-то остаётся в руке. Открываю вход, забрасываю внутрь палатки спальник, затем выпрямляюсь и ещё раз прислушиваюсь. Ветра нет. Воздух словно застывает в ожидании ночного мороза. Звёзды бесшумно падают с чёрного неба, проваливаясь куда-то, как в без-

дну. Наклоняюсь, чтобы нырнуть в палатку, и почти сразу бросаюсь плашмя на траву: из-за поворота вырывается знакомый рокот, свет фар рвёт темноту и через несколько мгновений на дороге появляется расплывчатый силуэт пикапа. Подняв тучу пыли, он резко встаёт на обочине, в пятидесяти метрах от моей стоянки. Шум двигателя обрывается, будто захлёбнувшись на середине, фары гаснут, до слуха доносится щелчок ключа зажигания. Тишина оседает, словно пыль, давит на барабанные перепонки, замирает в злорадном напряжении.

Секунда тянется за секундой. Сколько они будут так сидеть? Минуту, десять? Стараясь сдержать дыхание, открываю рот, сжимаю и разжимаю несколько раз веки — солёный едкий пот разъедает глаза. Чего они ждут? Испытывают мою выдержку? Скрадывают, словно волки оленя?

Двери открываются резко и неожиданно, почти сразу кустарник прошивают струи карманных фонарей. Незваных гостей уже не двое, а четверо, и слова их коротких фраз отчётливо слышны. Не зря я насторожился при встрече, не зря, они ищут одинокого велосипедиста! Может быть, пытаются таким образом позвать в гости? Вряд ли.

Страх заставляет ещё плотнее прижаться к земле и замереть в неподвижности. Прикрываю веки — вдруг меня выдаст блеск глаз! Тошнота от живота подступает к горлу, лишь усилием воли я заставляю себя лежать на месте, а не броситься по-заячьи прочь, не выбирая дороги.

Индейцы застыли, как чёрные неподвижные статуи. Фонари замерли в руках.

«Небо чёрное. Луны нет, — неожиданно пробивается откуда-то из глубины сознания мысль, — они чувству-

ют, что я где-то рядом, но наверняка этого не знают, а в кусты лезть не хотят — слишком надеются на свет своих фонарей, — я сглатываю слюну. — Однако вестерн...»

Один из индейцев что-то негромко сказал. Голос гор-
танный. «Значит, этот второй у них тут за старшего.
Духовный, так сказать, лидер». Фигуры зашевелились,
словно с нетерпением ждали этого сигнала, и медленно
пошли к машине, что-то обсуждая. Понять, о чём они го-
ворят, я не могу: слишком сильно бьёт в висках кровь,
заглушая голоса. Они какое-то время возбуждённо до-
казывают что-то друг другу, затем, полоснув напоследок
ярким светом фонарей по кустам, садятся в пикап и уез-
жают. Треск двигателя вновь растворяется в ночи.

Несколько минут я продолжаю лежать, затем медлен-
но сажусь и замираю в каком-то оцепенении, не в силах
пошевелиться. Открываю термос и наливаю в кружку
горячего чая, затем, пытаюсь унять мелкий, противный
озноб, подношу её к губам. Глоток. Тепло расходится по
телу. Пью ещё и ещё.

Взгляд цепляется за звёзды. Они рассыпались по не-
босводу, кажется, что кто-то накидал, не жалея горсти,
разноцветных искрящихся самоцветов. Небо выглядит
необычайно чужим — холодным и негостеприимным.

Неуклюже заползаю в палатку, застёгиваю «молнию»
входа и тщательно укутываюсь — ночь обещает быть хо-
лодной. Сон приходит не сразу, временами мне слышит-
ся, что кто-то пытается пробраться через кустарник по
моему следу. Но усталость берёт своё: в голове переме-
шиваются образы причудливо изрезанных ветром скал
Аризоны и Юты, мелькают раскрашенные лица купе-
ровских героев, чудится усмешка горбоносого индейца,
и ещё туман, медленно встающий над Сурой, — рекой
моей Родины. Моё путешествие продолжается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателю</i>	5
<i>От автора</i>	6
Вышка	10
Лодка	16
Патроны	29
Экзамен на смелость	35
С одной спички	43
Праздничный торт	53
Воробей	58
Мимолётная встреча	64
Спутник	72
Два дня	76
Десять из десяти	96
Средство от сутулости	112
Химические метаморфозы	119
Плёвое дело	128
Первый снег	140
Вечерний кросс	151
На живца	163
Погоня	170
Пузыри на воде	193
Браслет из белой полыни	197
Короткие встречи	206
<i>Под Франкфуртом</i>	208
<i>Бутылка воды</i>	210
<i>Цурюк!</i>	214
<i>Соревнование</i>	219
<i>Оптимальный груз</i>	221
<i>Карта</i>	228
<i>Тудруа</i>	231
Затянувшийся октябрь	235
<i>Первый день</i>	236
<i>Индейские штучки Мата Шермана</i>	241
<i>Глоток воды</i>	251
<i>Встреча</i>	255

Владимир Николаевич Кочетков
УРОК ГЕОГРАФИИ
Рассказы

Редактор — Евгений Степанов

Компьютерная верстка — Нора Гаражникова

Корректор — Анна Дрим

Бумага офсетная Гарнитура Petersburg

Тираж 1000 экземпляров.

Сдано в набор 31.11.2009

Подписано в печать 12.02.2010

Издательство «Вест-Консалтинг»

109193, г. Москва, Большой Знаменский переулок, д. 2,
стр. 3, офис 333. тел./факс (495) 971-79-25.

Типография «Наука»,
121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6